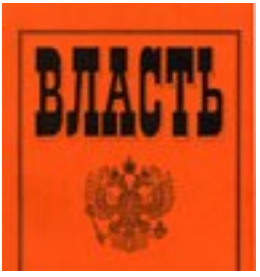
Институт социологии РАН
Общенациональный научно-политический журнал
«ВЛАСТЬ»



НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

НАРОД И ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ СМУТЕ

Сборник научных статей
участников Международного круглого стола
журнала «Власть» и Института социологии РАН
(23 октября 2009 г.)

Научный проект
«НАРОД И ВЛАСТЬ:
ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ»

Выпуск 1

Москва
2010

УДК 93/94
ББК 63.3–3
Н 30

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Лапшин А. О., к. и. н., гл. ред. журнала **«ВЛАСТЬ»** ***(рук. ред. коллегии)***
Марченя П. П., к. и. н., доц. МосУ МВД России и ИАИ РГГУ ***(отв. ред.)***
Разин С. Ю., ст. преп. ИГУМО и ИТ ***(координатор проекта «НАРОД И ВЛАСТЬ»)***

Анфертьев И. А., к. и. н., проф. РГГУ, гл. ред. журнала «ВЕСТНИК АРХИВИСТА»
Булдаков В. П., д. и. н., ст. науч. сотрудник ИРИ РАН
Буховец О. Г., д. и. н., проф., зав. каф. политологии БГЭУ (Минск), вед. науч. сотрудник ИЕ РАН
Карпенко С. В., к. и. н., доц. ИАИ РГГУ, гл. ред. журнала «НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»
Соловей Д. В., д. и. н., проф., зав. каф. связей с общественностью МГИМО (У) МИД России
Чертищев А. В., д. и. н., проф. МосУ МВД России и ВВА им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина
Шелохаев В. В., д. и. н., проф., гл. специалист РГАСПИ, директор Института общественной мысли

АВТОРЫ: *Антонян Ю. М., Анфертьев И. А., Асонов Н. В., Багдасарян В. Э., Белобородова А. А., Булдаков В. П., Буховец О. Г., Демидова Е. И., Жердева Ю. А., Ивашко М. И., Ильюхов А. А., Карпенко С. В., Колганов А. И., Кравцова Е. С., Лапшин А.О., Липатова Н. В., Лисейцев Д. В., Марченя П. П., Михайлов И.В., Павлова Е. В., Разин С. Ю., Савченко Н. А., Селиванов А.И., Славин Б. Ф., Соловей В. Д., Ткаченко С. В., Черниченко М. Ю., Чертищев А. В., Шелохаев В. В., Юрьев С. С.*

Н 30 **Народ и власть в российской смуте**: Сборник научных статей участников Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте» (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 23 октября 2009 г.) / Под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. — Москва: Изд. ВВА им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, 2010. — 348 с. — (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». — Вып. 1).

Сборник включает научные статьи участников организованного общенациональным научно-политическим журналом «Власть» Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте», состоявшегося в Институте социологии РАН 23 октября 2009 г. Этот круглый стол (в работе которого приняли участие более 30 ученых, представляющих научные организации и вузы России и Беларуси) был посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов взаимодействия власти и народа как двух главных агентов исторического развития России в ситуациях глобальных социальных катаклизмов, революций и смут как периодически повторяющихся системных кризисов российского государства и общества. В центре внимания участников дискуссии оказались общие и особенные черты трех «Великих смут» отечественной истории: начала XVII, начала XX и рубежа XX—XXI веков.

Сборник является первым выпуском серии постоянно действующего научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Для ученых, преподавателей, студентов, политиков и всех интересующихся историей смут и революций и проблемами взаимодействия власти и общества в России.

УДК 93/94
ББК 63.3–3

Мнения членов редакционной коллегии не всегда совпадают с мнениями авторов статей

Подписано в печать 08.11.10. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 20,23.
Тираж 100 экз. Заказ № 255.
ООО РПА «АПР». 107023, г. Москва, ул. Электрозаводская, д. 20, стр. 1. Тел.: (495) 799-48-85

ISBN 978-5-904761-12-7

© Журнал «Власть», 2010
© Коллектив авторов, 2010

УЧРЕЖДЕНИЯ,
представители которых организовали
Международный круглый стол
«НАРОД И ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ СМУТЕ»:

Институт социологии
Российской академии наук,
ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ВЛАСТЬ»

Институт гуманитарного образования
и информационных технологий,
КАФЕДРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Московский университет
Министерства внутренних дел России,
КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ

Историко-архивный институт
Российского государственного гуманитарного университета,
УЧЕБНО-НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
«НОВАЯ РОССИЯ. ИСТОРИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ»
и КАФЕДРА ИСТОРИИ РОССИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

ОРГАНИЗАЦИИ,
представители которых приняли участие в Международном круглом столе «НАРОД И ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ СМУТЕ»

УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК:

Институт социологии
Институт российской истории
Институт Европы
Институт мировой экономики и международных отношений

ВЕДУЩИЕ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЕ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ:

«ВЛАСТЬ»
«Вестник архивиста»
«Вестник Российского государственного гуманитарного университета»
«Новый исторический вестник»
«Обозреватель — Observer»
«Россия и современный мир»
«Социологические исследования (Социс)»
«Федерализм»

ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ РОССИИ И БЕЛАРУСИ:

Академия экономической безопасности МВД России (Москва)
Белорусский государственный экономический университет (Минск)
Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (Москва)
Государственный университет управления (Москва)
Институт гуманитарного образования и информационных технологий (Москва)
Курский государственный медицинский университет (Курск)
Курский институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета (Курск)
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва)
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва)

Московский педагогический государственный университет (Москва)
Московский университет МВД России (Москва)
Российской академия адвокатуры и нотариата (Москва)
Российская академия правосудия (Москва)
Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Российский государственный университет туризма и сервиса (Москва)
Самарский государственный университет путей сообщения (Самара)
Самарский государственный экономический университет (Самара)
Саратовский государственный социально-экономический университет (Саратов)
Ульяновский государственный университет (Ульяновск)
Университет Российской академии образования (Москва)

ДРУГИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ:

Комитет по образованию и науке Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации
Министерство внутренних дел России
Автономная некоммерческая организация «Институт общественной мысли»
Российский государственный архив социально-политической истории
Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований («Горбачев-Фонд»)
Гильдия российских адвокатов

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо введения:
От организаторов Международного круглого стола
«Народ и власть в российской смуте» ...……....15

Instead of Introduction:
From organizers of the International Roundtable Discussions
"People and Power in Russian Strife" …….....15

Антонян Ю. М.
Октябрьский переворот и большевистская диктатура
как возвращение Тени …...……..27

Antonyan Y. M.
The October Coup-d'état and the Bolshevik dictatorship
as a return of the Shadow ……...……27

Анфертьев И. А.
Особенности революции и смутного времени в СССР
в конце 1920-х — начале 1930-х гг. ……...……39

Anfertyev I. A.
Peculiarities of the revolution and the time of strife
in the USSRat the late 1920 s and the early 1930……...…39

Асонов Н. В.
Первая российская смута в контексте противостояния
ведущих политических идеологий……...……...49

Asonov N. V.
The First Russian Times of Troubles on the background
of the confrontation of the leading political ideologies …….....49

Багдасарян В. Э.
Ценностные инверсии российских «смут»
в контексте теории «цивилизационного маятника» …..…..61

Bagdasaryan V. E.
Inversion of values of Russian "strifes" according
to the theory of "pendulum of civilization"…….61

Белобородова А. А.
Кризис цензурной политики правительства как отражение
общественной смуты в Российской империи в начале XX в. …71

Beloborodova A. A.
The governmental censorship policy crisis reflecting
the social strife in the Russian Empire in the early XX c. ….....71

Булдаков В. П.
Российские смуты и игры
«просвещенного» разума ….....…80

Buldakov V. P.
Russian strifes and the games
of "enlightened" mind ……...….80

Буховец О. Г.
«Красная смута», крестьянство и советское
нациестроительство: пример БССР, РСФСР и Польши …...92

Buhovets O. G.
"Red Strife", peasantry and the Soviet nation-building
as exemplified by BSSR, RSFSR and Poland ……....92

Демидова Е. И.
Высшая школа в российской революции …….....99

Demidova E.I.
Higher school in the Russian revolution …….....99

Жердева Ю. А.
Революция 1917 года как «городская революция»:
«карнавальная культура» и урбанистический мир …….108

Zherdeva Y. A.
The revolution of 1917 as "an urban revolution":
"carnival culture" and urban world ……...……...108

Ивашко М. И.
Церковь и религиозное сознание народных масс
в 1917 году: причины кризиса ……...……...124

Ivashko M. I.
The Church and religious consciousness
of the peoples masses in 1917: the causes of the crisis ……....124

Ильюхов А. А.
Еще раз о причинах российских революций:
К вопросу о фальсификациях истории ……...….137

Ilyuhov A. A.
Another view on the causes of Russian revolutions:
On the matter of falsification of history ……...…137

Карпенко С. В.
«Военно-экономический союз» бюрократии
и буржуазии на Белом Юге (1919—1920 гг.) ……..147

Karpenko S. V.
"The Military-economic alliance" of bureaucracy and
bourgeoisie in the White South (1919—1920) ……147

Колганов А. И.
Смута и революция: уроки для XXI века ……...…….158

Kolganov A. I.
Strife and Revolution: lessons for the XXI century …….158

Кравцова Е. С.
Политические партии России о преобразовании налоговой
системы (1905—1917 гг.): утопии и реалии ……...….169

Kravtsova E. S.
Russian political parties on the transformation of taxation
(1905—1917): utopias and reality ……...……169

Липатова Н. В.
Фрагмент как целостность: мозаика лидерства
в смутное время ……..179

Lipatova N. V.
Fragment as Integrity: Mosaics of Leadership
in the Time of Troubles ……179

Лисейцев Д. В.
Российские «чиновники» начала XVII века
в событиях Смуты ……..…186

Liseytsev D. V.
Russian “officials” of the early XVII century
in the events of the Times of Troubles …….186

Марченя П. П.
Власть и народ: Утопия и История,
или Еще раз о смысле «русского бунта» …….....197

Marchenya P. P.
Power and People: Utopia and History,
or Another view on the sense of the "Russian Riot" ..…...…...197

Михайлов И. В.
Российские смуты в современной историографии ..…...…209

Mihailov I. V.
Russian strifes in contemporary historiography ……...209

Павлова Е. В.
Десакрализация Самодержавия: к вопросу
о генезисе Смуты ……...……...220

Pavlova E. V.
Desacralization of the Autocracy: on the matter
of the genesis of Strife ……...……..220

Разин С. Ю.
Политические партии как фактор российских смут
и революций XX в. ……..……...……...…….…..227

Razin S. Y.
Political parties as a factor of Russian strifes
and revolutions of the XX c. …….……....……...…...…227

Савченко Н. А.
Материалы сенаторских ревизий
как отражение российской смуты начала XX в. ...……..240

Savchenko N. A.
Materials of senatorial audit
reflecting the Russian Strife of the early XX c. ……...…240

Селиванов А. И.
Народ и власть в российской смуте:
заметки по итогам круглого стола ……253

Selivanov A. I.
People and Power in Russian Strife:
Notes on the results of the Roundtable Discussions ……...….253

Славин Б. Ф.
Революция еще не завершилась……...…….……257

Slavin B. F.
The Revolution was not yet terminated ……...…257

Соловей В. Д.
Есть ли будущее у русской революции? ...……...…263

Solovey V. D.
Is there any future for the Russian revolution? ……...…263

Ткаченко С. В.
Российская власть и правовые реформы:
ожидаемое и действительное ……...……..…274

Tkachenko S. V.
Russian authorities and reforms of law:
expectances and reality ……...…….……274

Черниченко М. Ю.
Экономический дискурс в антибольшевистской
периодической печати Юга России 1918—1920 гг. …...…285

Chernichenko M. Y.
Economic discourse in anti-Bolshevist
periodicals of the South of Russia in 1918—1920 ……..285

Чертищев А. В.
О некоторых итогах и уроках анализа массового
политического сознания России в 1917 году ……...…...288

Chertishchev A. V.
On some results and lessons of the analysis of mass
political consciousness of Russia in 1917 ……...…….288

Шелохаев В. В.
«Смута» в российском измерении ……304

Shelohaev V. V.
"Strife" under the Russian conditions ……..…304

Юрьев С. С.
Влияние правового нигилизма на возникновение
и развитие системного кризиса …….309

Yuryev S. S.
The effect of legal nihilism on the emergence
and progress of system crisis ……...309

Сведения об авторах ……...……...329

Contributors ……...……..329

Публикации научного проекта
«Народ и власть: История России
и ее фальсификации»……..340

Publications of the Scientific Project
"People and Power: History of Russia
and her falsifications"…….....340

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ:

От организаторов круглого стола «Народ и власть в российской смуте»

Лучший способ
догадаться, что будет, —
припомнить, что уже
было…
Маркиз Галифакс (Джордж Сэвил)

В истории России очередные серьезные ***модернизационные*** шаги *ВЛАСТИ*, как правило, ***традиционно*** связаны с ситуацией системного кризиса, войной, революцией, …*НАРОДНОЙ СМУТОЙ*…

Однако столь же верно и обратное: сами неадекватные попытки системных преобразований со стороны власти, не обеспечившей понимание и поддержку собственного народа, провоцируют и продуцируют очередную российскую смуту…

23 октября 2009 г. в Институте социологии Российской академии наук состоялся организованный журналом «Власть» Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». Он был посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа (как двух главных агентов исторического развития России) в ситуациях глобальных социальных катаклизмов, революций и смут (как периодически повторяющихся системных кризисов российского государства и общества). В дискуссиях этого круглого стола приняли участие более трех десятков ученых, представляющих научные журналы, научно-исследовательские организации и высшие учебные заведения России (Москвы, Курска, Самары, Саратова, Ульяновска) и Беларуси (Минска).

Организаторы «Стола» исходили из того, что системное осмысление «смуты» и предельно обнажаемых ею

глубинных особенностей и закономерностей взаимодействия власти и народа в отечественной истории является стержневой проблемой россиеведения в целом. Как человек познается реально и полно не в состоянии покоя, а в ситуации кризиса, так и целые народы, страны, государства и цивилизации наиболее полно познаются в тяжелые исторические времена хаоса, потерь и перемен. В таком ключе Россия и ценностно-смысловые доминанты ее исторической судьбы непостижимы вне осмысления феномена «русской смуты».

Своеобразное «троецентрие» исследовательского предмета состоявшихся в итоге дискуссий определялось давно назревшей необходимостью сравнительного анализа трех крупнейших системных кризисов («смут») в истории России (начала XVII века, начала XX века и рубежа XX—XXI веков), которые уже признаны современной историографией в качестве *«Великих смут»* отечественной истории. В качестве Ведущего «Стола» из Института российской истории РАН был приглашен известный «смутовед» России, автор знаменитой «Красной смуты»[1] В. П. Булдаков, который также на протяжении многих лет подготавливал отечественную социально-научную «почву» для подобного мероприятия, подчеркивая, что кризисы являются «естественной формой пространственно-временного существования России, однако попыток их конкретно-исторического сопоставления еще не предпринималось. Между тем, сравнительное изучение периодов нестабильности российской системы с учетом особенностей массовой психологии может сказать о ее природе больше, нежели любая — как всегда претендующая на универсализм — теория»[2].

Актуальность темы нашего «круглого стола» обусловлена очевидной перманентностью «переходных периодов» российской истории, последний (?) из которых до сих пор не завершен, и, возможно, вступает сейчас в *решающую стадию*. Необходимость адекватного осмысления и понимания российских кризисов и оптимальных путей их преодоления/предотвращения выступает **сегодня** одним из главных вызовов для интеллектуального класса России, от ответа на который зависит, будет ли у нее **«завтра»**.

В таком контексте, основное внимание в своих выступлениях участники «круглого стола» уделили наиболее болезненным вопросам современного россиеведения: о проблемах и перспективах демократии в России; о смысле и логике «русской смуты»; об особенностях и механизмах кризисного ритма истории российского государства и общества; о роли политических элит и народных масс в так называемые «переходные периоды» и о причинах постоянного воспроизводства последних в отечественной истории.

В ходе подготовки «круглого стола» планировалось проведение дискуссий по следующему спектру проблем:

- *Смута как феномен российской истории: прошлое и настоящее России.*
- *Мифы и уроки Смуты — 1917.*
- *Власть России и российская смута.*
- *Русская Смута: крах Империи или ее возрождение?*
- *Безумие и логика смутных времен российской истории.*
- *Война и Смута в диалектике русской истории.*
- *Демократия в России: мифы и реальность прошлого и настоящего.*
- *Большевизм: между буквой марксизма и стихией русской смуты начала XX века.*
- *Элиты и массы в российской смуте начала XX века.*
- *Российская многопартийность как фактор российской смуты.*
- *Русская Идея и Русская Смута. Идеология и психология смутных времен в России.*
- *Парадоксы массового сознания в российской смуте.*
- *Социальное измерение российской смуты.*
- *Духовные предпосылки российской смуты.*
- *Православие и правосознание в контексте российской смуты.*
- *Норма и патология до, во время и после Смуты.*
- *Народ: виновник, жертва и герой Русской Смуты.*

- *Политические лидеры смутных времен: вожди, вожаки и враги народа…*

Для удобства проведения дискуссий «круглого стола» обозначенная проблематика была относительно конкретизирована по следующим проблемным направлениям:

***

1. СМУТА/РЕВОЛЮЦИЯ, КРИЗИСНЫЙ РИТМ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.

2. ДИНАМИКА РАЗВЕРТЫВАНИЯ СИСТЕМНЫХ КРИЗИСОВ В РОССИИ.

3. ЭЛИТЫ И МАССЫ В РОССИЙСКИХ СМУТАХ.

4. СМУТЫ И РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ: ОЖИДАЕМОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ.

***

В результате, на этом, как и на любом другом «круглом столе», посвященном смутам и революциям в России, рельефно обозначились болезненно жгучие, далекие от «застольной *округлости*» «острые углы», по которым никак не удается достигнуть согласия даже работающим в одних и тех же архивах историкам. Но в одном собравшиеся оказались едины: **осмысление смуты и наглядно выявляемых ею особенностей взаимодействия народа и власти в нашем обществе является мерой понимания России, краеугольным камнем выбора ее пути и своего места в ней. В ее прошлом, ее настоящем и ее будущем.**

На наш взгляд, прозвучавшие в ходе оживленных дебатов компетентные суждения современных ученых о возможных путях выхода из исторической западни рецидивирующих системных кризисов могли бы помочь власти и обществу постсоветской России избежать уже изведанных крайностей и преемственно объединить лучшее, что было в России досоветской и советской. И остаться при этом **РОССИЕЙ**.

***

В работе нашего «круглого стола» приняли участие (в алфавитном порядке): заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, проректор по науке Института гуманитарного образования и информационных технологий **Ю. М. Антонян** *(МОСКВА)*; кандидат исторических наук, профессор Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, главный редактор журнала «Вестник архивиста» **И. А. Анфертьев** *(МОСКВА)*; кандидат исторических наук, профессор кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России **Н. В. Асонов** *(МОСКВА)*; доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политологии Российского государственного университета туризма и сервиса **В. Э. Багдасарян** *(МОСКВА)*; доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН **В. П. Булдаков** *(МОСКВА)*; доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН и заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного экономического университета **О. Г. Буховец** *(МИНСК)*; кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Курского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета **А. А. Белобородова** *(КУРСК)*; доктор исторических наук, профессор **В. Н. Воронов** *(МОСКВА)*; доктор исторических наук, профессор кафедры экономической и политической истории России Саратовского государственного социально-экономического университета **Е. И. Демидова** *(САРАТОВ)*; кандидат исторических наук, доцент Самарского государственного экономического университета **Ю. А. Жердева** *(САМАРА)*; доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин Российской академии правосудия **М. И. Ивашко** *(МОСКВА)*; доктор

исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Государственного университета управления **А. А. Ильюхов** *(МОСКВА)*; кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, главный редактор журнала «Новый исторический вестник» **С. В. Карпенко** *(МОСКВА)*; доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова **А. И. Колганов** *(МОСКВА)*; кандидат исторических наук, доцент Курского государственного медицинского университета **Е.С. Кравцова** *(КУРСК)*; кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Власть» **А. О. Лапшин** *(МОСКВА)*; кандидат исторических наук, доцент Ульяновского государственного университета **Н. В. Липатова** *(УЛЬЯНОВСК)*; кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН **Д. В. Лисейцев** *(МОСКВА)*; доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Университета Российской академии образования **В. Т. Логинов** *(МОСКВА)*; кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Московского университета МВД России, доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета **П. П. Марченя** *(МОСКВА)*; кандидат исторических наук **Е. В. Павлова** *(САМАРА);* старший преподаватель кафедры общественных наук Института гуманитарного образования и информационных технологий **С. Ю. Разин** *(МОСКВА)*; кандидат исторических наук, доцент Курского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета **Н. А. Савченко** *(КУРСК)*; доктор философских наук, профессор, начальник научно-исследовательского отдела Академии экономической безопасности МВД России **А. И. Селиванов** *(МОСКВА)*; доктор философских наук, профессор Московского педагогического государственного

университета, помощник Президента Международного Фонда социально-экономических и политологических исследований («Горбачев-Фонд») **Б. Ф. Славин** *(МОСКВА)*; доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью МГИМО (У) МИД России **В. Д. Соловей** *(МОСКВА)*; кандидат юридических наук, доцент кафедры «Социальные технологии и право» Самарского государственного университета путей сообщения **С. В. Ткаченко** *(САМАРА)*; аспирантка кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета **М. Ю. Черниченко** *(МОСКВА)*; доктор исторических наук, профессор кафедры философии Московского университета МВД России и кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина **А. В. Чертищев** *(МОСКВА)*; доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН **В. Л. Шейнис** *(МОСКВА)*; доктор исторических наук, профессор, директор Института общественной мысли **В. В. Шелохаев** *(МОСКВА)*; доктор юридических наук, профессор, вице-президент Гильдии российских адвокатов **С. С. Юрьев** *(МОСКВА)*.

В ходе обмена мнениями, состоявшегося после завершения дискуссии, все участники отметили, что она была полезной и интересной и поддержали предложение организаторов круглого стола о создании постоянно действующего теоретического семинара по проблемам отечественной истории XX века.

И вот сегодня, по итогам получившего известный резонанс в научной общественности Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте», мы предлагаем вниманию всех заинтересованных лиц настоящий сборник научных статей, являющийся первым (и, как мы надеемся, не последним) выпуском в серии научного проекта **«НАРОД И ВЛАСТЬ: ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ»**.

Кроме того, анализ и сами материалы состоявшихся на этом «круглом столе» дискуссий были опубликованы в течение 2010 года в журнале **«Власть»** (на сайте журнала и в шести печатных номерах [№№ 4[3], 5[4], 6[5], 7[6], 8[7], 9[8]]). Сокращенный обзор основных докладов и сообщений опубликован также в журнале **«Вестник архивиста»**[9]. Отдельные результаты обсуждений «круглого стола» представлены также в журналах **«Обозреватель — Observer»**[10], **«Федерализм»**[11] и других ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Перечнем ВАК РФ. В частности, готовы к выходу (ожидаются в декабре 2010 г.) новые аналитические статьи в журналах **«Россия и современный мир»** *(«Смутоведение» как «гордиев узел» россиеведения: от Империи к Смуте, от Смуты к..?»)*, **«Вестник РГГУ»** *(«Империя и Смута в современном россиеведении: По мотивам круглого стола «Народ и власть в российской смуте»)*.

Анализируя итоги прошедшего мероприятия, его организаторы решили посвятить новый «круглый стол» российскому крестьянству[12].

Пользуясь случаем, сообщаем, что его проведение (в рамках постоянно действующего научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации») под общим названием ***«Крестьянство и власть в истории России XX века»*** запланировано на 12 ноября 2010 г. также в Институте социологии РАН (по адресу: г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5).

К обсуждению предлагается следующий спектр вопросов:

- *«Крестьянский вопрос»: смысл и значение в истории России и человечества.*
- *XX век в истории России: «раскрестьянивание» или «окрестьянивание» страны.*
- *«Земля» как категория массового сознания в России: утопии и жизнь.*
- *«Кровь» и «почва» в истории русского народа и Российского государства.*
- *«Великий незнакомец» и публичная политика в России»: мифы и реальность.*

- *Образы Власти в зеркале крестьянского сознания.*
- *«Свои» и «чужие»: крестьянские массы и политические элиты России в контексте цивилизационной идентичности.*
- *«Российская многопартийность» и «сельский электорат»: возможен ли диалог?*
- *Русское крестьянство: «могильщик» Империи или ее цивилизационный фундамент?*
- *Крестьянство России: субъект истории или «немая всеобщность»?*
- *Пролетариат России: особый класс или разновидность крестьянства?*
- *«Мужики» и «бабы» в российской истории: социокультурные портреты и карикатуры.*
- *«Русский народ» в контексте Веры и Церкви: «Икона и топор», «Поп и Балда»… «Богоносец или безбожник»?..*
- *«Аграрные реформы» и «русские крестьяне»: отечественная история и ее фальсификации.*
- *Крестьяне в контексте русской смуты и революции.*
- *Война и крестьянство России. «Человек с ружьем»: «Шинель» и «Зипун» как символы русской истории.*
- *Коллективизация и индустриализация: социокультурное, психологическое и геополитическое измерение.*
- *«Большой Террор» и русское крестьянство: «сталинизм» через призму «крестьянского вопроса».*
- *«Почва» и «Модерн»: крестьянство в контексте современности…*

Для удобства проведения дискуссий будущего круглого стола обозначенная предварительная проблематика относительно конкретизирована по следующим проблемным направлениям:

***

1. «КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС»: СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ РОССИИ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

2. XX ВЕК В ИСТОРИИ РОССИИ: «РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЕ» ИЛИ «ОКРЕСТЬЯНИВАНИЕ» СТРАНЫ.

3. «ВЕЛИКИЙ НЕЗНАКОМЕЦ» И ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ»: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ.

4. РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО: «МОГИЛЬЩИК» ИМПЕРИИ ИЛИ ЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ФУНДАМЕНТ?

5. «АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ» И «РУССКИЕ КРЕСТЬЯНЕ»: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ И ЕЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ.

***

Материалы этого «круглого стола» также будут опубликованы в журнале «Власть».

Информация об итогах работы круглого стола будет опубликована и в ряде других научных изданий.

По итогам работы круглого стола предполагается издание аналогичного настоящему сборника научных статей в серии научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (Выпуск 2).

Приглашаем к участию в деятельности постоянно действующего научного проекта **«Народ и власть: История России и ее фальсификации»** и в Международном круглом столе журнала «Власть» и Института социологии РАН **«Крестьянство и власть в истории России XX века»** историков, исторических антропологов, социологов, политологов, юристов, экономистов, философов, культурологов и других специалистов, которые не равнодушны к названным проблемам.

А. О. Лапшин, П. П. Марченя, С. Ю. Разин

Библиография

[1] *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 1997 [2-е изд., доп. — 2010].

[2] *Булдаков В. П.* Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904—1921 и 1985—2002 годов // Acta Slavica Japonica. — 2005. — Т. 22. — P. 95.

[3] *Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: Ч. 1 // Власть. — 2010. — № 4. — С. 14—17. (Электронный ресурс: http://www.isras.ru/vlast_2010_4.html; http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/04/Mezhdunarodnyj_kruglyj.pdf).

[4] *Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: Ч. 2 // Власть. — 2010. — № 5. — С. 10—14. (Электронный ресурс: http://www.isras.ru/vlast_2010_5.html; http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/05/Megdunarodnyj_kruglyj_stop.pdf).

[5] *Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: Ч. 3 // Власть. — 2010. — № 6. — С. 13—17 (Электронный ресурс: http://www.isras.ru/vlast_2010_6.html; http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/06/Krugl_stol.pdf).

[6] *Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: Ч. 4 // Власть. — 2010. — № 7. — С. 9—14. (Электронный ресурс: http://www.isras.ru/vlast_2010_7.html; http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/07/Buldakov.pdf).

[7] *Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: Ч. 5 // Власть. — 2010. — № 8. — С. 9—13. (Электронный ресурс: http://www.isras.ru/vlast_2010_8.html; http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/08/Krugl_stol.pdf).

[8] *Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: Ч. 6 // Власть. — 2010. — № 9. — С. 16—21. (Электронный

ресурс: http://www.isras.ru/vlast_2010_9.html;
http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/09/Krugl_stol.pdf).

[9] *Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю.* «Народ и власть в российской смуте»: прошлое и настоящее системных кризисов в России // Вестник архивиста. — 2010. — № 3. — С. 288—302 (Электронный ресурс:
http://www.vestarchive.ru/issledovaniia/1083-l-n---n.html;

сокращенный англоязычный вариант:
http://www.arhivemagazine.com/conferences/35-qpeople-and-power-in-russian-strifeqthe-past-and-the).

[10] *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Народ и власть в русской смуте: «Вилы» и «грабли» отечественной истории // Обозреватель — Observer. — 2010. — № 7 (246). — С. 96—103. (Электронный ресурс:
http://www.rau.su/observer/N7_2010/index.htm;
http://www.rau.su/observer/N7_2010/096_103.pdf).

[11] *Разин С. Ю.* «Перестройка» и «Смута» на Международном круглом столе «Народ и власть в российской смуте» // Федерализм. — 2010. — № 2 (58). — С. 223—234. (Электронный ресурс: http://www.federalizm.ru/data/nomer.shtml?nomer=58);
Марченя П. П., Разин С. Ю. Империя и Смута — инварианты российской истории // Федерализм. — 2010. — № 3 (59). — С. 121—134. (Электронный ресурс:
http://www.federalizm.ru/data/nomer.shtml?nomer=59).

[12] *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Крестьянство и власть в России // Социологические исследования (Социс). — 2010. — № 9. — С. 140. (Электронный ресурс:
http://www.isras.ru/socis_2010_09.html;
http://dlib.eastview.com/browse/doc/22543710).

Ю. М. Антонян

ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ И БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ДИКТАТУРА КАК ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЕНИ

Такое всемирно-историческое событие как октябрьский большевистский переворот в России в 1917 г. невозможно объяснить, если не пытаться понять его причины и природу, сущность и смыслы, если, наконец, не дать ему этическую оценку.

Я поэтому начну с утверждения, что тогда власть в великой стране захватила орда варваров и абсолютно бессовестных преступников, чья мораль, жизненные и идеологические установки резко отличались от того, что было принято в цивилизованном мире и составляло общечеловеческие ценности.

Революция развязала самые грязные и темные инстинкты и влечения человека, выпустила на волю силы зла и разрушения, которые до этого контролировались и сдерживались средой и самим человеком. Люди толпы, чернь вдруг почувствовали, что им все дозволено, тем более, что религия, традиционно игравшая в российском обществе роль нравственного регулятора, сама стала объектом невиданной агрессии. С несравненно большей резкостью стала проводиться граница между своими и чужими. На последних стали переносить все те негативные черты, которые личность бессознательно ощущала в себе и порицала их. Чужих стали воспринимать как носителей именно этих качеств, а поэтому они подлежали уничтожению.

На долгие годы было остановлено экономическое развитие общества, растоптана великая культура, вызывавшая непреходящее восхищение всего мира, начато растление народа и массовое уничтожение людей, вражда и ненависть надолго стали нормой отношений. Началось небывалое в России преследование религии и церкви,

священнослужителей убивали, церковное имущество разграбляли, оскверняли святыни; были вскрыты 63 раки, в том числе с мощами Александра Невского и Сергия Радонежского. Произошло обнищание народа, периодически возникавший голод уносил миллионы жизней. Правящий коммунистический режим, сотрудничая с гитлеровским нацизмом, вверг страну в самую кровопролитную войну в ее истории, причем СССР абсолютно не был готов к войне, армия развалилась в течение двух-трех недель, что стало причиной неисчислимых человеческих жертв и других несчастий.

Для объективного и думающего аналитика все эти трагические события отечественной истории предстают бесспорным свидетельством возвращения (отбрасывания) России назад, к каким-то далеким кровавым временам, когда все решалось с помощью силы, несогласных просто уничтожали, а слово правителя-вождя было законом. Произошла примитивизация жизни, самые простые, банальные решения преподносились как самые мудрые. Учение марксизма-ленинизма стало догмой, даже сомнение в которой могло стоить жизни, а это было прямым повторением инквизиции. Одним словом, октябрьский переворот не только затормозил развитие России, а затем СССР, а отбросил далеко назад.

Полагаю, что этому явлению, которое характерно не только для нашей страны, но и для ряда других (Германии, Италии, Китая, Камбоджи, Ирана и т. д.) можно найти научное объяснение с помощью психоанализа и аналитической психологии.

Как известно, психоанализ исходит из того, что в психике у человека есть ее бессознательная часть, оказывающая существенное влияние на мотивацию поведения, влечения, стремления, постановку целей и т. д. Бессознательное постоянно взаимодействует с сознанием, но в какие-то, обычно критические для человека периоды, может его подавить. В своей многолетней клинической практике я неоднократно наблюдал, как бессознательное,

хранящее в себе невспоминаемые психотравмирующие впечатления даже давно ушедших лет, вдруг неожиданно и брутально восставало, мотивируя жестокую агрессию. В это время человек как бы возвращался в свое далекое детство, когда он был объектом насилия и издевательств. В этих случаях создавалось впечатление, что он как бы мстил за нанесенные ему когда-то унижения и обиды, действуя при этом самым примитивным, грубым и даже жестоким способом. Но самое главное, что прошлое возвращалось к нему, становясь исключительно актуальным. Вообще отдельные люди иногда возвращаются не только в свое детство, но и к своим первобытным предкам, тем самым отрицая цивилизацию. Это имеет место, когда человек находится в состоянии сильного алкогольного или наркотического опьянения, либо болен психически. Для последнего варианта в психиатрии используется термин «синдром одичания».

Логическим развитием идей о бессознательной психике стала теория К. Г. Юнга о коллективном бессознательном, которое хранит в себе архетипы — первичные образы, которые пронизывают всю человеческую историю и содержат опыт минувших веков и тысячелетий. Юнг писал, что ту часть индивидуального бессознательного, которая вытесняется в связи с ее нравственной несостоятельностью, неприемлемостью, можно назвать *Тенью*. Но если *Тень* имеется в индивидуальном бессознательном, то вполне можно допустить, что она содержится и в коллективном. *Тень* коллективного бессознательного представляет собой вытесненный невспоминаемый исторический опыт человечества и отдельных народов, прошлых (в том числе очень давно имевших место) конфликтов и способов их решения. Этот опыт вступает в явное и резкое противоречие с нынешними актуальными установками и ценностными ориентациями людей, иными словами, он отрицает цивилизацию и возвращает, отбрасывает в далекое прошлое.

Возможности возврата коллективной *Тени* особенно велики в странах с неразвитой демократией и авторитарным правлением, о чем убедительно свидетельствует современная история, российская в том числе. Демократические институты и развитое гражданское общество поэтому представляют собой достаточно прочный заслон тоталитаризму, его жестокостям и подавлением инакомыслия. Но как раз такого общества и таких институтов сейчас у России нет, не было его и в начале XX века.

Утверждение, что хранящееся в *Тени* негативное прошлое может возвращаться, ни в коем случае не означает, что история все время повторяется. Если здесь и можно усмотреть некое подобие повторения, то заключается оно только в повторении отдельных состояний, а иногда и в нежелании допустить что-то новое. Вместе с тем, человечество обречено на то, что прошлое, укрытое в *Тени*, время от времени способно актуализироваться.

Возвращение вытесненного коллективного негативного опыта может быть продемонстрировано на ряде примеров.

Октябрьский коммунистический переворот 1917 г. в России привел к власти кровожадную и притом безграмотную клику, которая закабалила страну, в ней фактически был установлен рабовладельческий строй: крестьянство подверглось небывалым преследованиям, их заперли в колхозах в качестве крепостных; рабочих подвергли той же участи в городах, запретив им менять место работы, да и все население из-за введения прописки не могло свободно перемещаться по стране; интеллигенцию начали травить и репрессировать с первых дней захвата власти, ее представителей уничтожали физически, высылали из страны, заставляли пресмыкаться, причем негативное отношение к ней сохранялось на всем протяжении истории коммунистического СССР. Между тем известно, что интеллигенция является продуктом цивилизации и интеллектуальной элитой общества, без нее страна отбрасывалась в каменный век.

С первых же дней захвата власти большевики попрали законность и составляющие ее содержание нравственные ценности. Репрессиям, причем самым жестоким, вплоть до расстрела, стали подвергать не за личную вину за уголовно-наказуемые действия, а только по признаку принадлежности к определенной социальной группе — дворянству, офицерам, священнослужителям, купечеству и т. д. Стали преследовать даже относительно обеспеченных крестьян. По данным разных авторов, за годы господства ленинско-сталинской клики было уничтожено от 10 млн до 26 млн человек, точное число жертв установить невозможно. Если взять только 10 млн человек, загубленных режимом с 1917 по 1952 гг., то окажется, что бесчеловечная система убивала в год 555—553 человека. Однако обессиленный и одурманенный демагогией народ фактически никогда не роптал, даже крупные военачальники, располагающие армиями, безропотно подставляли свои шеи под топор, даже не помышляя о сопротивлении.

Все это не должно восприниматься как нечто неожиданное для именно России, поскольку рабство в ней было отменено только в 1861 г., на много лет позже, чем в Западной Европе. Там, кстати, в таком виде крепостного права как в России, вообще не было после крушения рабовладельческих формаций с наступлением средневековья.

В результате реформ 1861 г., наша страна вообще оказалась неготовой к свободе, она ей оказалась не нужна, и Царь-Освободитель, задумавший и другие реформы, был убит. П. А. Столыпин пытался ликвидировать общину, этот экономический, социальный и психологический пережиток крепостничества, но был убит. Община сохранилась, что было более чем на руку большевикам, которые превратили ее в колхоз. Кстати, колхозы сохранили в СССР и немецко-фашистские оккупанты в 1941—1945 гг. Эти учреждения были универсальными формами ограбления народа тоталитарной (любой!) властью. Таким образом, Россия поддалась власти своей *Тени*, ее коммунистические

служители и жрецы вернули ее в прошлое. Оно и сейчас не отпускает ее, что находит свое выражение в страстном томлении значительной части населения по жестокой руке и авторитарном развитии государственной власти.

Люди бегут от свободы (воспользуюсь выражением Э. Фромма) потому, что она вызывает у них беспокойство и страх, как у ребенка, брошенного родителями, поэтому они предпочли бы остаться в жестких и жестоких руках, которые стали для них родными. Это инфантильное бессознательное желание сильно еще и потому, что у людей старшего поколения, выросшего в условиях глобального коммунистического патронажа, вообще нет опыта и традиций жизни в условиях демократии, они вообще не знают, что это такое. Для них неизмеримо привычнее политические, экономические и духовные оковы тоталитарного общества.

Современный мир, казалось бы, предоставляет индивиду независимость от внешних факторов и, прежде всего от власти. В урбанизированных регионах это особенно заметно, там человек действительно освобождается от давления микросреды с ее назойливым и всепроникающим контролем. Но в авторитарных и, тем более, в тоталитарных странах, он не свободен ни экономически, ни политически, он зависим от власти, и, что очень важно, одновременно растет его изолированность, ощущение своего ничтожества и бессилия. Можно сказать, что в авторитарных и тоталитарных тисках общество, оставаясь структурированным, с одной стороны, дает человеку уверенность, а с другой — продолжает держать его в оковах. Нельзя сказать, что людям всегда хочется свободы, большинство из них либо вообще не задумывается над этим, либо просто не знают, что это такое. Однако они постоянно ощущают опасности в свободе, в том числе опасности самим принимать решения, и такие ощущения преследуют человечество всю его историю. Но подлинная демократия способна вытеснить такие ощущения. В древности страх и ужас возникал перед лицом природы и ее катаклизмов, перед другими племенами и народами,

перед собственной природой, болезнями и смертью, перед духами, божествами и другими сверхъестественными силами. Сейчас страхов тоже достаточно (из-за безработицы, конкурентов, преступников, утери статуса, болезней и т. д.), но урбанизированную личность уже не защищает община.

Итак, сохранились страхи, но сохранилась и память о том, что раньше, пусть и очень давно, человек искал и находил защиту у крепкой и даже жестокой власти. Причем эта власть была не только светской — во многих культурах монарх был и божеством, и в этом качестве тоже защищал общество. Там же, где не произошло разделение духовной и светской власти, последняя брала на себя духовную защиту, что было чрезвычайно важно с учетом перспектив загробного бессмертия.

Коммунизм и фашизм есть не просто возвращение к какому-то неопределенному прошлому, а главным образом, к первобытному варварству, потому, что такой строй отрицает религию и утверждает примитивные верования и магию, то есть насаждает доцивилизованные системы жизни и мировосприятия, а своих вождей и их учение наделяет магическими свойствами; потому что современные кровавые деспоты обеспечивают примитивизацию общества и личности, возвращение к тем архедиким временам, когда община поглощала человека, превращая его в просто единицу стада под властью вождей (царьков) — магов; потому что, как древние маги и колдуны, главари современных орд высокомерно провозглашали, что только им открыты высшие и сокровенные тайны о том, что такое мир и по каким законам он движется, а поэтому они должны быть наделены неограниченной властью; потому что фашизм и большевизм стремились к предельному упрощению социальных, политических и государственных структур, а также духовной жизни, по существу — к ее уничтожению; потому что названные режимы желали воссоздать примитивного человека, лишь жующего, размножающегося, работающего, воюющего; потому что свои схемы тоталитарные диктатуры пытались внедрить

и сохранить с помощью грубой силы, неимоверной жестокости и демагогии, отставив в сторону представления о добре и зле и руководствуясь только эгоистическими соображениями собственных интересов и целей, а тем самым — восстановить тот период, когда еще не было цивилизованного уровня нравственности, одним словом вернуться к тем временам, когда еще не было цивилизации.

Вот почему Гитлер так уверенно провозглашал: «Современная так называемая цивилизация в моих глазах скорее всего является прямым врагом подлинной культуры, ибо на самом деле это в лучшем случае есть псевдоцивилизация, если вообще уместно здесь говорить о какой-либо цивилизации» («Моя борьба»).

Могут возразить, что в первобытные времена царила не только жестокость, и далеко не все решалось с помощью грубого насилия. Это верно, но и в тоталитарных странах наблюдалась не одна агрессия и примитивизм. Ни одно человеческое сообщество не сможет существовать исключительно благодаря убийствам и иным формам подавления и уничтожения.

Ярким примером взрыва коллективного бессознательного являются не столь давние трагические события в Камбодже. В 1975 г. там к власти пришли кхмерские коммунисты во главе с Пол Потом и Иенгом Сари, которые за пять лет уничтожили около трех миллионов (из восьми) своих соотечественников, в первую очередь интеллигенцию. Практически все городское население было насильственно депортировано в сельскую местность, где из них и местных жителей создавали «коммуны» (общины) и «трудовые армии», а по существу — концентрационные лагеря. Всех камбоджийцев раздели на касты (категории) по степени лояльности к режиму. Вместе с частной собственностью была отменена и личная, деньги изъяты из оборота, а торговля стала носить характер натурального обмена. Были ликвидированы все учебные заведения, кинотеатры, телевидение, на всю страну выходил один официозный информационный листок, население было полностью изолировано от внешнего мира. Уничтожались

ценнейшие произведения искусства и архитектуры, в том числе старинные, национальная библиотека и музеи превращены в склады, пагоды — в хранилища. Не стало почты, телеграфа, общественного транспорта. Жгли книги и архивы. Экономика и культура были разрушены полностью. Столица и провинциальные центры стали городами-призраками. В Пномпене проживало около 3 миллионов человек, кхмерские коммунисты выселили оттуда практически все население, оставив там 16—20 тысяч чиновников властвующего режима.

Сотни тысяч кампучийцев под наблюдением вооруженных охранников работали от зари до зари. Семью ликвидировали, женщины и мужчины жили порознь, супругам разрешали побыть вместе лишь раз в десять дней. За тяжелую, изнурительную работу никакой платы не полагалось, лишь выдавали три раза в день по чашке риса. Широко эксплуатировался детский труд. Убивали людей и по плану и по желанию местных властей, даже по случаю «праздников». Солдаты могли убивать, грабить и насиловать в любое время. Религиозные чувства населения грубо попирались, священнослужителей убивали, буддийские статуи и алтари уничтожались. Была ликвидирована медицина, врачей убивали. Камбоджа, страна древнейшей культуры, была превращена коммунистами в выжженную пустыню — это фактически был полный возврат в первобытное общество, при котором не могли существовать никакие ценности культуры. О том, что воссоздавалось именно первобытное общество, свидетельствует не только глобальное уничтожение культуры, но и такая весьма характерная деталь: людей обычно убивали лопатами и мотыгами, этими примитивными древними орудиями труда. Объясняли это тем, что, якобы, экономили пули, однако это объяснение не выдерживает никакой критики, поскольку страна была набита китайским оружием. Дело в том, что огнестрельного оружия в первобытном обществе быть не могло, поэтому оно психологически было чуждо коммунистам XX в. в качестве орудия расправы.

Еще одна красноречивая подробность: коммунисты запретили в Камбодже любовь, она стала считаться серьезным «преступлением», а за все проступки было одно наказание — смерть. Однако здесь есть своя логика, поскольку любовь (как и промышленность, религия, медицина и т. д.) совсем не свойственна тому периоду человеческой истории, который они пытались воссоздать. Именно поэтому она отторгалась ими и за нее карали столь жестоко. Проведем параллель: если кхмерские коммунисты считали любовь «серьезным» преступлением, то германские нацисты отнюдь не отнесли изнасилование к числу тяжких преступлений. Оно и логично, в диком человеческом стаде изнасилования быть не могло.

Тоталитаризм, как отступление от цивилизации, проявляется, конечно, не только в этих кровавых «деталях», сколь красноречивы бы они ни были. Необходимый атрибут кровавой диктатуры — вождь, всегда сосредотачивающий в своих руках необъятную власть, как тот же камбоджийский Пол Пот.

Другим убедительным примером возвращения невспоминаемого коллективного опыта являются события «великой культурной пролетарской революции» в Китае в 60-х годах XX века. Она осуществлялась по прямому указанию и под непосредственным руководством Мао Цзэдуна. Основной удар был нанесен по интеллигенции, ученым, творческим работникам, профессорско-преподавательскому составу высших учебных заведений. Их поносили, оскорбляли, убивали, выводили на «суд масс» в шутовских колпаках; учеников натравливали на учителей, студентов на профессоров. ЦК Китайской компартии и государственный совет приняли 13 июня 1966 г. постановление, согласно которому прекратились занятия в школах и вузах, был отложен прием в вузы, отменены экзамены. В начале 1964 г. в беседе с харбинскими студентами Мао, ссылаясь на Конфуция и китайских императоров, доказывал вред образования. Уничтожались памятники культуры, оскверняли и разграблялись древние

захоронения; классические и современные произведения уничтожались, книги сжигались.

Согласно установкам Мао, в деревнях создавались военно-хозяйственные полунатуральные самообеспечивающиеся единицы; крестьяне должны были, наряду с сельским хозяйством, заниматься военным делом и промышленностью, а рабочие — военным делом и сельским хозяйством. Таким образом, отступление от цивилизации и возврат к древности осуществлялся во всех областях китайского общества.

Возвращение *Тени* коллективного бессознательного можно наблюдать в Иране. Там после так называемой революции произошел резкий откат к раннему мусульманскому средневековью, которое возродило ценности и установки, характерные для тех веков, когда ислам только начинал укрепляться и распространять свое влияние. Гражданское общество в стране было уничтожено, жизнь людей подверглась дотошному и детальному регламентированию. Государство до сих пор возглавляет духовный лидер.

При желании перечень стран, где наблюдается возвращение *Тени*, можно продолжить.

Самостоятельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, какие социальные условия способствуют ее возвращению. Ответ на него поможет осветить механизм этого достаточно сложного и противоречивого явления.

Можно полагать наличие следующих способствующих условий:

1. Существенное ослабление государства и институтов гражданского общества в результате глобального политического, экономического и социального кризиса в России, немалую роль в котором сыграла I Мировая война, неподготовленность страны к такому суровому испытанию. Весьма агрессивные и прекрасно организованные большевики в полной мере воспользовались этими благоприятными для себя обстоятельствами.

Такие же социально-экономические и политические условия сложились для захвата власти тоталитарными

группами в Италии, Германии, Испании, Китае, Камбодже. Германию, например, политика Антанты довела до нищеты, а политический кризис продолжался весь период от ее капитуляции до перехода власти к нацистам.

Глобальный кризис представляет собой необходимое и универсальное условие для возвращения *Тени*. Точно также она может возвращаться во время кризиса личности.

2. Большевики, по существу, предложили населению России, которое преимущественно было крестьянским, общинную, коммунную идеологию, а она им была особенно близка и понятна, как уже отмечалось выше. Западные идеи демократии и парламентаризма были этому населению психологически совершенно чуждыми. Такими они остаются для него и в настоящее время, что весьма печально и затрудняет развитие нашей страны.

3. Идеология большевизма как нельзя более полно совпадала с идеологией русского православия; оно в отличие, например, от протестантизма, который мощно стимулировал частную инициативу, личное обогащение через экономический, промышленный прогресс, проповедовало, напротив, бедность и воздержание, нежелательность накопления материальных благ. В этом православие удивительно напоминает идеологию первобытных христиан, которые жили в примитивных коммунах и в аскетических условиях в ожидании второго прихода мессии.

Большевизм, провозглашая будущий коммунистический рай, тоже призывал к бедности, воздержанию и терпению ради этого светлейшего будущего. При этом и у большевиков мессия уже был — в лице Ленина. Население России с его общинно-крестьянским укладом жизни и характером психологии даже и в городах больше всего было предуготовлено именно для большевистской демагогии. Собственно, различий между тем, что предлагала Русская православная церковь и большевистская идеология, практически не было: и те, и другие призывали к бедности и воздержанию ради «великого» будущего — Церковь на небесам в неопределенном будущем, а большевики — в коммунизме, тоже в таком будущем.

И. А. Анфертьев

ОСОБЕННОСТИ РЕВОЛЮЦИИ И СМУТНОГО ВРЕМЕНИ В СССР В КОНЦЕ 1920-Х — НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

В продолжение дискуссии мне бы хотелось обратить внимание на различия между революцией и смутой, так как зачастую у нас смешивают эти понятия. Скажем, одно и то же социально-политическое явление — 1917 год в истории России одни ученые называют смутой, другие — революцией. Кто же из них прав? На мой взгляд, судить нужно по конкретным социально-экономическим последствиям для страны. Если мы говорим о революции — то она уничтожает препятствия на пути прогресса, кардинальным образом меняется социально-политический облик и весь уклад жизни общества, удовлетворяет запросы наиболее значительной части населения, а прежние государственные и общественные институты ликвидируются навсегда, к прошлому уже нет возврата. А во время и после смуты социально-политический строй сохраняется, государственные институты остаются, даже если они подверглись реформированию. В этом отношении, видимо, пора пересмотреть события 1905—1907 гг. в истории России. Первой русской революцией они были названы советскими историками по указке сверху, по идеологическим соображениям, чтобы убедить народ в законности Октябрьской революции 1917 г. А на самом деле, на мой взгляд, эти события не что иное как смута, которая повлекла за собой некоторую модернизацию социально-экономического строя.

К этому можно добавить, что смута может предшествовать революции, или революция может произойти без периода смутного времени. Пример — революция августа 1991 г. в России, когда в достаточно мирной обстановке Советский Союз распался, а советская власть и ее становой хребет в лице компартии ушли в

небытие. Таким же образом и революция может как вызвать период смутного времени, так и обойтись без него. В частности, как справедливо заметил, с моей точки зрения, выступивший до меня А. И. Колганов о не прописанной в нашей отечественной историографии революции в СССР конца 1920-х — начала 1930-х гг., которую осуществил И. В. Сталин. По значимости последствий для страны (коренному изменению социально-экономических отношений, ликвидации целых социальных групп и т. д.) события этого периода следует отнести к революции. Но для историков до сих пор остается не выясненным вопрос о том, сопровождалась ли эта «революция» «смутным временем».

Уместно, думаю напомнить, что политический образ Сталина в том «залакированном» виде, в котором он дошел до наших дней, складывался не во всем и не всегда гладко. В частности, мало кто знает, что 1930 год едва не оказался для него роковым. Средств на продолжение индустриализации катастрофически не хватало, что во многом ускорило темпы коллективизации на селе, привело к стремительному массовому обнищанию народа, впоследствии, как известно, к голоду. Современникам генсека, в первую очередь его оппонентам (даже из ближайшего окружения), казалось, что миф о его политической неуязвимости вот-вот будет развеян, имелись налицо к тому все необходимые предпосылки. Но, в отличие от своих соратников и деятелей оппозиции, Сталин умел не только предвидеть, в том числе и назревание кризисных явлений, но загодя принимать комплекс необходимых мер для их, если не полной ликвидации, так для жесточайшего подавления. Иллюстрацией тому — обстоятельства исключения из партии в сентябре 1930 г. Мартемьяна Никитича Рютина. Историкам это имя хорошо известно, о его деятельности много опубликовано работ, но в основном как о создателе в 1932 г. законспирированной группы внутри правящей партии, лидере «Союза марксистов-ленинцев».

В августе 1930 г. председатель Управления фотокинопромышленности ВСНХ СССР М. А. Рютин

отдыхал в Ессентуках[1], где общался с А. С. Немовым — руководителем одного из столичных трестов. Вернувшись в Москву, Немов направил в ЦК ВКП (б) заявление, в котором подробно перечислялись «крамольные» высказывания Рютина. Сводились они к тому, что политика правящего ядра в ЦК партии во главе со Сталиным губительна для страны, что к весне 1931 г. наступит полнейшее банкротство этой политики. В результате сложится такое положение, когда никакой формальной оппозиции не будет, но Сталина никто не поддержит. Словом, политика «этого шулера и фокусника» — Сталина будет разоблачена. Немов утверждал, что Рютин убеждал его быть готовым к тому, чтобы покончить со Сталиным. Критиковал Рютин и доклад Сталина на XVI съезде ВКП (б), считая его «сплошным шулерством и надувательством пролетариата».

По его словам, Сталин ничего не говорил о забастовках, которые имелись в стране из-за тяжелого материального положения рабочего класса, что Сталин издевался над рабочими, когда говорил, что реальная заработная плата повысилась. Ведь весь мир знает, что никогда не было такого тяжелого материального положения рабочих в СССР, как в последнее время[2]. Политика же коллективизации явно провалилась, крестьяне в колхозы не шли, хлеб свой не отдавали, да и партии больше не доверяли. Из разговоров с Рютиным следовало, что в стране наступил финансовый крах. Объяснение же властей, что мелкая разменная монета в стране отсутствует из-за распространения спекуляции, не что иное как очковтирательство. На самом деле все это произошло из той же губительной сталинской политики[3]. После того, как Сталина удастся отстранить от власти, или, как говорил Рютин, «смахнуть», с остальными его сторонниками будет легко справиться.

Таким образом, в стране назревают серьезные события, но для этого необходимо было подготовить кадры на предприятиях для выступления. Рютин советовал Немову работу вести только среди людей, хорошо ему известных и,

учитывая ошибки прошлой оппозиции, общаться с глазу на глаз. В том случае, если кто-либо провалится и выдаст его, то ему следовало решительно отказываться от всяких обвинений. При отсутствии каких-либо свидетелей их разговоров власти не смогут предъявить им мотивированные обвинения.

Заявление Немова и объяснительная записка Рютина были переданы на рассмотрение в ЦКК ВКП (б), президиум которой рассматривал их 23 сентября 1930 г. Рютину инкриминировали в первую очередь его критику Сталина. Рютин, когда ему предоставили возможность объясниться, отметил, что разговаривал на отдыхе не только с Немовым. Говорили относительно хозяйственных трудностей, но он, Рютин, указывал на ряд затруднений, интересовался, как у него идут дела[4]. О трудном хозяйственном положении в стране говорили вообще, в том числе и о положении в кинообъединении, где складывалось «чрезвычайно затруднительное положение». Относительно Сталина, отметил Рютин, он говорил о прошлом, а Немов «перевернул, как в настоящее».

5 октября 1930 г., на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) было рассмотрено персональное дело Рютина, а уже на следующий день в газете «Правда» было опубликовано постановление Президиума ЦКК ВКП (б), в котором говорилось: «За предательски-двурушническое поведение в отношении партии и за попытку подпольной пропаганды правооппортунистических взглядов, признанных XVI съездом несовместимыми с пребыванием партии, исключить М. Рютина из рядов ВКП (б)»[5]. Под заголовком «Правых оппортунистов, предателей партии — вон из наших рядов!» в газете была опубликована редакционная статья, начинающаяся словами: «Постановлением ЦКК ВКП (б) исключен из партии Рютин. Исключенный из партии Рютин представляет собой типичный образец двурушника. Будучи секретарем Краснопресненского райкома, Рютин совместно с т. Углановым вел фракционную борьбу против ЦК. Он вместе со всей правой оппозицией пытался

противопоставить партии и ЦК московскую организацию. Рютин вместе с тт. Углановым и Бухариным обвинял партию в скатывании к троцкизму. Рютин вместе со всеми правыми боролся против политики индустриализации, против строительства колхозов и совхозов. Они объявляли троцкизмом организуемое партией социалистическое наступление на кулачество». Эпиграфом этой статьи в «Правде» были слова Сталина: «Невозможно развернуть настоящую борьбу с классовыми врагами, имея в тылу их отражение»[6]. Недвусмысленно членам партии, всему обществу давалось понять, что время дискуссий и разговоров осталось в прошлом, наступила пора решительного искоренения инакомыслия, в какой бы форме оно ни выражалось. О том, что первый удар будет нанесен по членам партии, ранее предлагавшим внести коррективы в партийную линию, можно было судить по призыву, который предварял сталинский эпиграф: «Разоблачим до конца кулацких агентов, союзников контрреволюционного троцкизма — правых оппортунистов»[7].

Но статья явилась лишь прелюдией к оправданию дальнейших массовых репрессий. В ноябре 1930 г. в райкомы, горкомы и партячейки Московской партийной организации было направлено закрытое письмо Московского обкома ВКП (б) за подписью Л.М. Кагановича, в котором предписывалось зачитать его на закрытых заседаниях, разработать план мероприятий и в месячный срок доложить практические предложения[8]. В документе обстоятельно анализировалось положение в московских парторганизациях, давались оценки как внутреннему положению страны, так и внешнеполитическим событиям. О причинах исключения Рютина из партии подробно говорилось в разделе «Вопросы внутрипартийной жизни». В одном из разделов — «Обострение классовой борьбы и раскрытие контрреволюционных организаций» — видимо, совсем не случайно, утверждалось, что социалистическое строительство «происходило и происходит в обстановке ожесточеннейшей классовой борьбы»[9]. В связи с этим за минувшие после XVI

съезда месяцы в соответствии с директивой Московского обкома партии была проведена массовая операция по «изъятию из деревни контрреволюционного кулацкого, антисоветского актива»[10].

В результате репрессиям только в одной Московской области подверглись около тысячи человек — бывших помещиков, полицейских и жандармов, торговцев, священников, в том числе около 150 эсеров. В ряде районов, отмечается в документе, были ликвидированы «кулацкие, повстанческие, эсеровские и террористические группировки, занимавшиеся терактами, поджогами, отравлением скота, распространением слухов о войне»[11]. Об обострении классовой борьбы, утверждалось далее, свидетельствовали и планы интервенции, которые вынашивали руководители так называемой Промпартии. «Срок интервенции, — показывал профессор Рамзин, — единодушно намечался на лето 1930-го года… Уже во второй половине 1929 г. стали поступать из-за границы сообщения о невозможности интервенции в 1930 г. и переносе ее на следующий год В связи с изменением общей обстановки срок интервенции намечался на весну 1931 года»[12]. В документе руководителям Промпартии вменялось в вину то, что они, по указанию Пуанкаре, поступившему им через Рябушинского, пытались создать в 1930—1931 гг. экономический кризис для подготовки интервенции. Этому, с их точки зрения, благоприятствовала борьба троцкистов и правых уклонистов против руководства партии, поскольку налицо имелось идейное родство между платформами Промпартии, Трудовой крестьянской партии и платформой правого уклона. Таким образом, утверждалось в письме, контрреволюционеры идейно сомкнулись с правыми уклонистами и старались использовать их лидеров в своих целях, помогали им одержать победу внутри ВКП (б), «не гнушались и террором, создали террористическую группу, готовившую теракты в дни работы XVI съезда против Сталина, Ворошилова, Куйбышева, Молотова, а также против тт. Менжинского, Ягоды и др.»[13].

В разделе «Вопросы внутрипартийной жизни» отмечалось, что «партия разгромила правый уклон как

кулацкую агентуру в партии, причем XVI съезд признал взгляды правой оппозиции несовместимыми с принадлежностью к ВКП (б)»[14]. Но правые уклонисты, отмечалось в документе, продолжили атаку на ЦК и ведут ее «подпольно, предательски, обманывая партию, двурушничая, прикрываясь формальным согласием с генеральной линией, наиболее ярко это подтверждается фракционной предательской работой видного правого уклониста, ближайшего соратника Бухарина и Угланова, бывшего секретаря Краснопресненского райкома — Рютина… Рютинские оценки политики партии и положения в стране ничем не отличались от оценок меньшевистско-белогвардейской эмиграции»[15]. Далее Рютину вменялось в вину намерение «свергнуть руководство партии, возглавляемое т. Сталиным»[16].

Ошельмованный публично в печати и не менее публично перед своими теперь уже бывшими товарищами по партии в закрытом письме Московского обкома, Рютин был арестован в ноябре 1930 г. На допросах в ОГПУ Рютин отрицал предъявленные ему обвинения. Менжинский вынужден был обратиться к Сталину с просьбой уточнить его дальнейшую судьбу, ссылаясь на то, что Рютин «изображает из себя невинно обиженного»[17]. Сталин на записке Менжинского приписал: «Нужно, по моему, отпустить»[18]. 17 января 1931 г. Рютин был освобожден из тюрьмы с твердым намерением продолжить борьбу с человеком, который, по его убеждению, вел страну к неминуемой гибели.

Таким образом, подводя итоги изложенного документального материала, следует, на мой взгляд, признать, что Рютин своими действиями и в 1930 г., и в 1932 г., своей борьбой против Сталина не столько напугал последнего, сколько сплачивал партийно-государственную элиту вокруг вождя. В свою очередь Сталину, для того, чтобы не допустить очередной смуты и/или гражданской войны, достаточно было устранить причины массового недовольства, как это было, скажем, в 1921—1922 гг. Вместо продразверстки — продналог, некоторая свобода торговли,

частичный уход государства из экономики, элементы рыночных отношений.

Но этого не произошло в силу того, что власть испытывала, назовем это «комплексом нелегитимности». В самом деле, в 1917—1991 гг. неустойчивость власти, «хрупкое равновесие» между властью и народом объясняется не в последнюю очередь тем, что эту власть народ не выбирал. Только на словах власть считалась народной, а ее представители — слугами народа, а на деле «держатели» власти во главе со Сталиным, стремясь упрочить собственные завоевания, укрепить свои властные позиции, вынуждены были идти на любые по тяжести преступления, формирование на государственном уровне механизмов оболванивания и массового обнищания народных масс, чтобы привести их к покорности. А это, в свою очередь, не могло не вызывать явного или скрытого, молчаливого протеста.

Получался замкнутый круг: чем больше власть подавляла недовольство, а не устраняла причины его возникновения, тем больше это недовольство накапливалось. И рано или поздно этот конфликт между властью и народом должен был разрешиться, что, как видим, и произошло в августе 1991 г.

В тех же конкретных исторических условиях Сталин действовал как политический прагматик, который в интересах своих личных амбиций, ради сохранения власти способствовал распространению мифов о собственной прозорливости и гениальности в борьбе с противниками Советской власти, которых, как показывает данное исследование, он, искусно «увязывал», а порой сам и назначал. Большинство из тех, кто оказывался по его воле разменными фигурами в политических играх, опускали руки, пасовали, отказываясь от продолжения борьбы. Рютин оказался одним из немногих, кого не устроила предназначенная ему роль жертвы, кто не спасовал перед всесилием власти, а решил продолжить борьбу, но уже не в одиночку, а попытавшись создать подпольную организацию внутри ВКП (б) в 1932 г.

На протяжении нашей многовековой и, к слову, многострадальной истории руководителей государства с некоторой долей условности можно разделить на две категории: те, кому власть, неограниченная, как правило, доставалась легко, скажем, по наследству, и рассматривалась чуть ли не как обуза и тяжкое испытание. Вторую категорию российских властителей, значительно менее многочисленную в нашей отечественной истории, составляют те, кто шел к вершинам власти трудно, медленно, преодолевая неимоверные интриги, убирая тем или иным способом соперников, зачастую преступая моральные нормы.

Последние, а к ним, безусловно, следует отнести Сталина, освоили искусство любую ситуацию, подчас самую негативную, использовать с максимальной для себя политической выгодой. Вспомним В. И. Ленина, который с горсткой помощников вышел победителем в борьбе с таким государственным монстром как самодержавие, разметал в прах нарождавшиеся буржуазно-демократические институты, не испугался кровавых ужасов гражданской войны, решился на массовый террор, чтобы еще раз доказать всем, и врагам и соратникам, свое превосходство политического лидера. Сталину было у кого учиться, и он оказался достойным учеником Ленина, возможно, в чем-то даже превзошедшим своего учителя. Парадоксально, но внутренние кризисы во многом даже способствовали укреплению режима личной власти Сталина, формированию его культа личности. Преодолевая смуту в зародыше, он беспощадно расправлялся и с теми, кто стоял у него на пути к безраздельной власти. В связи с этим можно сделать вывод о том, что революцию сверху в конце 1920-х — начале 1930 гг. Сталин совершил в условиях смутного времени и ценой в миллионы жизней своих подданных, ради счастья которых, как ему представлялось, он и действовал.

Библиография

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 823. Л. 51, 90.
[2] Там же. Л. 27.
[3] Там же. Л. 28.
[4] Там же. Л. 45.
[5] Правда. 1930. 6 октября.
[6] Там же.
[7] Там же.
[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 97. Л. 2, 3.
[9] Там же. Л. 9.
[10] Там же.
[11] Там же.
[12] Там же. Л. 11.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Там же. Л. 11, 12.
[16] Там же. Л. 11.
[17] Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5282. Л. 1.
[18] Там же.

Н. В. Асонов

ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ СМУТА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ВЕДУЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ

Благодаря опричнине, с помощью которой Иван Грозный сумел подавить деструктивную оппозицию в лице «полужидовствующих», политическая составляющая идеологии которых ставила своей целью разрушение православной государственности в России; «нестяжателей», вставших на позиции «терпения» и «кротости» в отношении «развратников веры христовой»; сторонников удельно-княжеской управленческой модели, мечтающих вернуть власть «великим родам», а также приверженцев республиканско-вечевых традиций, Московское государство не только избежало политического раскола и более кровавых религиозных войн, поразивших западноевропейский мир, но и сохранило себя в качестве последнего оплота славяно-православной цивилизации, обеспечив ее последующее выживание.

Решающая роль в этом принадлежала не столько самому царю, сколько его народу, принявшему модернизационный курс Ивана IV, отразившийся в торжестве политической идеологии самодержавной соборности, вставшей в один ряд с унификацией русской церкви, проведенной согласно каноническим традициям раннего христианства. Понял народ и значение опричнины, как вынужденной временной меры по спасению «Нового Израиля», оказавшегося в окружении внешних и внутренних врагов. Поэтому XVI век в истории нашей страны не стал синонимом «Смутного времени» и «Бунташного века», оставив все ужасы этих событий на долю «тишайшего» царя Алексея.

Социально-политическая стабильность России к этому времени была настолько прочной, что даже династический кризис, вызванный смертью Федора I, не привел страну к смуте. Более того, чтобы получить поддержку общества, Борис обратился к помощи именно Земского собора, что указывало на безоговорочную победу

доктрины самодержавной соборности, в сохранении которой ни одна другая политическая идеология не была заинтересована. Летопись пишет, что «люди ото всех градов и весей збираху людей и посылаху к Москве на изобрание царское. …и положиша совет …посадити на Московское государство …Бориса Федоровича Годунова, видящее его при царе Федоре Ивановиче праведное и крепкое правление»[1].

Международный успех России и ее внутренняя стабильность были настолько значительны, что в первые годы правления Бориса Годунова принципы самодержавной соборности сохранили свое безоговорочное лидерство в идеологической подсистеме страны. Составленная патриархом Иовом «Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси» закрепила за Россией термин «Великая». С этим понятием стала увязываться не только «вселенская слава» России, но и ее связь с «благочестивыми и крестоносными христианскими царями». Их «благородный царский корень» идущий «от великого Августа кесаря Римского… до самого… Федора Ивановича»[2]. Особо подчеркивалось, что «Великая Россия» честно хранит «Греческий закон …и царское изрядное благочестие»[3]. Характерный для идеологии самодержавной соборности приоритет светской власти над духовной выразился в признании политического лидерства за царем как «достохвальным правителем» и спасителем «Великой России»[4].

Социально-политическая устойчивость России к началу XVII в. даже позволила вернуть идеологию самодержавной соборности к ее изначальному содержанию характерному для середины 50-х годов XVI в. Политика «грозы» была заменена «терпением» и «строением». «А строение его в земле таково, каково николи не бывало: никто большой, ни сильный никакого человека… не изобидят» и «всеми благинями Росия цветяше»[5].

Но страшный голод и мор 1601—1603 годов заметно подорвали доверие общества к Годунову. Голод стал

трактоваться как божья кара, за то, что народ в обход законных преемников из династии Рюриковичей признал царем самозванца. Тогда, чтобы сохранить за собой трон, Борис Годунов был вынужден отказаться от политики «терпения» и вернуться к политике «грозы», обрушив ее на лидеров оппозиции. Но в итоге в 1603 г. народное возмущение все-таки переросло в восстание[6].

Однако (возвращаясь к «грозе царской власти») Годунов стал уходить от идеологии самодержавной соборности в сторону абсолютизма, создав благоприятные условия для проникновения во власть представителей романо-германской цивилизации, враждебно настроенной к сохранению России как последнего оплота славяно-православного мира. Для рекрутируемых в Россию европейцев был создан режим наибольшего благоприятствования. В «Речи перед иноземцами» в 1601 г. царь Борис прямо заявил, что он зовет их служить не стране, а лично себе. «Иноземцы, …добро пожаловать в нашу страну… Мы дадим вам вдоволь земли и крестьян… Мы будем вам не царем, …а отцом, ...никто, кроме нас, не будет повелевать вами… (Но) вы должны поклясться нам, …что вы будете верны нам и нашему сыну»[7]. Земский собор больше не собирался.

Это породило серьезный идеологический раскол между царем и народом. В Борисе Годунове больше не видели защитника религиозных и национальных интересов России. Царя осуждали за то, что он «радение держаше о чюжих землях, а того не ведяше, что будет над своим государством»[8].

Данный конфликт в отношениях между властью и обществом не прошел незамеченным для Запада, готового использовать любой повод для подрыва социально-политической стабильности в России. Поэтому появление в 1604 г. «царевича Дмитрия» не только возвестило о начале первой российской смуты, но и сыграло положительную роль в окончательной дискредитации и гибели Годунова. Остановился процесс политической модернизации, направленный на

идеологическое оформление и институционализацию абсолютизма в России, который должен был предвосхитить абсолютизм Петра Великого с его тягой к «европейничанью».

Стремительное падение Лжедмитрия I, которому, наверное, народ поверил не столько как сыну Ивана Грозного, сколько как наследнику и хранителю самодержавной соборности, было вызвано теми же причинами, которые были созданы Борисом Годуновым. Проводимый «царевичем Дмитрием» политический курс строился на отрицании самодержавной соборности, принятой большинством российского общества[9]. Ища поддержку своей власти среди представителей чуждых народу социально-политических и религиозных идеологий, Лжедмитрий I перестал быть в глазах православного общества защитником православной России и потому был свергнут.

В ходе очередного государственного переворота власть перешла к той политической группе, которая исповедовала удельно-княжескую идеологию. Как известно, в отличие от самодержавной соборности, дающей представителям общества хотя бы некоторую возможность участвовать в политической жизни страны и рекрутировать его избранников в Боярскую думу и Земский собор, удельно-княжеская управленческая модель была совершенно закрытой для рядовых граждан, включая дворянство. Поэтому восшествие на престол Василия IV Шуйского изначально вело к продолжению смуты, нагнетая социально-политический конфликт между сторонниками самодержавно-соборной и удельно-княжеской идеологий.

Зная о массовом недовольстве удельно-княжеской управленческой моделью, Василий Шуйский и его ближайшее окружение постарались отстранить от участия в выборах царя широкие слои населения. Этим они надеялись нанести упреждающий удар по основам самодержавной соборности и лишить ее приверженцев возможности изменить ход выборов. Летопись сообщала, что не только не было «советова со всею землею, да и на Москве не ведяху

многие люди» о предстоящем избрании на царство. Избираясь на царство без воли Земского собора, Шуйский все же сделал декларативный реверанс в сторону самодержавной соборности, дав обязательство судить по закону и «ничево не зделати без собору». Однако данное заявление так и осталось заявлением, за которым никакого политического действия не стояло. Царь же «никово не послуша и …со всею землею о том не ссылалися»[10].

В итоге Василий Шуйский был также лишен широкой социальной поддержки и обречен на скорую потерю трона.

Чтобы вернуть к себе доверие масс и тем самым укрепить свой трон, царь решил обратиться к патриархальному типу легитимности. Для этого была составлена особая «Грамота». В ней указывалось, что род Василия IV ведется от «римского Кесаря», что, со времен Рюрика и до Александра Невского «Российским государством правили прародители» его, а затем получили в удел Суздаль. «Грамота» обещала политическую и юридическую защиту для бояр, купцов и «простого народа». Царь брал на себя обязательство «каждого человека судить истинным судом,… без вины никого опале не подвергать... и от всякого насилия оберегать»[11]. Но, опасаясь народного недовольства, Василий IV не стал открыто выступать против самодержавной соборности.

Вместе с тем, его желание возродить удельно-княжескую политическую идеологию и придать ей государственный статус отразилось в «Житии царевича Дмитрия». Оно, надо полагать, рассматривало смерть царевича как закономерный итог развития как самодержавно-соборной идеологии, так и абсолютизма, у истоков которых стоял «окаянный Святополк», замысливший убийство Бориса и Глеба ради того, чтобы быть «един властелин на Руси».[12] Читателю предлагалось вспомнить, что Ярослав Мудрый для того и создавал удельно-княжескую модель управления, чтобы злые люди не могли «самодержавство восхапить»[13].

Та же тема отразилась во введении к «Соборному Уложению» 1607 г. Оно подчеркивало решающую роль «старейших бояр» в управлении государством. Введение к «Уложению» указывало, что игнорирование их совета Федором и Борисом породило «великие крамолы, ябеды и насилия немощным от сильных». Таким образом, оправдание удельно-княжеской идеологии как необходимого элемента политической системы страны виделось в защите простых людей от посягательств на них самодержавных властителей, освободивших себя от контроля со стороны знатнейших родов[14].

Аналогичный идейный настрой встречаем в «Повести 1606 г.». Поднимая политический статус вотчинной аристократии, «Повесть» постаралась дискредитировать дворянство, в котором видела главного конкурента вотчинной знати в борьбе за высшие государственные посты и которое активно поддерживало идеологию самодержавной соборности.

Поддержка дворянством народного движения под руководством Ивана Болотникова, от части направленного против возрождения удельно-княжеской идеологии на государственном уровне, стала закономерным ответом на разрушение самодержавной соборности. По России снова распространялись слухи, что «царь Дмитрей жив». Но стихийность, плохая организация и противоречивость политических целей восставших привели их к поражению в 1607 г.

Кроме того, податное население и казаки продолжали связывать с самодержавной соборностью свои надежды на «доброго царя», способного встать на защиту «немощных» граждан от «насилья старейших бояр и сильных» людей. Поэтому данные категории населения России не стремились добиваться для себя властных полномочий или иметь своих представителей в Земском соборе. Им было вполне достаточно, если бы сам царь представлял и защищал их интересы. Отсюда шел призыв к расправе с боярами и ликвидации крепостного права[15].

Представители служилого сословия не могли согласиться с такой программой действий. Они рассчитывали сохранить господство над крестьянами и получить представительство в высших институтах власти.

Пойдя на уступки дворянам, Шуйский издал новую «Грамоту». В ней он фактически отрекся от удельно-княжеской идеологии и косвенно признал правомочность доктрины самодержавной соборности: «а дворяне и дети боярские …к нам все приехали. …И как к вам ся наша грамота придет, и вы б велели быть …всему освященному собору, и дворяном, и детем боярским, и сотником, и служилым, и торговым, и пашенным, и всяким людем»[16].

Но, идя навстречу дворянству, Шуйский расходился с интересами княжеско-боярской аристократии, с которой он делил власть. Поэтому в 1610 г. в ходе государственного переворота он был лишен трона руками своих же недавних соратников. Захватив власть, они не сумели отстоять удельно-княжеские политические идеалы и, получив обязательства польского короля «московских княженецких и боярских родов приезжим иноземцам в отечестве и в чести не теснити и не понижати»[17], открыли ворота Москвы католикам. Договор 1610 г. с королем Речи Посполитой, опирающейся на удельно-княжескую модель управления и потому ставшей союзницей «семибоярщины», отдавал решающие властные полномочия княжеско-боярской верхушке. Королевичу указывалось, что, если он станет царем, то «суду быти и совершатись по прежнему обычаю и …не осудивши судом всеми бояры, никого не казнити»[18].

Это была последняя попытка сохранить в России удельно-княжескую идеологию и на ее основе восстановить власть «великих родов».

В 1611 г. ее сторонники, желая привлечь на свою сторону широкие слои общественности, составили «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства». Рассуждая о причинах российской смуты, они пришли к убеждению, что во всем виновато падение общественных нравов. Оно предшествует падению

государства. Причина падения нравов виделась в стремлении московских государей к самодержавию (абсолютизму?). Преследуя эту цель, цари «вместо духовных людей и сынов света возлюбили детей сатаны *[«стяжателей» — А. Н.]*». Общаясь с ними, цари «клевету на знатных слышали… и кровь множества народа из-за нее …пролили. И вместо …кротости и правды возлюбили гордость и злобу»[19]. Из этого следовало, что российскую смуту надо понимать как расплату за уничтожение традиционной удельно-княжеской власти, данной от Бога, а народу надо не бунтовать, а «покаянием и милостынями» вымаливать у Бога прощение[20].

Но подобная позиция не нашла отклика в народе. В ответ ей в том же 1611 г. вышла «Новая повесть о преславном Российском царстве». Это было сочинение, направленное против удельно-княжеской идеологии. Не покаянием, считает «Новая повесть», а борьбой с врагами православной государственности можно возродить Россию. Мирным путем нельзя вернуть «безмятежное житье». Не для того пришли интервенты в Россию, чтобы сохранять в ней православную государственность, а для того, чтобы свою власть навязать и «своих подданных, таких же безбожников, в великом государстве нашем посадить», «тем же врагам волю дать нашу землю разорять». Поэтому, соглашаясь признать польского королевича русским царем, представители «великих родов» не о вере православной и народе своем думали, а о себе. «Из-за гордости и вражды не захотели …из рода христианского (православного) царя изыскать и ему служить, …а иные нелюди — не по своему достоинству чина почетного достичь»[21].

В этих рассуждениях протестантско-католический Запад, как «носитель зла», противопоставлен России. Борясь против православной государственности, он делает ставку не на честных людей, а на «растленные умы», готовые «соблазнам мира сего служить и в великой славе быть». Этим прямо указывалось, что подобными «растленными умами» являются идеологи удельно-княжеской модели

управления. Таким образом, «Новая повесть», поддерживая основы самодержавной соборности, смотрела на Запад как на разрушительную силу, идущую от Сатаны, но не от Бога, а в защите православной государственности видела религиозно-патриотический долг россиян. На этом основании был сформулирован призыв к народу: «Станем храбро за православную веру и за все великое государство, за православное христианство»[22].

Но, касаясь соотношения высшей светской и духовной власти, «Новая повесть» требовала пересмотреть идеологию самодержавной соборности в пользу приоритета духовной власти. Это объяснялось тем, что в отличие от «земледержцев наших», ставших «кривителями», духовная власть показала себя «истинным стоятелем» и «твердым поборотелем за веру»[23].

На основе «Новой повести» были составлены «грамотки» — воззвания, сыгравшие важную роль в сборе народного ополчения[24]. Однако лидеры ополчения, соглашаясь с автором повести в том, что необходимо «всем вместе за свою веру и за отечество против врагов своих неусыпно стоять», расходились с ним во взглядах на духовную власть. Лидеры народного ополчения, думается, были склонны отдать приоритет главе светской власти, избрав его в первую очередь на царство. Так, например, князь Дмитрий Пожарский в одной из грамот писал: «<Надо> обсудить с разными людьми на общем совете, как нам …не оказаться в положении не имеющими государя. Чтобы нам по совету всего государства выбрать общим советом того Государем, кого нам милосердный Бог… даст»[25].

Широкая общественная поддержка ополчения и его политических идеалов способствовала освобождению Москвы осенью 1612 г. и определила успех идеологии самодержавной соборности.

Прямым следствием ее торжества стал Земский собор 1613 г., в работе которого приняли участие представители всех основных сословий: «бояр и… дворян больших, и стряпчих, и жильцов, и дворян из городов и

всяких чинов людей»[26]. Каждый регион России избрал и прислал в Москву по десять человек «с посаду и с уезду» «для государственных и земских дел». «И многое было волнение всяким людем: койждо хотяше по своей мысли деяти». Учитывая политические интересы сторонников и противников приоритета светской и духовной власти, был найден устроивший основную часть соборян компромисс. Новым царем был избран сын патриарха Филарета и племянник «достославного и святого… Федора Ивановича» — Михаил Романов[27]. Формально государственное управление сосредоточилось в руках главы светской власти, а реальное у его отца — патриарха.

По поручению Земского собора специальная комиссия приняла текст «Грамоты утвержденной об избрании на Российский престол царем и самодержцем Михаила Федоровича Романовых-Юрьевых». С точки зрения толкования Божьего промысла, народу было объяснено, что Михаил занял престол благодаря тому, что Господь даровал Романовым родство с Иваном Грозным, который так много сделал для укрепления православной государственности в России. Этим была закреплена идея преемственности политического курса, в основу которого снова легла идеология самодержавной соборности.

Принятие новым правительством радикального направления данной идеологии видно из новой редакции «Русского хронографа», составленной в 1617 г. Его глава, затрагивающая вопросы политического строительства в России, опиралась на сочинения Ивана Пересветова и его сторонников из лагеря «стяжателей», отстаивающих идею «грозной» власти. А православие и русский народ стали рассматриваться как важнейшие системообразующие элементы возрожденного Московского государства.

Библиография

[1] ПСРЛ *(Полное собрание русских летописей — [Прим. ред.]).* — Т. XIV. — М., 2000. — С. 50.

[2] Там же. — С. 2, 18.

[3] Там же. — С. 5.

[4] Там же. — С. 3, 13, 15, 20.

[5] Цит. по: *Платонов С. Ф.* Москва и Запад. Борис Годунов. — С. 218–219.

[6] См.: ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 58.

[7] *Буссов К.* Московская Хроника: 1584 — 1613. — М.; Л., 1961. — С. 90.

[8] ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 57.

[9] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. — Т. 2. — СПб., 1836. — С. 90.

[10] ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 69—70.

[11] Акты, собранные в библиотеках и архивах... — Т. 2. — С. 102.

[12] См.: ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 40, 42.

[13] См.: ПСРЛ. — Т. II. — М., 1997. — С. 161.

[14] См.: Введение к «Соборному Уложению» о крестьянском выходе // Материалы по истории СССР. — Вып. 2. — М., 1987. — С. 287–288.

[15] Из грамоты патриарха Гермогена о «стоянии» восставших в Коломенском и о «листах» Болотникова к боярским холопам // Материалы по истории СССР. — Вып. 3. — М., 1989. — С. 84.

[16] 1606 г. декабря 5. Грамота царя Василия Шуйского в Верхотурье к воеводам о приходе восставших под Москву и о поражении их 2 декабря 1606 г. // Материалы по истории СССР. — Вып. 3. — С. 88.

[17] Цит. по: Очерки по истории СССР. Период феодализма. — Т. 5. — Конец XV в. — начало XVII в. — М., 1955. — С. 548—549.

[18] Цит. по: *Вовина В. Г.* Земский приговор 30 июня 1611 г. и законодательство первых лет царствования Михаила Федоровича // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Международная конференция — Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. — Ч. 1. (Далее Земский приговор…). — М., 1994. — С. 63.

[19] ПЛДР *(Памятники литературы Древней Руси — [Прим. ред.]). — Вып.* 9. — М., 1987. — С. 135, 137.

[20] Там же. — С. 145.

[21] Там же. — С. 31, 47.

[22] Там же. — С. 49.

[23] Там же. — С. 29.

[24] См.: *Дробленкова Н. Ф.* «Новая повесть о преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. — М.; Л., 1960. — С. 226—234.

[25] Грамота воеводы князя Пожарского с товарищами и всех ратных людей из Ярославля. Апрель 1612 г. // *Галахов А.* Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языка. — Т. 1. — М., 1848. — С. 394.

[26] *Любомиров П. Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. — М., 1939. — С. 177.

[27] ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 129.

В. Э. Багдасарян

ЦЕННОСТНЫЕ ИНВЕРСИИ РОССИЙСКИХ «СМУТ» В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ «ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО МАЯТНИКА»

В качестве объяснительной модели происходящих в истории России общественных трансформаций может служить теория «цивилизационного маятника»[1]. Она позволяет обнаружить внутреннюю динамику развития цивилизаций, снимая тем самым упрек в статичности цивилизациологического моделирования.

Природа маятниковых инверсий

Для вывода системы (в данном случае цивилизационной системы) из состояния равновесия нужен внешний толчок. В качестве такого рода толчкового механизма выступают иносистемные внешние проникновения. Сталкиваются парадигмы охранительства и изменчивости.

Маятниковые характеристики обнаруживаются в природе кризисов общественного сознания, под которыми в соответствии с этимологией греческой версии слова понимался исход, поворотная точка, смена вектора развития. Трансформации, сообразно с концептом цивилизационного маятника, есть следствие инноваций. В формате инновационных модификаций представлен универсальный путь развития общественных систем. Направленность развития на той или иной исторической стадии определяется параметрами сочетания инновационного и традиционного потенциалов. При доминации первой составляющей происходит процесс иносистемной трансформации (в российском варианте — периоды западнического реформирования). Инновационный вектор объективно предопределен стагнацией замкнутой внутри себя системы, необходимостью преодоления сдерживающих барьеров и стереотипов, связанных с институционализированной традицией.

Однако инновации объективно вызывают действие сил цивилизационного отторжения. Они задают обратный ход маятникового механизма. Кризисы в этом смысле есть

максимальные точки размаха маятника. После достижения максимума инновационной амплитуды, вектор общественного развития неизбежно сменяется на противоположный. Исторически реализуется период консервативной инверсии (в российском варианте — периоды контрреформ).

После достижения точки кризисной амплитуды наступает смена вектора движения (развития) всей системы на противоположный. Периодичность кризисов в истории России (фактически при каждой новой интронизации) особо наглядно раскрывает сущность маятниковых инновационно-цивилизационных инверсий. Данное понимание позволяет фиксировать ритмику кризисов общественного сознания, прогнозировать формат трансформаций и определять исторически заданную рецептуру реагирования на трансформационные процессы. Это не означает отрицание инновационного пути, а напротив, дает возможность посмотреть на кризисные колебания как исторически объективное детерминированное явление.

Еще в XIX в. была замечена устойчивая повторяемость в идеологическом смысле российских государей через одного. Доминанта западнических тенденций в политике одного неизменно сменялось почвенническим поворотом в последующем царствовании.

Маятниковая ритмика происходящих в России инверсий еще более наглядно прослеживается и в двадцатом столетии. Проявление хода цивилизационного маятника обнаруживаются в самых различных сферах общественного бытия.

Экономический аспект истории может быть выражен в формате циклических колебаний между полюсами государственного управления и рыночной саморегуляции. Когда бюрократическая рутина становилась сдерживающим фактором экономического развития, узды государства несколько ослабевали и приоритет развития смещался в сферу частного инициативного предпринимательства. Однако, с обеспечением временного инновационного

прорыва, переориентированная на интересы предпринимателя, экономическая система оказывалась в состоянии разбалансировки. Актуализировался курс на очередное усиление государственно-управленческих механизмов в экономике. Если с такой переориентацией правительство запаздывало, возникал экономический кризис. Именно такое запаздывание со стороны находящихся у власти либеральных ортодоксов имело место в 1929 г., приведя к глобальному кризису. Принятие концепта маятникового развития экономических систем позволяет создать более сложную, чем имело место до сих пор, модель долгосрочного планирования. Линейной схеме противопоставляется в данном случае программа, предусматривающая периодичность векторальной переориентации в рамках общей стратегической платформы экономического курса.

Демографическая история России также позволяет четко проследить маятниковую траекторию в преломлении к динамике естественного воспроизводства населения. Наложение на шкалу интронизаций показателей репродуктивной активности российского населения точно фиксирует западническо-почвенническую идентификацию монархов. При царях-«западниках» общий коэффициент рождаемости в России, варьируясь по годам, в целом снижался, тогда как при «почвенниках» возрастал. Зигзаги демографической динамики в России фактически на всем протяжении XX столетия также соотносились в общих чертах с режимом ценностных инверсий. Отрицательными в демографическом плане хронологическими интервалами отечественной истории статистика определяет ленинский и ельциновский периоды. Характерно, что оба они были связаны с резким революционным разрывом с традицией цивилизационной идентичности России[2].

Хронологические рамки каждого из этапов цивилизационных колебаний соотносятся с последовательностью интронизаций (устойчивая повторяемость в идеологическом смысле российских государей через одного). Классический

характер представляет собой циклическая триада смены общественного сознания эпох правления: Николая I *(консервативная модель)* — Александра II *(инновационная инверсия)* — Александра III *(цивилизационное отторжение)*.

Основными параметрами фиксации общественных инверсий явились следующие индикаторы:

- – уровень национальной ориентированности (уровень космополитизации);
- – парадигма этатизации (популярность концепта сильного государства);
- – пропагандистская актуализация образа внешнего врага (прежде всего, отношение к Западу);
- – отношение к национальному историческому прошлому и традициям;
- – степень сакральности высшей власти;
- – дихотомия коллективистских и индивидуалистических ценностей;
- – отношение к традиционным религиям;
- – характер понимания исторической миссии России;
- – степень автаркийности;
- – отношение к гражданским правам и политическим свободам;
- – уровень плюралистичности;
- – степень унитарности (проблема самоопределения национальных окраин);
- – отношение к армии и степень милитаризации;
- – значимость проблемы национальной безопасности.

Методика оцифровки

В целях верификации гипотезы был проведен эксперимент, в виде специальной экспертной сессии. Задача заключалась в рейтинговой оценке, по указанным параметрам, разбитой по временным интервалам истории России XIX—XX вв. Суммируемые результаты были графически выражены посредством кривой. Полученная зигзагообразная линия точно соотносилась с априорным предположением о маятниковом ходе исторического развития России.

Положение о маятниковом ходе истории находило подтверждение. Страновые различия заключались лишь в амплитуде и частоте волновых колебательных движений. Данная ритмика позволяет по-новому взглянуть на характер соотношения универсального и специфического в истории цивилизаций. В рамках полученных выводов актуализируется также вопрос вариативности цивилизационного времени.

Русская революция через призму «цивилизационного маятника»

С позиций концепта «цивилизационного маятника» нуждается в переосмыслении традиционная схема теории модернизации. В частности, требует пересмотра линейная историческая модель модернизационных процессов. Целесообразно вести речь о нелинейном и цивилизационно вариативном характере модернизма.

Применение теории цивилизационного маятника в качестве объяснительной модели феномена российской революции позволяет переосмыслить некоторые сложившиеся историографические стереотипы. В частности, разрушается традиционная спектральная дифференциация между «левым» и «правым» полюсами. Под каждым из маркеров «консерватизм» и «революция» обнаруживаются две векторально антагонистические силы. Цари могли выступать в качестве революционеров, а революционеры в качестве консерваторов.

«В комиссарах — дух самодержавия, / Взрывы революции в царях», — сформулировал парадокс революционной трансформации Максимилиан Волошин *[У М. Волошина буквально «**дурь** самодержавия», а не «**дух**» — (Прим. ред.)]*.

Действительно, увлеченная европейским просветительством императорская власть сама раздувала пожар революции, подготавливая собственную гибель. Затеянная Романовыми европеизация России отнюдь не имела объективной заданности и потому вызвала цивилизационное отторжение. Напротив, большевики, прикрываясь левой фразеологией, по существу взяли на себя миссию имперостроительства[3].

Загадкой для историков является пассивность, проявленная в 1917 г. многочисленными сторонниками самодержавного правления. Ведь во время первой русской революции они активно выступили в защиту царского престола. По-видимому, народный монархизм на подсознательном психоментальном уровне в значительной мере трансформировался в большевизм. Октябрьская революция воспринималась в качестве возмездия узурпаторам царского престола. Ни что так не резало слух русского человека, как прилагательное *«временное»*, вынесенное в официальное наименование революционного правительства. Временные, промежуточные, переходные формы противоречат монархическому принципу «предвечных устоев». Временщик — это узурпатор. Временному правительству не хватало политической решимости, чтобы раз и навсегда разрешить принципиальные вопросы государственного функционирования России. Его нерешительность укрепляло народ в подозрении о нелегитимности власти «временщиков». Другое дело большевики, которые твердой рукой вершили свою политику (без оглядки на всякого рода представительства, вроде Предпарламента или Учредительного собрания). Они сразу же дали понять, что власть им принадлежит по праву (народному пониманию права, определяемого в качестве особой харизмы божественного избранничества)[4].

Практика строительства социализма в одной стране приводила к смене ориентиров от космополитического мессианства мировой революции к имперскому конструированию. Н. А. Бердяев писал о коммунизме в качестве русской идеи: «Вместо Третьего Рима, в России удалось осуществить Третий Интернационал и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство, и оно тоже основано на ортодоксальной вере. На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея. Это есть

трансформация русского мессианизма. Западные коммунисты, примыкающие к Третьему Интернационалу, играют унизительную роль. Они не понимают, что присоединяясь к Третьему Интернационалу, они присоединяются к русскому народу и осуществляют его мессианское призвание… И это мессианское сознание, рабочее и пролетарское, сопровождается почти славянофильским отношением к Западу. Запад почти отождествляется с буржуазией и капитализмом. Национализация русского коммунизма, о которой все свидетельствуют, имеет своим источником тот факт, что коммунизм осуществляется лишь в одной стране, в России, и коммунистическое царство окружено буржуазными, капиталистическими государствами. Коммунистическая революция в одной стране неизбежно ведет к национализму и националистической международной политике»[5].

Ленинская теория построения «государства нового типа», как глобализации опыта Парижской коммуны, расходилась с практикой построения советской политической системы по образцу старорежимных учреждений. Сразу же после захвата власти большевиками, некоторые из их либеральных оппонентов заговорили о термидорианской сущности октябрьского переворота и даже о его право-реакционной подоплеке. Уже 28 ноября (11 дек.) 1917 г. один из лидеров меньшевистского крыла социал-демократии А. Н. Потресов предупреждал что «идет просачивание в большевизм черносотенства»[6]. Приблизительно в то же время на страницах эсеровской газеты «Воля народа» публикуется статья В. Вьюгова с симптоматичным названием «Черносотенцы — большевики и большевики — черносотенцы», в которой автор пишет даже не о «просачивание» черносотенных элементов, а о черносотенной сущности большевизма. Политика Смольного усматривалась им в восстановлении «старого», то есть дофевральского строя[7].

Этический императив сменовеховской позиции, заключавшейся в рассмотрении имперского могущества

России в качестве высшей ценности, также основывался на тезисе о большевистском термидоре. Призыв «В Каноссу!» являлся следствием оценки исторической миссии большевиков, как «собирателей земли Русской». Разъясняя перед эмигрантской аудиторией консервативную трансформацию революции, С. Чахотин писал: «история заставила русскую "коммунистическую" республику, вопреки ее официальной догме, взять на себя национальное дело собирания распавшейся было России, а вместе с тем восстановления и увеличения русского международного удельного веса. Странно и неожиданно было наблюдать, как в моменты подхода большевиков к Варшаве во всех углах Европы с опаской, но и с известным уважением заговорили не о "большевиках", а… о России, о новом ее появлении на мировой арене»[8].

Евразийцы в рассмотрении глубинных основ большевизма шли дальше сменовеховцев, усматривая в русской революции не просто антифевральский термидор, а отрицание всего петербургского периода отечественной истории, обращение к основам почвенной самобытности. Таким образом, в евразийской интерпретации большевизм представал как не осознающее смысл своей исторической миссии движение «консервативной революции».

Индикатором почвеннической сущности новой власти стала советско-польская война. Большевики воевали с поляками ни как с классовыми антагонистами, а национальными историческими врагами России. Белые генералы оказывались в одном лагере с польскими сепаратистами. Не «нэповский термидор», а именно война большевиков с Польшей породила, по всей видимости, сменовеховство. «Их армия, — писал В. В. Шульгин, — била поляков, как поляков. И именно за то, что они отхватили чисто русские области».

В пропаганде среди красноармейцев большевики апеллировали к патриотическим чувством русского человека. Л. Д. Троцкий в одной из прокламаций по Красной Армии заявлял, что «союзники» собираются превратить Россию в британскую колонию. Со страниц

«Правды» Троцкий провозглашал: «Большевизм национальнее монархической и иной эмиграции. Буденный национальнее Врангеля»[9]. Даже великий князь Александр Михайлович Романов признавал, что имперскую миссию во время Гражданской войны взяли на себя большевики.

Наиболее ценны признания исторической правоты большевизма, исходящие от его противников. Выводы монархиста Шульгина по осмыслению опыта Октябрьской революции гласили о том, что именно «большевики:

1) восстанавливают военное могущество России;

2) восстанавливают границы российской державы до ее естественных пределов;

3) подготавливают пришествие самодержца всероссийского»[10].

Семнадцатый год явился апогеем процесса западнической модернизации. В осуществлении модернизационных трансформаций парадоксальным образом совпадали усилия правительственных кругов и революционного подполья. Но этот апогей пришелся не на Октябрь, а на Февраль. Дальнейший ход общественного развития определялся уже логикой цивилизационного отторжения. Миссия осуществления данного поворота выпала на большевиков. Могла выпасть и на кого-то другого, к примеру, Л. Г. Корнилова. Сами большевики саморепрезентовали себя совершенно иначе. Но логика истории заставляла их неосознанно служить своим высшим задачам.

Цивилизационная инверсия не была одномоментной. Длительное время под маркером единой партии боролись большевики — западники с большевиками — славянофилами. Тридцать седьмой год явился логическим исходом того процесса, направление которого было заложено в октябре семнадцатого. Под новой семиотической оболочкой исподволь восстанавливалась старорежимная система.

Прогностические функции концепта

Одним из основных практических результатов разработки теории цивилизационного маятника является концептуальное примирение принципов традиции и модернизации. Доказывается взаимодополняемость

и историческая объективность обоих компонентов, как интегрированного фактора цивилизационной устойчивости.

Теория «цивилизационного маятника» имеет высокий потенциал практической имплементации. Прежде всего, речь идет о прогностических функциях выдвинутого концепта.

Обоснование цикличности и ритмичности исторического процесса дает основания для широкого разносрочного прогнозирования. Принятие концепта маятникового развития общественных систем позволяет создать более сложную, чем имело место до сих пор, модель долгосрочного планирования. Линейной схеме противопоставляется в данном случае программа, предусматривающая периодичность векторальной переориентации в рамках общей стратегической линии развития.

Библиография

[1] *Багдасарян В. Э.* Россия в условиях трансформаций: теория цивилизационного маятника. — М., 2007.

[2] *Багдасарян В. Э.* К вопросу о формировании теории демографической вариативности как новой объяснительной модели демографических процессов. — М., 2006.

[3] *Агурский М. С.* Идеология национал- большевизма. — Париж, 1980.

[4] *Полосин В.С.* Миф. Религия. Государство. — М., 1999.

[5] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990. — С. 118.

[6] *Сегал Д.* «Сумерки свободы»: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917—1918 гг. // Минувшее: Исторический альманах. — М., 1991. — № 3. — С. 141.

[7] *Вьюгов В.* Черносотенцы — большевики и большевики — черносотенцы // Воля народа. — 1917. — 3 декабря.

[8] *Чахотин С.* В Каноссу! // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. — М., 1994. — Т. 1. — С. 74.

[9] *Троцкий Л. Д.* Литература и революция. — М., 1991. — С. 82.

[10] *Шульгин В. В.* Дни. 1920: Записки. — М., 1989. — С. 517.

А. А. Белобородова

КРИЗИС ЦЕНЗУРНОЙ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ СМУТЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Во все времена цензура использовалась властью в качестве своеобразного информационного фильтра, а также являлась неотъемлемой частью борьбы за власть, что особенно ярко проявилось в начале XX в.

В начале XX в. наблюдается кризис цензурной политики правительства. Существующий порядок цензурирования уже не отвечал нуждам времени. Особенно ярко это проявлялось на местах. В Главное управление по делам печати неоднократно поступали жалобы и прошения от губернаторов об изменении порядка осуществления цензуры. В 1903 г. реформа провинциальных цензурных учреждений все-таки состоялась: в 7 крупных провинциальных городах вводились должности отдельных цензоров. Но и этого было недостаточно. Уже в начале XX в. разрабатывались два проекта расширения штатов цензурного ведомства в провинции, но ни один из них — ни в 1905 г., ни в 1914 г. — так и не был реализован. Эти факты свидетельствуют о том, что власть осознала глубину проблемы, но вновь выработанная система так и не получила своего законодательного оформления.

Уже с середины XIX в. как в центре, так и на местах появлялось все больше печатных органов, транслирующих «вредной направление», что не могло укрыться от властей.

Директор департамента полиции В. К. Плеве в октябре 1882 г. в своей записки министру внутренних дел Д. А. Толстому писал о зловредности современной периодической печати. Он видел причину общественной смуты и удручающего состояния русского общества в особом мире идей и понятий, охватившим большую часть русского образованного общества, «приучившего ее к идеям

крайнего материализма и социалистических утопий». Особое беспокойство вызывал то, что эти идеи находили горячую поддержку в литературных кругах, а особенной у деятелей периодической печати: «политические журналы являются истолкователями и популяризаторами их вредных учений, а газеты разносят эти учения еще дальше, облекая их в форму, доступную для самого неразборчивого читателя. Целые десятилетия русское общество и русская молодежь питаются плодами незрелой политической мысли, выдаваемой за последнее слово западной культуры». Либеральная печать, по точному замечанию Плеве, проповедовала «в области государственных учений — упразднение самодержавия, в области общественных отношений — коммунизм, в области нравственных представлений — теории грубого материализма и, наконец, в области религиозной — полнейшее отрицание всякого божественного начала»[1], а через печать эти идеи быстро усваивались читателями. Такая ситуация была характерна для всей России, а не только для столичных городов, и, естественно, не могла не беспокоить власть. И главной задачей политической цензуры и являлась борьба с этим направлением легальной периодической печати, а так же борьба с нелегальной антиправительственной прессой.

В отчете министра внутренних дел И. Л. Горемыкина о деятельности министерства за 1896—1898 гг. на первое место выдвинуты «Дела печати», что свидетельствует о том огромном значении, которое власть им отводила. Он пишет: «Печатное слово — оружие обоюдоострое; оно производит действие и благое и вредное. Для успешного развития патриотической печати, преданной правительству и Родине, необходима широкая свобода слова, ограниченная твердым установлением закона, а не административным усмотрением отдельных лиц. Но в настоящее время печатная деятельность редко является чистым служением какой-либо высокой цели. Издатели часто ориентированы на моду и вкусы публики. В подобных условиях печать теряет свое положительное значение, а некоторые ее органы могут действовать

развращающее на общественные нравы, сознательно способствовать их затемнению и развращению. Остановить это может лишь своевременное принятие административных мер. Привлечение авторов к суду — слабое утешение, так как они пользуются богатством языка для того, чтобы избежать ответственности. Деятельность закона и суда возможна только в применении к деяниям, представляющим известные осязательные признаки, а не в отношении "направлений", не поддающихся юридическому определению»[2]. Все возрастающее значение печатного слова делало его опасным орудием, так как росла грамотность населения, а печать получала все более широкое распространение, доверие граждан к ней возрастало с каждым днем, что способствовало распространению лжеучений и навязыванию периодическими изданиями гражданам революционных взглядов.

В такой ситуации изменение действующего законодательства министру виделись нецелесообразными, поскольку они возбудили бы в обществе лишь невыполнимые ожидания. К тому же руководство делами печати весьма сложное занятие, где все зависело от тех людей, которые привлекались к выполнению законов, ведь от них требовалось не только наблюдать за книжной торговлей, но и разрабатывать новые предложения по улучшению действующего законодательства.

В своем отчете министр приводил динамику развития периодической печати в Российской империи за 1896—1898 гг. Количество частных повременных изданий постоянно увеличивалось, несмотря на ужесточение законодательства: 1896 г. — 638 (это на 39 единиц больше чем в 1895 г.), 1897 г. — 726, а в 1898 г. — 774 . На долю Курска, например, в 1898 г. приходилось всего 2 издания[3]. Учитывая еще и правительственные издания, то есть губернские и епархиальные ведомости, то количество повременных изданий возрастет в 1898 г. до 980, в Курске издавались губернские ведомости. Количество отдельных оригинальных сочинений, в том числе переводных, также постепенно увеличивалось: в 1896 г. — 19 950 единиц (а это

на 906 единиц больше, чем в предыдущем году), в 1897 г. — 21 022, а в 1898 г. — 23 262[4].

Увеличение числа оригинальной периодической прессы в провинциальных городах свидетельствовало о росте активности населения. Для облегчения работы местной цензуре, которая в большинстве провинциальных городов империи не имела отдельных цензурных установлений, и предоставления большей самостоятельности этим изданиям в обсуждении отдельных вопросов, министерство внутренних дел пошло на риск и освободило некоторые издания от предварительной цензуры. В 1897 г., например, это была газета «Киевлянин» в г. Киеве под редакцией Пихно, а в 1898 г. «Южный край» в Харькове под редакцией Юзефовича. Оба издания, по мнению министра, оправдали оказанное доверие и нареканий со стороны местной цензуры в этот период времени не вызывали.

Несмотря на то что министр отметил улучшения характера русской периодической печати за последние 20 лет («суждения ее стали благоразумнее, превратные учения встречаются значительно реже»), злоупотребления все же были, что требовало применения карательных мер. С 1895 по 1898 гг. 13 бесцензурных газет были запрещены для розничной продажи от 2-х недель до 2-х месяцев, 11 получили предупреждения, а 3 из них перешли к изданию на условиях предварительной цензуры. За это время 2 издания — «Новое слово» и «Ардзачанк» — были закрыты, первое — за открытую проповедь социализма, а второе — за противоправительственное направление в духе армянского сепаратизма. Провинциальные же подцензурные газеты подвергались только приостановке, что являлось показателем необходимости издания их в провинции на условиях предварительной цензуры в провинции. Однако общее число их было невелико, в 1897 г. приостановлено 7 газет, а в 1898 г. — 8, на срок от 2 до 8 месяцев. Так же министр отметил необходимость ограничивать размещение на страницах периодической печати некоторых сообщений, как «вредных», так и просто сенсационных (например,

о самоубийствах)[5]. Но, несмотря на общую положительную оценку печати в империи, министр внутренних дел продолжал настаивать на сохранении административных мер воздействия и использования предварительной цензуры для провинциальной прессы.

Так, 30 мая 1905 г. министр внутренних дел А. Г. Булыгин представил императору записку, где говорилось о том, что в силу недавних событий настроения русского общества достигло крайнего напряжения, а это не могло не отразиться на печати. Однако существовавшие на тот момент времени правительственные меры воздействия на печать никак не могли быть признаны удовлетворительными. Автор предложил три неотложные меры: «1. Установить ответственность по суду за нарушение строго определенных пределов свободы печатного слова. 2. Прямое воздействие на повременную печать путем определенных программных указаний с применением широко практикующийся в западных государствах системы отношений изданий правительственного направления и с выдачей, в случае необходимости, соответствующей денежной субсидии. 3. Издание официальных органов печати»[6].

Ранее правительство не использовало этот ресурс и относилось к печати отрицательно. Но в тех условиях цензурные учреждения уже не могли сдерживать антиправительственную направленность печати. Необходимо было менять политику, использовать не только цензурные запреты, но и проводить через печать свои взгляды, только это могло обеспечить поддержку большинства населения. Нельзя было не замечать, что среди газет не было ни одной (даже консервативной), которая бы всецело поддерживала правительство. В сложившейся ситуации печать должна была стать действенным орудием правительственного влияния, «чтобы способствовать успокоению глубоко преданного правительству большинства, дав ему разъяснение волнующих его сомнений и поддерживать в нем веру в будущее»[7]. Именно эта роль отводилась правительственной печати. Вместе с тем, нельзя не отметить, что власть признала

силу и вес печатного слова и готова была использовать этот ресурс. Булыгин предлагал создать при Главном управлении по делам печати Бюро печати, а во главе поставить доверенное и верное лицо, под ближайшим ведением и руководством министра внутренних дел. Министерству требовалось предоставить специальный кредит для поддержки изданий проправительственного направления.

Это был не единственный проект такого рода. Практически одновременно свою записку императору представил гофмейстер Б. В. Штюрмер. Он начинал ее словами «В смутах, переживаемых ныне Россией, в значительной степени виновата печать… Никакими карательными мерами, равно как никакой реформой законодательства о печати нельзя побудить прессу образумиться и вести себя соответственно видам и намерениям правительства. Какие бы ограничения и правила не были изобретены для противодействия ее стремлениям, она всегда измыслит приемы, при помощи коих окажется нетрудным обходить подобные правила. Бороться против такого зла можно единственно путем той же печати»[8].

Автор указывал на полное отсутствие таких попыток в предыдущие годы, хотя кроме официального «Правительственного Вестника» существовало еще более 100 других органов правительственной печати — губернские и областные ведомости. Этот ресурс никак не использовался властями, эти издания не служили не для прояснения правительственных начинаний, ни для руководства общественным мнением. На Западе для этих целей использовалось Бюро печати, которое, по мнению Штюрмера, необходимо было создать и в России. Его функции он определил так: следить за всеми неточными и ложными сведениями на страницах печати и быстро выступать с надлежащими разъяснениями; внушать печатным органам «известными ему способами» соответствующие видам правительства известия и взгляды; руководить официальной прессой и заниматься созданием прессы официозной. С прискорбием автор отмечал, что

в распоряжении оппонентов много органов печати, которые хорошо распространяются, а в распоряжении правительства лишь патриотические издания генерала Богдановича и «Дружеская речь» князя Мещерского. Необходимо было учитывать и то, что в будущем печать получит еще более широкое распространение, возрастет ее влияние, а выборам будет предшествовать предвыборная агитация, решающее место в которой займет печатное слово. В такой ситуации предоставленная самой себе печать сделала бы выборы источником напряжения и волнений. Поразительно точный прогноз! Бюро смогло бы этого не допустить. Во главе его Штюрмер предложил поставить одного из членов Государственного Совета, который бы докладывал напрямую императору[9].

В записках Булыгина и Штюрмера очень много общего, разница лишь в том, что Булыгин хотел подчинить Бюро печати контролю министерства внутренних дел, а Штюрмер, наоборот, стремился сделать его независимым от министерства. Как раз второе предложение было избрано более предпочтительным, поскольку Бюро печати не должно было зависеть от случайной смены министров, поскольку «министры могут меняться, а воззрения правительства на текущие события должны быть устойчивы». Кроме того, значение печати очень велико и постоянно росло, эта область деятельности могла занять все время министра внутренних дел[10].

Сторонников создания правительственной прессы было очень много, идея стала чрезвычайно популярной. Современник этих событий генерал-майор Трепов писал в октябре 1905 г.: «Несомненно, что вопросы упорядочения периодической печати и создание органов прессы, на которые правительство могло бы опираться, является существенно необходимым и подлежало бы немедленному осуществлению, как только будут сформированы однородные министерства»[11]. Это означало, что власть готова не только использовать ограничения печатного слова для борьбы с политическими противниками, но и поставить периодические издания на службу собственным интересам.

Проекты были реализованы следующим образом: 26 августа 1906 г. при Главном управлении по делам печати основали Осведомительное бюро, которое затем вошло составной частью во вновь образованное Бюро печати при МВД. Однако его функции были несколько видоизменены: предоставление ежедневны утренних докладов по печати (в виде систематизированных газетных вырезок) председателю Совета министров, министру внутренних дел, начальнику Главного управления по делам печати, а также краткие доклады по компетенции руководителей ведомств и другим лицам (всего 205 адресов)[12]. Но добиться желаемого результата так и не удалось, и цензурная политика продолжала оставаться карательным инструментом в руках властей.

Мощный революционный толчок вывел отечественную цензурную политику на новый уровень. Правительство вынуждено было пойти на уступки. На страницах периодической печати активно обсуждались ранее запрещенные вопросы. Все это свидетельствует о кризисе цензурной политики правительства.

Цензура более не могла существовать в старых формах, так как не отвечала требованиям времени. Враги существующего строя использовали печать как орудие борьбы.

То же самое должна была делать и власть.

Библиография

[1] ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 227. Л. 1—2.

[2] Там же. Ф. 109. Оп. 213. Д. 22. Л. 68—69 об.

[3] ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 6191. Л. 74.

[4] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 213. Д. 22. Л. 70.

[5] Там же. Л. 70—70 об.

[6] Там же. Л. 49—50.

[7] Там же. Л. 51 об.

[8] Там же. Л. 52.

[9] Там же. Л. 53—53 об.
[10] Там же. Л. 55—55 об.
[11] Там же. Л. 45.
[12] Там же. Ф. 102. Оп. 253. Д. 181. Л. 18—19.

В. П. Булдаков

РОССИЙСКИЕ СМУТЫ И ИГРЫ «ПРОСВЕЩЕННОГО» РАЗУМА

Не столь давно мне довелось познакомиться с публикацией, название которой вызвало у меня изумление — «Российские революции XX века: сколько их было? К постановке проблемы»[1]. В связи с этим вспомнилось, что в свое время советские историки были активно заняты поиском «революционных ситуаций» в России — по тогдашним «научным» пожеланиям, в XIX в. их должно было быть «много». Сегодняшние авторы (не только российские) всерьез обеспокоились: *что* считать революцией в России? Получается, что вопрос настолько сложен, а «ученые» мнения на этот счет столь разнообразны, что возникло ощущение когнитивного тупика.

Магия «овладения прошлым» двигала людьми с незапамятных времен — даже тогда, когда на любые мысли о будущем накладывались табу. В тех условиях из системы жизненно необходимых представлений складывалась историческая память, как правило, имеющая мало общего с реальным прошлым. В наше время история порой превращается в полигон умозрительного умствования (не говоря уже о политической возне). Иные ученые мужи даже не задумываются, что оперируют «вторичными реалиями», подобно тому, как это делали люди Средневековья.

Естественно, в подобном, с позволения сказать, дискурсе появились и такие суждения: «…Одним из узловых вопросов для понимания истории 1917 г. в России является диалектика взаимосвязи и взаимодействия Февраля и Октября»[2]. Сразу вспоминается, что в советские времена словечко «диалектика» всплывало всякий раз, когда обнаруживалось, что исторические реалии не укладываются в стандартные схемы революционного «прогресса» общества — незнание приходилось прикрывать ученым

пустословием. Исследователям было невдомек, что для решения «неразрешимой» проблемы отечественной истории порой достаточно всего лишь взглянуть на нее под совершенно *другим углом зрения*. Похоже, это продолжается до сих пор — иные авторы, подобно слепым котятам, тянутся к «классическим» образцам, забывая, что мир может развиваться (что и происходит) по совершенно иным законам.

Мы почему-то забываем, что понятие (которое всегда продукт определенной эпохи) революции использовалось по преимуществу теоретиками (а также легковесными политиками), а образ смуты — писателями, художниками, которые опирались на житейские народные представления и собственную интуицию. Те и другие фактически говорили на разных языках, причем первые грешили схоластичной умозрительностью, вторые — вульгарным эмпиризмом. Между тем, логическое отличие смуты от революции может состоять лишь в том, что в ней гипертрофирован эмоциональный момент, а модернизационный компонент, напротив, приглушен либо отсутствует вовсе. В известном смысле соотношение смуты и революции отражает новые и старые представления об истории, связанные, в свою очередь, с эпохой Просвещения. Сложно говорить о революции применительно, скажем, к дворцовым переворотам, хотя формально революция означает именно переворот. Смута — заведомо архаичное явление, некое коловращение, случающееся по преимуществу в традиционалистской среде; революция, напротив, обязана своим появлением эпохе Модерна. Использование термина «смута» уместно при характеристике бытового восприятия всякой нестабильности — в том числе и революции. К тому же, смута несет на себе отпечаток эмоциональной, преимущественно субъективной оценки события. При использовании «революции» и «смуты» в качестве понятий надо, между прочим, учитывать и то, что российское образованное общество пребывало в совсем ином культурно-историческом измерении, нежели народные массы — оно опережало их на целую эпоху. Спрашивается, могла ли

в России произойти собственно «революция», если известно, что численно преобладающая масса, удовлетворив страсть к разрушению, непременно повернет процесс вспять?

Так как же оценивать соотношение революции и смуты в реальной российской истории? Какими критериями руководствоваться?

Мне думается, прежде всего, надо научиться говорить на языке *подлинной* истории, используя и, вместе с тем, критически оценивая созданные ею образы. Когда я назвал свою книгу «Красная смута»[3], то использовал образ, вовсе не намереваясь внедрить новое понятие. Этот образ кажется куда более емким, более точно соответствующим реалиям системного кризиса в архаичной среде, нежели привычное, заведомо усеченное, понятие «революция», навеянное аналогиями (отнюдь не бесполезными!) с Великой Французской революцией. Строго говоря, революция — это просто переворот, а смута — это, прежде всего, отсутствие привычного порядка, создающее впечатление тотального хаоса.

Известен такой феномен общественной мысли — «самообольщение разума». Человеческая логика склонна пересоздавать мир путем усекновения смыслов и манипуляции ценностями. Приведу наиболее свежий и, возможно, «масштабный» пример. Нынешний кризис, как известно, именуют не иначе, как «финансовый». Так проще. На деле мы имеем нечто качественно иное — следствие эрозии фундаментальных ценностей буржуазной цивилизации. А именно, так называемая «трудовая этика» окончательно уступила место «морали "большого хапка"», а эстетика творчества — «культуре потребления».

Можно оценить ситуацию и по-другому: воображаемое подавило реальность, что привело к тотальной деформации тех самых основополагающих ценностей, на которых прагматично базировалось «капиталистическое» общество. Можно сказать, что в таких условиях «виртуальное» пространство с его собственными логическими зависимостями вздумало управлять

пространством реальным. И надо заметить, что Россия, избавившись от коммунистической автаркии, внесла в эту тотальную нелепицу весомый вклад — сначала готовностью утилизировать весь мировой ширпотреб, а затем посредством странноватых претензий на энергетическую гегемонию. В связи с этим мир подстерегает *смута* (революцией грядущий хаос никто не назовет), а не просто *финансовый кризис* (который якобы можно элиминировать посредством нескольких простейших манипуляций в центре современной мир-системы). Разумеется, о параметрах возможных пертурбаций сегодня возьмется рассуждать лишь безответственный фантазер или шарлатан-астролог. Впрочем, к России все это может иметь весьма отдаленное отношение. Разумеется, если существующая власть «прозреет».

Существует и другой аспект проблемы. Почему-то, говоря о революции, мы (в России) всякий раз исходим из вопроса: «Что дала?» Но что может дать смута — процесс самоорганизации хаоса, никем не контролируемый по определению? И во что может в России вылиться «революция» (особенно «социалистическая»), кроме архаизации (в форме внешнего обновления) прежних структур и иерархий? Если так, то стоит ли спорить со стихией даже тем людям, которые ее развязали? Ее можно лишь упредить, а для этого следует понять генетику российской кризисности.

Даже в современном обществе в неизбежные щели незнания постоянно вползают самые дикие страхи. Что касается автаркии, то она просто провоцирует паранойю, которая начинает править бал сразу после снятия информационных преград. Впрочем, такая ситуация чревата и редкими прозрениями.

В романе Бориса Пильняка «Голый год» (1920 г.) едва ли не центральное место занимает монолог «попика, архиепископа Сильвестра, бывшего князя и кавалергарда» (некоторые представители «старого мира», пережив потрясение, быстро «умнеют»). Тот не соглашается с другим

«попиком», утверждающим привычное: в России все беды пошли от Петра I и порожденной им «кающейся» интеллигенции, никогда не знавшей народа. По его мнению, русский народ только и делал, что «бегал от государственности, как от чумы» на Дон и Яик, ибо та несла в себе «татарщину татарскую, а потом немецкую татарщину». Бежал он и от официального православия, которое «вместе с царями пришло». Теперь же раскольники и сектанты, дошедшие, наконец, до Москвы, «государство строить свое начали — и выстроят»[4]. В воображении писателя возник призрак народной «консервативной революции» — однотипной с движением раскольников, которые, борясь с «чужой» властью, шли на костер за «свою веру». И он в этом был тогда не одинок.

В данном контексте функциональное значение смуты — в стихийном возвращении системе первозданного (природно-демографического) равновесия. Но не противоречит ли оно императивам прогресса, которым, как и библейскими кущами, будет непременно соблазняться человеческий разум?

Примечательно, что образом «национальной» (консервативной) революции вдохновляются и некоторые современные российские авторы[5]. Но почему в таком случае они берут на вооружение «четвертое поколение» современных теорий революций?[6] Только потому, что в силу расплывчатости предлагаемых ими критериев[7] их можно подогнать под любые «смутные» периоды русской истории, осуществляя при этом произвольную манипуляцию ее реалиями? Не приходится сомневаться: нынешняя *политическая* действительность и современное коммуникативное пространство постоянно подталкивают к созданию «удобных» представлений о «неуходящем», как всегда, прошлом.

В сущности, странноватые герои русской литературы и до революции постоянно проговаривали все основные вопросы исторического бытия человека. О том, что Ф. М. Достоевский предсказал смуту, вряд ли стоит

напоминать. Но стоило бы обратить внимание на то, с какой готовностью революциям со времен того же Достоевского приписывается либо *конспирологический* (в интеллигентском сознании) либо откровенно *инфернальный* (в массовом воображении) характер. Есть ли выход из лабиринта подобных представлений?

Мне кажется, что говоря о *смутах*, а не *революциях*, мы тем самым избавляемся от некоторых стереотипов сознания, которые вольно или невольно сковывают познавательный процесс и даже ментальность в целом. В частности, *«красной смуте»* был навязан образ социалистической революции, и этот миф — как и всякий иной — оказался удивительно живуч. Но нужен ли он нам сегодня? Как бы то ни было, после эпохи поклонения революции мы рискуем демонизировать природу смуты.

Согласно А. С. Ахиезеру, для России характерно практически перманентное состояние «расколотости», связанно не просто с историческим Расколом, а с невозможностью выработать «срединную» культуру и создать «средний» социальный слой, социокультурно консолидирующей все сословия и страты[8]. В том, что имперское социальное пространство состояло из различных исторических «этажей» культуры (включая культуру политическую), что ослабление функционального «взаимопонимания» между ними само по себе было чревато системным кризисом, сомневаться не приходится. Но в связи с этим точнее было бы говорить лишь о *возможности* антисистемной поляризации имперской системы, нежели о перманентной ее расколотости.

Что касается буквальной интерпретации идеи раскола (частично поддерживаемой современными старообрядцами), то она базируется на представлении о том, что «старая вера» — это исконно народная форма «русскости», гонения на которую обернулись всеми мыслимыми бедами России. В действительности ситуация выглядит много сложнее, хотя отрицать фактор «истощения» народной веры не приходится.

Каковы параметры раскола? Исследователи порой рисуют целый спектр воображаемых оппозиций: *Запад — Восток, Петербург — Москва, империя — демократия, город — деревня, верхи — низы* и т. д. На деле никакая смута/революция никогда не состоится, пока системный кризис не достигнет своего апогея, приняв форму открытого противостояния народа и власти. Весь спектр этих оппозиций в той или иной (непосредственной или обращенной) форме не раз рассматривался в отечественной, с позволения сказать, историософии. Эти попытки, в свою очередь, связаны с характерным для России убеждением, что в природе существуют полностью сложившиеся *цивилизации, нации, этносы, классы* — они-то и составляют «образцовую» реальность, а вовсе не воображаемые идеальные типы. Что делать: существующий мир слишком подвижен и зыбок, чтобы «просвещенный» разум этому не противился. Между прочим, колебания его из крайности в крайность — лишнее тому подтверждение.

Есть еще одно основание по-новому взглянуть на природу российских смут. Почему то считается, что Россия представляет из себя «сложившуюся» цивилизацию. Более того, порой утверждается, что она изначально обладает своим особым «цивилизационным кодом». Но как он мог появиться на столь обширном и рыхлом пространстве, действительно «размазанным» между Востоком и Западом? Почему-то никто не готов признать, что в основе смут лежит масштабный многовековой культурогенный процесс, в результате которого России лишь *предстоит* обрести себя — в том числе и выработать собственный цивилизационный код.

Несомненно, что смуты провоцируются верхами, не умеющими адекватно реагировать на внешние вызовы. Если власть в своем патерналистском усердии присвоит себе функцию главного «кормленщика» народа[9] (а в советское время именно это и случилось), а оппозиция вообразит, что у нее в кармане имеется рецепт спасения от всех форм недоедания, то по мере «гастрономической» неудовлетворенности населения параметры раскола рано

или поздно приобретут антиэтатистское качество. *Смута латентная* (нравственная, идеологическая, политическая) превратится в *смуту реальную* — социальную. А поскольку российская история так и не создала устоявшихся структур и этнических общностей, смута непременно примет охлократический характер.

Еще одна отличительная черта российских смут: они дают результат, противоположный задуманному. Это выглядит как злая насмешка над *революционным* проектом. Отсюда, кстати сказать, удвоенное усердие доктринеров по части поисков доказательств (вопреки реалиям) того, что «все произошло по плану». Такое невероятное, казалось бы, стремление не просто выдать реальное за действительное (этим отмечена и историография Французской революции), но и преподнести случившееся в модернизированной упаковке — также специфичная черта российских смут.

Конечно, смута в контексте осмысления российской истории — это, прежде всего, образ, метафора, но несущая, однако, в себе важное познавательное содержание. Образ никогда не порывает до конца с реальностью — тем самым он помогает увидеть в ней новые смыслы. Строго говоря, «принципиальное» отличие смуты от революции (имеется в виду идеальный тип) только одно — гипертрофированность (и даже абсолютизация) эмоционального начала в ущерб рациональному. А это, между прочим, характерно для традиционного, синкретичного типа сознания. В смуте людьми движет уже не разум, а инстинкт, не программы, а утопии. А потому не следует их описывать на языке благородных эмоций. И вряд ли стоит в связи с этим обольщаться относительно соответствия известного рода программ чаяниям народного большинства. Если бы революционная власть изначально «договорились» бы с народом *на одном общем языке*, о судьбе *революции* беспокоиться бы не пришлось.

Возможна ли в принципе революция в России? Может быть системный кризис архаичной структуры в инновационном отношении бесплоден по определению?

Если русская смута — это преимущественно эмоции, то *что* она может дать кроме удовлетворения прихотей, задавленных в застойной жизни? И как разместить дикие эмоции на шкале «исторического прогресса»?

Как известно, давление метафорических рефлексий прошлого отнюдь не безобидно для исследователя — они сковывают авторскую логику не хуже академических теорий. Серьезному исследователю остается только одно — усвоить *относительность* тех и других. Теория действительно *сера* на фоне ярких красок живой жизни — это тоже рефлексия по поводу неубедительности былых доводов и домыслов.

Я не хотел бы касаться вопроса методологии, имея в виду наличие «готовой» теории, объясняющей российские смуты. Всякая теория, увы, успешно «работает» до тех пор, пока она не особенно тесно соприкасается с реалиями. К тому же мы слишком привыкли подгонять действительность к теории, а не наоборот. Ограничусь некоторыми общими замечаниями.

Российские смуты не случайно связывают с крестьянством и аграрном вопросом в целом. Крестьянство, как известно, знает только две формы «политического» поведения — *бунт* и *смирение*. Течение смуты/революции определяет именно такое «противоречивое» поведение народного большинства. Соответственно вопрос об императивах такого его исторического поведения стоило бы поднять на «государственно-онтологическую» высоту.

В связи с этим стоит вспомнить о факторах, предопределивших особенности «революционного» поведения крестьянства. Прежде всего, нельзя забывать, что в основе российского крестьянского хозяйствования лежал экстенсивный принцип — так называемое мигрирующее земледелие. Отсюда не могло не возникнуть стремление государства «закрепостить» основное производительное сословие — привязать его к земле в видах удобства изъятия прибавочного продукта. Заметим, что российские пространства чудовищно усложняли эту задачу. Отсюда

непременные сложности со сбором налогов — без чего ни одно государство существовать не может. С налогообложением связана и ответная реакция государства по отношению к своим подданным. В свое время монголы «решили» фискальную задачу, упорядочив процедуру чисто силовым путем. По-своему решили они и проблему коммуникаций, внедрив ямскую службу. Тем не менее, российское социокультурное пространство оставалось «рыхлым», «клочковатым», «анклавным», поведение основной массы населения — «стихийным», «алогичным», «смутным», то есть «непереводимым» на язык рационально мыслящей бюрократии. Отсюда дилемма: либо подтянуть культурный уровень населения (что было крайне затруднительно), либо не просто закрепостить сословия, но и искусственно структурировать все социальное пространство (то есть применить к нему «избыточное» силовое давление). При извечном недостатке средств и кадров, понятное дело, первое оказывалось более чем проблематичным.

Получалось по Ключевскому: государство пухло, народ хирел. Между тем, всякая миграционно-демографическая подвижка, связанная с природными факторами, уже оказывалась угрожающей для «опухшего» государства. То же самое можно сказать и о модернизационных процессах. В итоге государство, стоявшее над сословиями и в противостоящее их устремлениям, оказывалось особенно беззащитным перед «фактором непредсказуемости». Оно само парализовало силы социального самосохранения.

В России ослаблен так называемый коммуникативный разум (Ю. Хабермас) — государство постоянно подавляло его. Он включался только в экстремальных ситуациях — отсюда феномен всеобщего недовольства и последующего «всенародного» преодоления смуты.

Отмечая особого рода «слепоту» предреволюционной власти, стоит напомнить, что революционный сценарий 1917 г. был предсказан еще в 1914—1915 гг., причем самыми разными людьми. Власть не нашла в себе сил на адекватные действия. Развал СССР также был предсказан еще в 1977 г. целым рядом

западных советологов (Р. Пайпс, Х. Сетон-Уотсон, Э. Каррер д'Анкосс), не говоря уже об отечественных диссидентах. Правда, тогда они сочли, что Советский союз развалится под давлением совсем иного фактора — численного возобладания «мусульманской» части населения над европейским. Как бы то ни было, тревожных сигналов было больше чем достаточно, но реакции не последовало. Чтобы «увести» от смуты, требовался совершенно иной тип лидерства (именно лидерства, не только управления). Система не могла его выработать в принципе. Словно в насмешку над «застойным», смута инициировала ротацию харизматических лидеров — на смену Керенскому не случайно пришел Ленин, на месте Горбачева не случайно оказался Ельцин. Более того, следует напомнить о былой «горбомании» и, особенно «ельциномании». Тем более, мы не до сих пор отваживаемся проводить аналогии между 1917 и 1991 годом, не говоря уже о событиях XVII в. Дело, разумеется, не только в феномене «стыдливой забывчивости», свойственной исторической памяти. Новые ожидания, адресованные нынешней власти, подспудно вытесняют воспоминания о «дурном» прошлом.

В заключение хотел бы обратить внимание на еще один принципиально важный, как мне кажется, момент. Перманентная отчужденность государства от податных сословий (отсюда известные утопии «соборной гармонии») приводила к тому, что «снизу» оно казалось *всесильным*. На деле оно оставалось *слабым* и «подслеповатым», и не могло быть иным. И этот момент также сказывался на течении революции — «смутные» надежды на власть и элиты всегда были непомерными, что, как всегда, усиливало хаос.

Итак, противостояние понятий смуты и революции имеет глубокую культурно-историческую природу. Из этого следует только одно: исследователь должен мысленно корректировать привычные термины соответственно их историческому наполнению. Продуктивно рассуждать о российской истории можно, только прочувствовав ее культурно-антропологическую «боль», то есть через

постижение смут «изнутри». В этом смысле социологические абстракции и, тем более, политологические генерализации не только бесполезны, но и опасны. Российские смуты, повторюсь, в значительной степени связаны с «самообольщениями разума», провоцирующими непомерные надежды и неуправляемые страсти.

Библиография

[1] См.: *Измозик В. С., Рудник С. Н.* Российские революции XX века: сколько их было? К постановке проблемы // Политика. Общество. Человек: К 85-летию доктора исторических наук, проф. А. З. Ваксера. — СПб., 2008.

[2] Россия в XX веке: взгляд сквозь годы. — Архангельск, 1998. — С. 3.

[3] См.: *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 1997.

[4] Цит. по: *Пильняк Б.* Голый год // *Пильняк Б.* Человеческий ветер. Романы, повести, рассказы. — Тбилиси, 1990. — С. 62—63.

[5] См.: *Соловей Т. Д., Соловей В. Д.* Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. — М., 2009.

[6] Там же. — С. 402—403.

[7] См.: *Goldstone J.* Comparative Historical Analysis and Knowledge Accumulation in the Study of Revolutions // Comparative Historical Analysis in the Social Sciences. Ed. by J. Mahoney and D. Rueschemeyer. — Cambridge (Mass), Harvard University Press, 2003.

[8] См.: *Ахиезер А. С.* Специфика исторического опыта России: трудности обобщения // Pro *et* Contra. 2000. — Т. 5. — № 4; *Ахиезер А. С. [и др.].* Социокультурные основания и смысл большевизма. — Новосибирск, 2002.

[9] См.: *Кондратьева Т.* Кормить и править: О власти в России XVI— XX вв. — М., 2006.

О. Г. Буховец

«КРАСНАЯ СМУТА», КРЕСТЬЯНСТВО И СОВЕТСКОЕ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО: ПРИМЕР БССР, РСФСР И ПОЛЬШИ

Великие потрясения Первой мировой войны особенно катастрофическими оказались для полиэтнических Австро-Венгерской, Российской и Османской империй. Потерпев в ней военное поражение, они распались, а на их обломках возникло 9 новых европейских государств. Однако объявление об образовании государства и даже создание институтов законодательной, исполнительной и судебной власти в центре и на местах для национального государства только полдела. В отличие от государств донационального периода, в которых подавляющее большинство жителей считались просто «частными подданными», в национальном государстве населению надлежит превратиться в «народ-нацию» (Volksnation), по афористично выраженной после образования итальянского государства в 1861 г. в формуле: «Мы создали Италию, теперь нам нужно создать итальянцев».

Но чтобы этого достичь, необходима патриотическая индоктринация населения, для которой требуется:

– во-первых, внедрение в массовое сознание мифов об общих предках и патриотических версий «общенационального исторического прошлого;

– во-вторых, распространение и укоренение в народе коллективного имени собственного и чувства общенациональной солидарности;

– в-третьих, привитие гражданам страны представлений о том, что «наша родная культура» и «наша родная земля» однозначно отличают и отграничивают «*НАС*» от «*ДРУГИХ*».

Чтобы решить все эти задачи, необходимо было задействовать потенциал факторов модернизации — культурной революции, индустриализации, урбанизации.

Школы и внутренняя миграция, рельсы и шоссе, экономическая революция, городская жизнь и даже всеобщая воинская повинность — все это в совокупности порождало представление о принадлежности к чему-то неизмеримо большему, нежели местная община, выводило селян из ее «локализованного микрокосма» и вводило их в национальный макрокосм.

Опыт смуты 1917—1922 гг. показал, что большевики изначально недооценивали возросшую политическую роль национального фактора в тогдашней действительности. «Декларация прав народов России», опубликованная через неделю после установления Советской власти в Петрограде и провозгласившая отмену национальных и религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнических групп, их равенство и свободное самоопределение — не сумела нейтрализовать сецессионистские поползновения, вполне выявившиеся уже после февраля 1917 г. Из восьми национальных государств, образованных на отпавших от Российской империи землях, пяти удалось в ходе Смуты отстоять свою независимость, причем Польша сумела даже нанести Советской России чувствительное военное поражение и очень существенно прирастить в результате этого территорию. Над тремя — Азербайджаном, Арменией и Грузией — советский контроль был установлен вооруженным путем лишь в 1920—1921 гг.

Дискуссия 1922 г. в партийном руководстве по вопросу, на каких началах — «союзных» или «автономных» — строить объединение советских республик, завершилась победой обоснованного и сформулированного Лениным «союзного» плана.

С одной стороны, в этом нашло отражение выросшего понимания исключительной политической значимости национальной политики. С другой, ее основные принципы, сформулированные тогда в Декларации об образовании СССР, — добровольность вхождения и право свободного выхода из Союза — будучи проявлением своего рода интернационалистского идеализма раннего

большевизма, создали конституционную основу для будущего распада Советского Союза.

В начале 1920-х гг. в национальных регионах СССР была развернута «коренизация», которая предусматривала *«белорусизацию»*, *«украинизацию»* и т. д. многих сфер политической, культурной, административной, хозяйственной и даже военной жизни. В этом, опять-таки, с одной стороны, проявлялся тот же интернационалистский идеализм. Но с другой, и прагматический расчет: трансляция («одомашнивание») средствами *национальных* языков и культур *интернациональной* по своему духу доктрины большевизма.

Кроме этого, здесь присутствовал также дефицит понимания как качественной специфики, так и энергетического потенциала процессов, объективно ведущих к оформлению наций.

Из предшествующего опыта национального строительства в других регионах Европы вытекало, что политика «коренизации» результативной могла стать, если бы на службу национально-культурной индоктринации была поставлена энергетика факторов модернизации — индустриализации, урбанизации, культурной революции.

Правда, в условиях, когда СССР в 1920-е годы только-только преодолевал последствия Первой мировой и Гражданской войн — индустриализация и урбанизация были факторами завтрашнего дня. Однако дефицит этих факторов модернизации большевистская диктатура компенсировала ресурсами уже созданной ею к тому времени административно — командной системы. Начавшаяся культурная революция была задействована в мобилизационном режиме для выполнения программы «коренизации».

Поэтому мне бы хотелось несколько слов сказать о советской национальной политике, оставаясь при этом равноудаленным от полюсов ее апологетизации и демонизации. Апологетизация — это ясно что, особенно в свете тех безобразий, которые творятся сегодня на Украине и в

Прибалтике, когда русским говорят: «Пошли вон!» В ответ на это с ностальгией вспоминают о временах «дружбы народов» в СССР. С другой стороны — демонизация. Понятно — депортация народов, которая квалифицировалась как народоубийство.

Вот я, занимаясь Белоруссией, сейчас обрабатываю материалы первой Всесоюзной переписи 1926 года. Беларусь в этом смысле потрясающе перспективный регион, потому что белорусский этнос в результате Гражданской войны и советско-польской войны оказался разнесенным по трем регионам. То есть вот та часть, которая осталась в РСФСР и которая была частично в 1924 году возвращена БССР. Затем та часть, которая была собственно БССР в самом, скажем, «скукоженном» виде — шесть уездов Минской губернии с населением чуть больше 1,5 млн человек. Такой была Белорусская Советская Социалистическая Республика до 1924 года. И, наконец, по итогам советско-польской войны к Польше отошли земли, которые населяли 4,5 млн белорусов.

Это не только научно-академические, но и остроактуальные темы. Меня на изучение этой темы отчасти сподвигли польские законодатели, а именно резолюция польского сейма в связи с 70-летием начала Второй мировой войны. В ней, а я ее внимательно посмотрел, нет никаких слов раскаяния за проводившуюся на территории Западной Украины и Западной Белоруссии политику достаточно жесткой *полонизации*.

Приведу несколько цифр. В начале польской оккупации на территории Западной Белоруссии проживало 4,5 млн белорусов. На этих территориях в начале оккупации было 400 белорусских школ. К 1924 году их осталось уже 20. То есть польское государство неукоснительно проводило линию на полонизацию. Ничего «непольского» на этих территориях быть не должно. Задача ставилась следующая — за одно поколение осуществить полную полонизацию местного населения. В 1939 году, который стал последним годом второй Речи Посполитой, была закрыта последняя белорусская школа.

Частью политики полонизации являлось проводившееся польскими властями наступление на православную церковь. Из 500 православных церквей, которые существовали на момент начала советско-польской войны, к 1924 году осталось 195. Параллельно происходило насаждение костелов. Проводилась политика полонизации той части православного клира, которая соглашалась сотрудничать с польским государством. Когда белорусский школьник приходил в школу, то первые строки, которые мы учили: «Kto ty jestes — Polak maly». Не белорус, не украинец, не еврей — поляк малый. Без вариантов. Меня поражало, что неграмотное западно-белорусское крестьянство, тем не менее, все-таки, куда в большей степени оказывалось восприимчивым к строкам белорусской Марсельезы: «Ад веку мы спалі, і нас разбудзілі" (так начинается белорусская Марсельеза). Нельзя не заметить, что политику польских властей трудно не охарактеризовать теми словами, которые в свое время были адресованы Бурбонам: они ничего не забыли, ничему не научились. Еще в 1901 г. на тех польских территориях, которые входили в состав Германской империи, было запрещено даже богослужение на польском языке. Тем не менее, вторая Речь Посполитая использовала практически те же технологии. То есть поступала так, как поступала Германская империя, которая в свое время последовательно германизировала Эльзас и Лотарингию, и еще более жесткими методами германизировала Силезию и Шлезвиг-Гольштейн.

Если взять восточные районы Белоруссии, то там ситуация была следующей. У меня сейчас на исследовательском столе материалы переписей (первой Всероссийской 1897 года и первой Всесоюзной 1926 года). Они разработаны по трем уездам Витебской губернии — Велижскому, Себежскому и Невельскому, которые были переданы после Октябрьской революции большевистским центром в состав Псковской губернии. По первой Всероссийской переписи 1897 года по родному языку более 70% населения было белорусским. Берем первую

Всесоюзную перепись 1926 года: там в качестве родного языка назвали белорусский уже лишь 0,2%. Иными словами этнос растворился как кусок сахара в стакане горячей воды.

Причем нет никаких подтвержденных данных о том, что был какой-то в этом смысле жесткий прессинг со стороны властей. Свою роль здесь, безусловно, сыграла минимальная культурно-лингвистическая дистанция. Равно как и отсутствие достаточно выраженной общебелорусской идентичности. Факт перехода этих уездов из БССР в состав РСФСР начальством трактовался для населения следующим образом: «ну, получается, что вы, значит, тогда русские». Вот отсюда и результат, который прямо просится в учебник по статистике народонаселения: от 73% до 0,2%. Правда, по признаку «народности» удельный вес белорусов составил все-таки 7,2%.

А соседние уезды той же Витебской губернии остались в составе БССР. Вот эти уезды, оставшиеся в БССР, потрясающе в 1926 году показали свою белорусскость: 66,1% по «родному языку» и 80,8% по «народности». В целом по республике тогда почти 81% назвали себя белорусами. Здесь мы тоже видим плоды советской национальной политики. Ясно, что в случае с уездами, переданными в состав Псковской губернии, произошла переидентификация, но отнюдь *не языковая.*

Ведь переидентификация происходит вследствие школьного образования. Как создаются нации? Транслируется версия о том, что у нас есть общие предки, что есть общенациональная историческая память, что наш язык и наша культура это то, что отличает нас от всех других. Псковская область тогда представляла собой аграрный регион, в котором могла быть осуществлена только *идентификационная русификация* белорусских крестьян. В переданных из Витебской губернии в Псковскую губернию уездах сельское население составляло более 92%. Русификация — да, но идентификационная. По моим данным, в этой сельской местности Псковской губернии 68% населения были неграмотными. То есть, в этих условиях,

никакого переучивания с языка на язык быть не могло. Для сельских сообществ характерна инерционность лингвоприменительной практики.

Теперь о современности буквально два слова. Есть много чего достойного нашего внимания в сфере национальной политики и в современности. Я обратил внимание на то, что сравнение последней советской и первой постсоветской переписи показывает кардинальное изменение численности основных этнических групп в Белоруссии, за исключением белорусов.

Основные этнические группы, кроме белорусов, убывают. Абсолютная убыль и по русским, и по украинцам, и по полякам. И только численность белорусов увеличивается абсолютно. Хотя у нас «национал-романтики» и их союзники на Западе говорят о «русификации». Но, здесь как раз цифры говорят о том, что даже в Белоруссии, которая исторически, так уж получалось, всегда была россиецентричной, не происходит вымывания титульного этноса. В эти годы становится престижным считать себя частью титульного этноса (в данном случае частью белорусского этноса). То есть происходит переидентификация.

Е. И. Демидова

ВЫСШАЯ ШКОЛА В РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Исключительно важным представляется изучение внешних и внутренних механизмов функционирования системных институтов общества в период кризисов, революций и так называемых смут. Как высшая школа, научно-педагогическая элита общества пережила революционные потрясения 1917 г.? Какие изменения произошли в системе высшего образования под влиянием «великой русской смуты»? Возможно ли, позиционировать внутреннее состояние высшей школы в начале XX в. как системный кризис? Ответы на данные вопросы ищут многие исследователи. Анализируя состояние и развитие сложных многоуровневых социальных институтов общества, возможно, более детально понять внутренние и внешние причины революционных потрясений и реорганизаций, приблизится к пониманию сущности таких научных понятий, как «смута» и «революция». Безусловно, эволюционный путь развития общества и его институтов предпочтительнее. Но в определенные исторические моменты происходит то, что мы понимаем как революция и смута. Когда, при каких обстоятельствах и главное почему это происходит?

Система образования — особый механизм передачи знаний и воспитания, развития научных исследований в определенной мере всегда является уникальной основой, залогом поступательного развития общества вперед. В тоже время в силу своих специфических черт и качеств, образование выступало и выступает важнейшим, в определенной степени консервативным компонентом всех процессов, происходящих в обществе и государстве на конкретном этапе исторического развития. Обладая уникальными возможностями в процессе передачи знаний от поколения к поколению, формировании определенного

культурно-образовательного уровня общества, а при сознательном и продуманном подходе этот фактор усиливается, система образования в определенной мере обеспечивает прогресс по основным направлениям развития государства. На этом основании правомерно говорить об образовании как об одном из основополагающих факторов стабильного существования и поступательного развития общества, связывающих прошлое и будущее, гарантирующей движение именно от первого ко второму. Следовательно, исследуя состояние высшей школы в условиях кризиса, перешедшего в революцию, мы можем извлечь как практические, так и теоретические уроки, выявить ожидаемое и действительное.

В начале XX века, несмотря на наличие в обществе высокообразованных специалистов, на имеющиеся традиции в развитии высшей школы, система образования, в том числе высшего, носила противоречивый характер. По официальным данным, в 1910 г. грамотные составляли всего 21% от всего населения России. Расходы на образование были в 2—3 раза меньше, чем в Англии, Германии и даже Бельгии[1]. На начало 1914—1915 учебного года в России насчитывалось 91 высшее учебное заведение, в том числе 8 университетов, остальные были профильные вузы и высшие женские курсы. Специалистов явно не хватало, большинство населения по данным переписи 1897 г. было безграмотным и малограмотным. Первая мировая война, нараставшие кризисные явления во всех сферах общества, революционные потрясения 1917 г. непосредственно повлияли на дальнейшее развитие высшей школы, всей системы образования. «В Саратове вначале война мало чувствовалась, — пишет в своих воспоминаниях профессор В. Д. Зернов, — но вскоре новые университетские здания стали превращаться в госпитали. Жены профессоров и преподавателей исполняли обязанности сестер. У меня в институте был организован хирургический госпиталь, и операционная была в большой аудитории»[2]. Многие молодые, подающие надежды, ученые были призваны на

фронт или в военные училища, сокращались научные исследования[3]. Осенью 1915 г. в Саратов из Киева были эвакуированы Университет Св. Владимира, Коммерческий институт, Высшие женские курсы и педагогический институт, всего в город прибыло около 9,5 тысяч человек. Безусловно, это существенно оживило и обогатило научную и общественную жизнь города, но возникли и серьезные трудности материально-бытового и финансового плана.

В годы Первой мировой войны значительно были сокращены расходы на развитие вузов и подготовку научных кадров. В 1914 г. в Саратове было остановлено проектирование новых зданий университета. Студентов призывали в армию, только в 1916 г. было 7 призывов. В Саратове студенты весной 1916 г. активно выступали против принудительного призыва на военную службу, что стало основой местного студенческого движения. Многие студенты и стипендиаты профессоров были лишены возможности получать стипендии по политическим мотивам как неблагонадежные согласно циркуляру, изданному еще в 1913 г. Л. А. Кассо. В вузах создавались «Студенческие бюро», кассы кредита и взаимопомощи, землячества, которые пытались организовать помощь нуждающимся. Менялся социальный состав учащихся, увеличивалось число студентов — выходцев из демократических слоев[4]. Система же высшей школы продолжала функционировать на основе сложившихся и проверенных временем принципах.

Существенные, *революционные* изменения начинаются в системе высшего образования и в политике государства по отношению к высшей школе с октября 1917 г., когда новая власть стремится проводить свою, построенную на новых политических и идеологических принципах государственную политику. Политической и организационной основой деятельности РКП(б) в сфере образования после событий Октябрьской революции стал Декрет Совнаркома от 11 декабря 1917 г. о передаче всех учебных заведений, в том числе высших, в ведение Народного комиссариата просвещения[5]. Советское государство с момента своего

возникновения активно создает нормативно-правовую базу, которая обеспечивает первоочередное право рабочих, беднейшего крестьянства и нерусских народов на получение высшего образования.

А. В. Луначарский — первый советский нарком просвещения — считал, что основной задачей советской власти в деле преобразования высших учебных заведений страны является расширение доступа в них широких масс пролетарской молодежи[6]. В. И. Ленин ставил задачу осуществления «безусловного приема лиц из среды пролетариата и беднейшего крестьянства»[7]. Вот динамика и направление революции в высшей школе: подготовка нового Устава, формирование новой советской системы управления вузами, реорганизация внутренней жизни на новых идеологических и организационных принципах, перестройка сети высших учебных заведений, организация отбора в вузы «нужного» пролетарского и бедняцко-крестьянского контингента, то есть тех, кто до 1917 г. не имел право и возможность получить высшее образование.

В январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов был поставлен вопрос о необходимости проведения реформы высшей школы. Для подготовки проекта преобразований была создана специальная комиссия. Весной 1918 г. первые варианты проектов были подготовлены, и началось их обсуждение партийным руководством страны. Какой характер носили эти проекты, и какова была их цель? Как можно оценить первые шаги советской власти по реформированию высшей школы в 1917—1918 гг.? Что это преодоление смуты или революция? Большевики, революционно настроенная часть студенчества и профессорско-преподавательского состава однозначно рассматривали грядущую *революцию* в высшей школе как демократическую, так как она должна была открыть доступ всем трудящимся в вузы страны. Профессор К. А. Тимирязев в статье «Демократическая реформа высшей школы» писал, «что после хлеба самое важное для народа — школа», что самым важным демократическим завоеванием советской

власти является введение бесплатного образования[8]. То есть под демократизацией высшей школы советская власть первоначально подразумевала изменение социального состава студентов, расширение приема в вузы, реформирование старых принципов управления и организации учебного процесса.

Политическая и экономическая ситуация в стране непосредственно влияла на внутреннюю жизнь высшей школы. Различные собрания, сходки, митинги дестабилизировали распорядок учебной и научной работы, «политический фактор» пронизал все сферы жизни учебных заведений. Упал престиж руководящих должностей в вузах, «статус и значение человека во многом определялось его политической принадлежностью, «чистотой» его политических взглядов, приверженностью партийным устремлениям и целям»[9]. Характерным явлением стала должностная череда, падение престижа ректорской должности. Так в Казанском университете с осени 1917 г. по лето 1918 г. пять раз менялся ректор. Профессор М. В. Бречкевич на заседании Совета университета возмущался кандидатами в ректоры, отказавшимися от должности[10]. Многие соглашались быть только «временно исполняющими дело ректора». Руководители вузов в это время оказывались в очень сложной ситуации: с одной стороны коллеги со сложившимися отношениями, с другой — новая политическая власть. Находившийся на посту ректора Саратовского университета с 1918 г. по 1921 г. В.Д. Зернов в своих воспоминаниях указывал на сложные взаимоотношения, которые возникали между университетской администрацией и советской властью в эти годы, на необходимость вести университетский корабль, сохраняя его независимость[11].

Изменилась система внутреннего управления: выборы ректоров в первые годы советской власти проводились ежегодно, в состав Правлений университетов были введены представители студенчества и служащие. Так в Саратовском университете в 1919 г. общее количество

членов Правления составляло 21 человек[12], многие были совершенно некомпетентны, заседания Правления часто превращались в своеобразные политические собрания. А ситуация в стране усложнялась, экономический кризис и Гражданская война ускорили революционные преобразования в высшей школе. Во многом толчком к радикальным мерам послужили события в Казанском университете.

После того, как Казань была взята войсками Народной армии Самарского Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), большинство профессорско-преподавательского состава, Ученый Совет Казанского университета его поддержало. После освобождения города и восстановления советской власти в сентябре 1918 г. выяснилось, что более сотни преподавателей и студентов покинули город[13].

Согласно Декрету Совнаркома от 6 августа 1918 г. в число слушателей вуза может быть зачислен любой, достигший 16-летнего возраста, независимо от гражданства и пола без представления какого-либо диплома или аттестата. Все желающие, безусловно, учиться в вузе не могут в силу слабой образовательной подготовки. Наркомпрос, партийные органы, казалось, это понимали. Но когда приемные комиссии университетов отказали в приеме малограмотным и безграмотным, то профессоров и преподавателей тут же обвинили в сопротивлении советской власти и зачислили в число ее врагов.

В соответствии с декретом СНК от 9 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики»[14] были упразднены все дореволюционные ученые степени и звания, вводилось единое звание профессора. В состав профессоров переводились приват-доценты, которые состояли в этом звании не менее трех лет, а профессора, прослужившие 10 лет в одном вузе или 15 лет вообще в высшей школе, переизбирались. С этой целью был объявлен всероссийский

конкурс с обязательными рекомендациями известных ученых. Итоги этих выборов существенно разочаровали официальную власть, так как в подавляющем большинстве случаев профессора были вновь переизбраны, а новое пополнение из приват-доцентов сформировалось еще в традициях старой высшей школы.

Летом 1919 г. в Москве состоялось Всероссийское совещание деятелей высшей школы, в работе которого участвовало 400 делегатов от профессорско-преподавательского состава, студенчества и органов управления образованием. Открывая совещание, Луначарский заявил, что советская власть выступает категорически против автономии университетов и не допустит, чтобы старая высшая школа сама себя реформировала[15]. В ходе работы совещания большинство делегатов не поддержали предложенный проект и высказались за подлинно демократическую реформу высшей школы. Но по вопросу о том, какой должна стать советская высшая школа, мнения делегатов разделились.

На совещании не удалось выработать общую точку зрения по данному вопросу, так как здесь были представлены различные политические взгляды и позиции, не совпадающие с точкой зрения советской, партийной власти и Наркомпроса. У большевиков не было еще послушного большинства среди вузовской общественности, студенчества. Подводя итоги работы этого совещания, необходимо отметить, что руководству Наркомпроса удалось добиться согласия представителей профессоров и преподавателей, студенчества на участие в дальнейшей разработке программных документов. Был признан принцип бесплатности обучения в высшей школе, разрешено открытие кафедр по изучению социализма, одобрен новый порядок вступления на должность профессоров. Совещание избрало комиссию во главе с М. Н. Покровским для дальнейшей работы над «Положением о российских университетах»[16].

Оценивая итоги совещания с позиции дальнейших перспектив развития высшей школы, следует отметить, что

позиция большинства профессоров и студентов была более предпочтительная. Вузовская интеллигенция выступала за реформу на демократических началах, за сохранение исторических традиций, в основе которых лежали автономия университетов и принцип свободного получения знаний. Профессора и преподаватели были категорически против кардинальной, *революционной* ломки и разрушения сложившейся системы. В то же время совещание показало, что у руководства страны и Наркомпроса есть определенная цель: создать такую систему высшего образования, которая бы соответствовала потребностям советской власти и являлась послушным инструментом в ее руках, была под ее полным политическим и организационным контролем.

На сегодняшний момент среди исследователей нет единой точки зрения по поводу того, была ли сразу же разрушена, сломана старая система образования и создана принципиально новая[17]. Но ясно одно, что высшая школа страны в первое десятилетие советской власти была ей завоевана и стала важной составной частью политической системы. Компромисс с вузовской интеллигенцией — элитой общества не состоялся, произошло революционное огосударствление высшей школы. Завоевание советской властью командных высот в системе высшего образования, изменение его внутреннего содержания, сущности и механизмов взаимоотношений с властью — важнейшие итоги первого десятилетия революции.

Библиография

[1] *Чуткерашвили Е.В.* Развитие высшего образования в СССР. — М., 1961. — С. 7.

[2] *Зернов В.Д.* Записки русского интеллигента. — М., 2005. — С. 205.

[3] См.: ГАСО (Государственный архив Саратовской области). Ф. 393. Оп. 1. Д. 484. Л. 42—42об.

[4] См.: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 18. Д. 5. Л. 5.

[5] Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. — 1918. — № 39. — Ст. 507.

[6] См.: *Луначарский А. В.* О народном образовании. — М., 1958. — С. 18.

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. — Т. 37. — С. 34.

[8] *Тимирязев К. А.* Демократическая реформа высшей школы. — М., 1918. — С. 2.

[9] *Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А.* Terra univercitatis: два века университетской культуры в Казани. — Казань, 2003. — С. 209.

[10] См.: НАРТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. Р-1337. Оп. 23. Д. 2. Л. 169.

[11] См.: *Зернов В.Д.* Записки русского интеллигента. — М., 2005. — С. 216—217.

[12] ГАСО. Ф. 332. Оп. 1, Д. 61. Л. 1об.

[13] См.: *Султанбеков Б.Ф.* Научная интеллигенция Поволжья в годы гражданской войны // Интеллигенция и революция XX в. — М., 1985. — С. 227.

[14] Собрание декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. — М., 1920. — С. 18.

[15] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 28. Л. 1—7.

[16] Там же. Л. 5, 32, 97—98.

[17] См.: *Карнаценская Т. М.* К истории образования Народного комиссариата просвещения РСФСР и управления высшей школой // Труды Московского государственного историко-архивного института. — Т. 19. — М., 1965. — С. 97; *Чанбарисов Ш. Х.* Формирование советской университетской системы. — М., 1988. — С. 80—85; *Всемиров В. В.* Российское студенчество в первое десятилетие пролетарской диктатуры. — Саратов, 1994. — С. 58—60.

Ю. А. Жердева

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА КАК «ГОРОДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»: «КАРНАВАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА» И УРБАНИСТИЧЕСКИЙ МИР

«Революционный пафос» до недавнего времени являлся характерным атрибутом прошлого нашего государства, однако в последние годы он все чаще становится элементом его настоящего. Понимание смысла революционного концепта, поиск онтологических и институциональных особенностей «русской революции» или «русской Смуты» до сих пор остается содержанием исторических и политологических дискуссий. Изложенная в настоящей статье теоретическая модель является, с одной стороны обобщением основанных на фактическом материале размышлений (и в этой мере она соприкасается с уже не раз высказывавшимися мнениями ряда историков), а с другой, обозначает новое концептуальное поле дальнейшей аналитической работы автора.

В современной историографии сложилось достаточно устойчивое восприятие революции и Смуты как специфической формы решения «вопроса о власти». Как правило, в связи с этим имеется ввиду обширный спектр проблем, связанных с определением модели власти, ее структуры, адекватности условиям конкретной исторической ситуации, ее взаимоотношений с народными массами и т.п. Вместе с тем, представляется, что в российском контексте речь должна идти не о системе власти, а о модели организации общества в целом, где власть, безусловно, является ключевым компонентом. Говоря иными словами, мы имеем дело с определенной моделью государственности, деформация способна разрушить само государство.

Если применить к этой модели организации российского государства и общества марксистскую терминологию, то ее можно было бы назвать «формацией»,

то есть устойчивой системой взаимосвязанных компонентов с базисом в виде «имперской» модели власти и надстройкой в виде системы «подданства-министериалитета»[1]. Рассматриваемые в науке исторические сдвиги в истории России («Смуты» начала XVII в., 1917 г., а также середины 1980—1990-х гг.), определяются именно изменениями этой «формации», точнее, изменениями механизмов легитимации и институционализации власти. Позиция автора в данном вопросе солидарна с концепцией имперства и смуты В. П. Булдакова[2].

Итак, в данной статье будут обозначены те изменения в российской общественной организации, которые происходили с начала XVII до конца XX века. Замечу еще раз, что эти изменения происходили внутри одной общественной модели, — они ее трансформировали под влиянием разного рода обстоятельств, но не ниспровергали и не заменяли новой. Основной акцент мы делаем на событиях 1917 года. Этот хронологический рубеж используется, скорее, условно, символически, поскольку описываемые процессы, как это уже было отмечено в историографии, не локализовались только в 1917 г. Думается, что революционные события этого времени особенно ярко обозначили возникший и актуальный для всей культуры XX века конфликт между городом и деревней, между «аграрным» обществом и «городским».

В данном случае подразумевается конфликт новых исторических условий, в которых городская форма сообщества постепенно или скачкообразно (в различных странах мирах урбанизация происходила с весьма заметными особенностями) возобладала над традиционной, сельской. Этот конфликт рассматривается здесь в контексте индустриализирующейся системы, изменившей экономику, власть и социальные отношения во многих странах XIX — начала XX вв. Представляется, что, в конечном счете, он и стал причиной краха имперской модели в 1917 г., пошатнув не только экономическую и социальную устойчивость Российской империи, но и саму патерналистскую модель

власти. Реанимация и сохранение этой модели в изменившихся обстоятельствах стала первостепенной задачей «новой» власти в России. Безусловно, такой «урбанизационный» подход к чрезвычайно сложным явлениям российской жизни начала XX века выглядит «однобоко», однако он позволяет обратить внимание на некоторые особенности происходивших процессов, при другом подходе либо незаметные исследователю, либо ограниченно вписанные в другую исследовательскую модель.

Итак, в указанном контексте определяющее значение в Смуте 1917 г. придается урбанизации, то есть фундаментальному изменению роли города в жизни страны и мира в целом. Думается, от внимания исследователей постоянно ускользает тот факт то, что по аналогии с европейскими революциями конца XVIII—XIX вв. эта революция должна была стать «городской». Использование понятия «городская революция» в данном тексте не является «академическим», оно лишь позволяет сместить угол зрения на давно изучаемые процессы. В каком-то смысле под «городской» революцией я понимаю то, что в советской исторической науке было принято обозначать как «буржуазная», с той лишь разницей, что в данном случае акцент переносится с экономико-социальных явлений на пространственно-структурную организацию, новую систему взаимосвязей между частями системы. Под последней имеется ввиду плотная инфраструктура, соединенная неизвестными до XIX — начала XX вв. формами связи, и произрастающая из нее система контроля над частями целого при их видимой независимости. Кроме того, формально эта новая урбанизированная среда строится на началах «свободы» (например, в форме декларируемой демократии или самоуправления на местах). Говоря словами известной средневековой максимы, «городской воздух должен был сделать человека свободным». Однако в России этого не произошло. И «конфликт города и деревни» в нашем государстве после 1917 года был решен иначе.

Город «победил», вот только «свободу» он не принес. Рассмотрим некоторые факторы, повлиявшие на это.

На мой взгляд, Смута XVII века и Смута 1917 года имели разные онтологические основания. Начало XVII в. было завершением противоборства «царя» и «земли», явно обострившегося со второй половины XV в. Смута стала легитимацией московской модели власти, выстроившей новое государственное начало — патерналистскую систему, названную позднее «российское имперство». Важно отметить следующие особенности этой системы: сакральный характер власти, устойчивая социальная иерархия, закрепленная властью «несвобода» всех социальных групп, относительная экономическая стабильность, снятие «проблемы выбора» (наличие Верховного авторитета, который поддерживает жизненную стабильность общества, берет на себя функции целеполагания и стратегического управления)[3].

В условиях подобным образом организованного общества важно поддержание двух основополагающих элементов.

Во-первых, «закрепощение» социальной системы (то есть «несвобода» всех социальных слоев) и «раскрепощенность» бюрократического аппарата. Эта «либертарность» бюрократии вовсе не означает какого-то нарушения действия механизма общей «несвободы», а действует как необходимый в любой сложной системе «анти-рычаг». Это та норма «дозволенной» властью свободы, которая возможна именно потому, что мотивирует участников самой бюрократической системы поддерживать имеющийся аппарат власти как гарант их собственного статуса и осознания, с одной стороны, причастности к власти как «стабилизатору системы», а с другой, возможности выйти за границы этой системы, пусть даже формально.

И отсюда вырастает второй основополагающий элемент «российского имперства» — запрет на рефлексию (критический дискурс) для всех остальных членов общественного организма.

Рефлексия для подобной системы — это социальное зло, обладающее потенциально разрушительной силой. Развитие «общественной мысли» в XIX в. показало, насколько опасно для всей системы распространение свободы (слова, собраний, организаций), если оно не может всецело контролироваться властью. Та проблема, с которой столкнулась имперская администрация во второй половине XIX — начале XX в. может быть обозначена как незнание механизмов контроля публичного мнения в условиях нарождавшегося нового городского «информационно-публицистического» общества. К примеру, периодическая печать, несмотря на действовавшие цензурные правила, по своей природе требовала расширения зоны рефлексии. То, что раньше обсуждалось в «административных» кулуарах, становится достоянием более широких грамотных слоев общества. Это само по себе нарушало «несвободу», первый из указанных выше базисных элементов. Можно сказать, что власть на тот момент еще не выработала правильных механизмов манипуляции периодической печатью как праэлементом «массового информационного общества».

Конечно, были и другие «урбанизационные» факторы (как они определены в данном тексте для удобства обозначений), нарушавшие естественное состояние основных элементов системы. К таким факторам относится, например, «коллапс» крестьянского патернализма имперской системы. Под этим «коллапсом» понимается неразрешимое «мирным» путем противоречие между стремлением российской императорской власти сохранить крестьянство как субъект патерналистской опеки государства, ибо такова была «традиция», закрепленная вековой практикой, государственной риторикой и сакральной функциональностью имперской власти, и непреодолимыми требованиями индустриально-городской «культуры», требовавшей ликвидации крестьянства в его традиционном понимании.

Как известно, в большинстве стран, включенных в индустриально-урбанизационные процессы, решение этого

вопроса, действительно, было чрезвычайно болезненно и трагично (вспомнить, хотя бы, Англию времен «кровавого законодательства», Францию периода Великой французской революции или Японию «эпохи Мэйдзи»). В России же императорская власть «тормозила» процесс социального переустройства, ибо это противоречило самой стабильности «имперской системы», откладывая решение «крестьянского вопроса». А ведь в индустриализирующейся экономике этот вопрос можно считать «ключевым». И решить его «в интересах крестьянства» (или с позиции «крестьянского патернализма») в новых условиях было невозможно, поскольку индустриальной экономикой, как известно, востребован пролетариат. Поэтому императорская власть его и не могла решить. Как известно, советская власть также его не решала, реанимировав в новой оболочке «крепостное право» в нужных ей размерах и принудительно создав «рабочий класс» как квазигородскую маргинальную среду.

Среди прочих факторов, разрушавших «аграрную» имперскую систему, можно указать на нерешенность рабочего вопроса, проблем местного самоуправления, трансформацию системы землевладения, налоговой системы и т.п. Они уже достаточно хорошо исследованы в нашей историографии, и останавливаться на них в рамках настоящей работы нецелесообразно[4].

Вернемся к онтологическим различиям Смуты начала 17-го века и 17-го года. Первую из них я рассматриваю как легитимацию «имперской» модели. Хотя механизм разрушения старой «доимперской» системы связей был в полной мере запущен еще в XV веке, однако новая модель отношений власти и «общества» не успела окончательно утвердиться. Легитимация любой «большой идеологии» (а Москва в то время формировала именно то, что в современной философии и политологии принято называть «большими идеологиями») должна происходить, в том числе, путем принятия ее «низовой» культурой. Этот механизм представляет собой инверсию идей «высшего» порядка на «низшем» уровне[5], усвоение новой

идеологической конструкции в формах и образах, адекватных восприятию «масс». События начала XVII в. были как раз такой легитимацией. Они не просто «обнажили» конфликты и противоречия (социальные, экономические, политические, демографические), но и «узаконили» их.

Величайшим испытанием для «новой» системы стал династический кризис, ибо именно верховная власть выступала главным инициатором и организатором изменений. Однако уже созданная к началу XVII в. бюрократическая машина позволила сохранить основные механизмы новой системы в обстоятельствах крушения всех социальных связей и институтов[6]. Смута XVII в. узаконила новый порядок, «освятила» его, придав новой династии особый сакральный статус, дополненный впоследствии «имперским статусом» и «системой государственного крепостничества». По сути, это была своего рода «апробация» новой модели общественного устройства.

В начале XX в. происходили процессы обратного характера. Та имперская система, которая была легитимирована в начале XVII в., к середине XIX в. стала давать заметные сбои. При этом на нестабильность системы повлияли не только указанные выше внутренние процессы, нарушавшие ее устойчивость, но и внешние обстоятельства индустриализирующегося и урбанизирующегося мира. Найти механизм, который позволил бы соединить эти угрозы и традиционные основания стабильности общества, создать способ выхода из этого кризиса, как показали исторические обстоятельства, смогли только большевики. События же 1917 г., как отмечают отечественные исследователи, были механизмом саморегуляции системы[7]. Она поменяла «фасад» властного механизма и восстановила его в прежнем ритуальном виде, заменив «крестьянский» патернализм на «рабочий».

Отсюда выходит, что Смута 1917 г. — это не десакрализация власти (она-то происходит как раз до «взрыва», о чем уже писали исследователи)[8], а ее

ресакрализация. И феномен цареубийства на фоне «династического кризиса» здесь также не случаен. Представляется, что двойственность сакральности, о которой писали в середине XX века философы и социологи французского Коллежа социологии (Р. Кайуа, Ж. Батай и др.), должна была на уровне «нерационального» восприятия сделать царя, на котором лежала печать «несправедливого правления», «искупительной жертвой». Вполне возможно предположить, что цареубийство 1918 г. можно анализировать не только с точки зрения прагматической востребованности этого акта как отсекания возможного возврата к прежней системе власти, но и с позиции «сакрального ритуала», который возвращал власти как таковой утраченную прежде сакральность. Этот механизм в подобном виде действовал во всех «традиционных» культурах.

Новая «сакрализация» теперь уже советской власти выступает инструментом легитимации — вновь создаваемые «сакральные» ценности советской системы путем установления «революционной законности» становятся «объектом личного утверждения» (М. М. Бахтин). Легитимация советского строя происходила в «ритуальной» форме «общенародного решения», когда принятие важнейших государственных вопросов якобы было передано в руки «народных масс» (рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, при численном превосходстве последних)[9]. Такую же «ритуальную форму» имело, к слову, избрание на весьма ограниченном по составу Земском соборе царя Михаила Федоровича как первого легитимированного «низами», то есть «всенародно», правителя.

Можно сказать, что в этих условиях происходит инверсия (переворачивание) ценностей, инспирированная новой властью. И в этом отношении структура революционного сдвига «сближается с карнавальной»[10]. При этом карнавал как инверсионное действо не просто превращается в «форму» революционности. В условиях

новой «городской» среды индустриализирующегося общества именно карнавал своей массовой площадной формой отвечал потребностям новой советской власти в быстрой массовой легитимации «перевернутых» ею ценностей.

Наконец, мы подходим к весьма сложному вопросу о «карнавальной культуре» как механизме массовой инверсии ценностей в городской среде «индустриального» общества и ее связи с «революциями»[11]. По сложившейся в научной литературе традиции карнавальная культура приписывается, прежде всего, архаическим обществам (догосударственным, а значит, и догородским в их традиционном понимании), античной культуре или Средневековью. Начиная с фундаментального исследования смеховой народной («карнавальной») культуры Бахтина, карнавал чаще всего связывается со средневековой городской средой. Однако нельзя сказать, что наблюдения Бахтина относятся к народной культуре определенного исторического периода, скорее, они указывают на некоторый «архетипический» пласт народной культуры, которым является карнавал.

Можно заметить также, что карнавальное действо обладает таким важным свойством как выплеск витальной психической энергии, репрессивно подавляемой социумом с самого начала его возникновения[12]. Социально узаконенные подобные действа выступают неким механизмом стабилизации в обществе, выявляют подавляемые точки агрессии управляемых в направлении управляющих (то есть народа и власти) и стабилизируют «народное» недовольство, придавая ему узаконенные формы, не нарушая устойчивости социума. В Европе это карнавальное действие носило, с одной стороны, стихийный характер (выплеск психической энергии), не санкционированный властью, а с другой, оно имело действенное влияние на власть, модернизируя систему взаимоотношений власти и «народа», выступает механизмом стабилизации общественной жизни, формируя современную западную модель власти. В России же данный

механизм был узурпирован властью, подчинен ей, использован для необходимой идеологической легитимации.

Этот механизм в естественных условиях работает стихийно, а в России с момента нарастания имперских традиций оказался инициирован властью или церковью. Город в России повторяет модель общества в целом[13]. Власть с момента образования имперской системы узурпировала карнавал как форму народного праздника. Она придавала массовым городским действам все более «государственный» характер (под государством в данном контексте стоит понимать некое «высшее качество» «Града земного» как несовершенное отражение «Града Небесного» Августина Блаженного). Города стали местами проведения «народных» действ. При этом стоит отметить, что «деревенская» среда была для них естественной, «низовой», «народной» в полном понимании этого слова, а городская — искусственной, административной.

Рассмотрим некоторые стороны «народной культуры». Говоря о «народном» мы всегда имеем ввиду некоторый очень обширный «человеческий массив» (крестьянское население страны, городское население и т.п.), даже если речь идет о конкретном человеке. «Народный» в одних случаях — это принятая социумом условная идентификация индивида, его принадлежность к некоему обобщенному социально-культурному сообществу, зафиксированному в языке, в других — средство самоидентификации, в третьих — обозначение социального «большинства» и т. д. При этом очень часто в рамках «культурного» дискурса речь идет, скорее, о «простонародной» культуре (противопоставляемой «элитарной»), а в рамках «государственного» дискурса — о «неофициальной» культуре (противопоставляемой «официальной»). И если в нормализованных условиях государственного существования преобладают «официальные», то есть «освященные» законом или религией, или и тем, и другим, формы организации совместных действий, то в анормальных условиях, таких, например, как революция, — «неофициальные» («стихийные», «народные»).

Механизм выхода на поверхность социальной жизни «неофициальных», «народных» форм, на мой взгляд, не связан напрямую с «революционным неврозом»[14]. Он принимает невротические формы вследствие стремительного нарастания масштабов общественной нестабильности в процессе эскалации революции и все более сильного разрушения «официального» порядка вещей, особенно, когда он спускается до уровня «личного утверждения» (например, «если нет хлеба, значит, нет власти»). Говоря иными словами, народная карнавальная культура не является неврозом или психозом «масс», однако в условиях Смуты, революции или войны она часто принимает именно невротические формы, что уже неоднократно отмечали исследователи[15].

Таким образом, в Смуте 1917 г. мы видим «переворачивание ценностей», когда на смену нефункционирующей временно «официальной» культуре приходит «покоившаяся» под ней «народная», карнавальная. При этом стоит отметить, что узаконение новой «официальной» культуры лишь по форме совпадало с «народной» карнавальной. В действительности же «перевернутые» ценности транслировались самой новой властью. «Карнавализация» общественной жизни в период революции 1917 г. первоначально имевшая стихийный характер, как в средневековых карнавалах, быстро оказалась инспирирована властью, навязана «сверху» как подходящая форма легитимации.

Большевики осознавали ту важную роль, которую играет «карнавализация» в «народной культуре», поэтому легитимация их власти происходила путем воссоздания площадных праздничных («похороны жертв революции», триумфальные годовщины «Октября») или балаганных (например, «поезда революции») представлений[16], не говоря уже о словесных формах[17]. На символическом уровне это было «узаконением» народной культуры, превращением ее в «официальную». Это была виртуальная легитимация стихийной тяги масс к утверждению их собственных

трудовых идеалов и общечеловеческих ценностей[18]. Соответственно, и власть таким путем узаконивала свою «всенародность». Помимо военного установления большевистской власти, немаловажное значение сыграло ее карнавально-агитационное утверждение. И колоссальную роль в этом имели новые способы распространения информации (листовки, летучки, плакаты, газеты и журналы, «информационные» поезда), а также новые формы городской жизни (скученность населения в городах, особенно в период войн).

В условиях анархии властные функции брал на себя тот, кто мог предъявить «атрибуты» власти, чаще всего, «человек с ружьем» как олицетворение «силы»/«власти» в ее полицейском виде[19]. Однако подобной «власти» требуется признание со стороны большинства, и такое «признание» находится уже в мире символическом. В одном случае, оно навязывается путем тотального «запугивания» населения: в этом случае средством легитимации нового строя оказывается «страх» перед властью. Такие системы, как правило, долго не существуют. Другим механизмом «признания» новой власти является узаконение ее «справедливого» характера, символического возвращения власти декларируемой «всенародности». Такая форма более устойчива, поскольку основана на передаче «большинством» меньшинству некоего «морального мандата» на управление. Карнавализация же должна была остаться механизмом ежегодного подтверждения этого «мандата», его актуализации (как, например, в христианстве, актуализация «рождества», «воскресения» и т. д.). Отсюда такое большое значение в советском государстве имели «революционные» праздники, имевшие вид массовых «народных» гуляний, при этом полностью контролируемых властями.

Представляется крайне важным отметить то, что эти праздники в советском государстве имели преимущественно городской характер. Именно город создает массовую скученность людей, формирует подходящую власти и поддающуюся прогнозированию модель поведения

больших групп. В сформировавшихся уже к началу XX века информационных условиях, насыщавшихся средствами массовой коммуникации, инструменты праздничного карнавального действа изменялись, становясь все более масштабными и унифицированными.

Таким образом, если в XVII в. имперская система себя узаконивала, то в XX в. воссоздавала. Смуты — свидетельство жизнеспособности государственного механизма, реакция на прививки. Если система не способна восстановить свой имперский статус, она рухнет неизбежно. Иного способы существования империи не было. В существовании Российского государства с конца XV в., то есть с «Московского царства», обнаруживается некая «имперская модель», основанная на авторитарном характере власти и системе «всесословного» министериалитета. При этом сложился такой «авторитет центра», который выступал не просто организующим началом, но категорически отвергал любые тенденции децентрализации (финансов, управления, культуры и т. д.). Попытки реанимации системы «самоуправления» на каком-либо уровне оказывались неудачными. В результате, как отмечают современные экономисты, Россия до сих пор остается «страной одного города».

Город как «замкнутый» элемент цивилизации (в отличие от автономно существующей деревни), функционирующий за счет социальных механизмов, управляемых властью, в начале XX в. постепенно становится центром всей социальной жизни страны. Карнавал для городского общества и государственной системы в целом выступает механизмом рекреации. И если ослабление власти в России к 1917 г. выпустило накопленную и репрессивно подавленную народную энергию в форме карнавального переворачивания ценностей, то большевистская карнавальная легитимация восстановила разрушенный на время революции механизм контроля власти над карнавальными празднествами, стабилизировав социальную систему и государственный строй в целом.

Библиография

---

[1] О концепции «подданства-министериалитета» как основе становления «деспотического самодержавия» в России см.: *Кобрин В. Б., Юрганов А. Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. — 1991. — № 4. — С. 54—64.

[2] Об «имперском алгоритме» в истории России см., напр.: *Булдаков В. П.* XX век в истории России: Имперский алгоритм? // Межнациональные отношения России и СНГ. — М., 1994. — С. 124—129; *Булдаков В. П.* Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904—1921 и 1985—2002 годов // Acta Slavica Japonica. — T. XXII. — P. 95—119. и др. работы.

[3] О снятии «проблемы выбора» как основе управляющей системы в европейских государствах см.: *Петров М.К.* Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. — М., 1995. — С. 33—35, 58—70.

[4] Библиография этого вопроса чрезвычайно велика. См., напр. *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX в. — М., 1970; *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 1997; *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. — М., 1998; *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословное общество Российской империи: XVIII — нач. XX в. — М., 2008. и др.

[5] Таким образом понимал суть карнавала М. М. Бахтин. См.: *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М., 1990.

[6] См.: *Лисейцев Д. В.* Приказная система московского государства в эпоху Смуты. — М., 2008.

[7] См., напр.: *Булдаков В. П.* Имперство и российская революционность. Критические заметки // Отечественная история. — 1997. — № 1. — С. 42—60; № 2. — С. 20—47; *Марченя П. П.* Крестьянство и империя в 1917 году: массовое сознание как фактор политической истории Октября // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. — М., 2007. — С. 168—179.

[8] *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. — СПб., 2001.

[9] *Булдаков В. П.* Путь к Октябрю // Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа. — М., 1991. — С. 19—49.

[10] *Бляхер Л. Е., Говорухин Г. Э.* Революция как «блуждающая» метафора: семантика и прагматика революционного карнавала // Полис. — 2006. — № 5. — С. 63.

[11] Феномен праздника в революционной культуре России и революционного празднества как агитационного механизма советской власти уже достаточно хорошо исследован и в отечественной историографии, и в ряде работ зарубежных историков. См., напр.: *Глебкин В. В.* Ритуал в советской культуре. — М., 1998; *Плаггенборг Ш.* Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. — СПб., 2000; *Кислицына А. Н.* Массовые праздники в Петрограде в 1917—1922 гг. (История организации и проведения): Автореф. … к. и. н. — СПб., 1999; *Малышева С. Ю.* Мифологизация прошлого: советские революционные празднества 1917—1920-х гг. // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории. — М., 2008.

[12] См., напр.: *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. — М., 2001; *Lévi-Strauss Cl.* Les structures élémentaires de la parenté. — Paris, 1949; и другие его работы.

[13] Эта взаимосвязь между социальной структурой общества и всеми порождаемыми ей «продуктами» была отмечена, например, американским историком и философом техники Льюисом Мамфордом. См.: *Мамфорд Л.* Миф машины. — М., 2001. и др.

[14] Ранее всего феномен «революционного невроза» стал изучаться на материале Великой французской революции. См., напр.: *Кабанес О., Насс Л.* Революционный невроз. — СПб., 1906.

[15] Напр.: *Карлейль Т.* Французская революция. История. — М., 1991; *Кабанес О., Насс Л.* Указ. соч.; *Булдаков В. П.* Красная смута; и др.

[16] Агитационно-массовое искусство. Оформление празднеств. 1917—1932. Документы и материалы: В 2 т. — М., 1984; Агитмассовое искусство советской России. Материалы и документы: Агитпоезда и агитпароходы. Передвижной театр. Политический плакат. 1918—1932. — М., 2002.

[17] См., напр.: *Колоницкий Б. И.* Указ. соч.

[18] См.: *Булдаков В. П.* Путь к Октябрю…

[19] См.: *Булдаков В. П.* Красная смута…; *Архипов И. Л.* Российская политическая элита в феврале 1917: Психология надежды и отчаяния. — СПб., 2000. и др.

М. И. Ивашко

ЦЕРКОВЬ И РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ НАРОДНЫХ МАСС В 1917 ГОДУ: ПРИЧИНЫ КРИЗИСА

В круговорот событий 1917 года была вовлечена и Русская православная церковь (далее РПЦ). По этому, рассматривая эти драматичные страницы нашей истории, нельзя не учитывать в них роль и значение Церкви. Это обусловлено, прежде всего, местом православия в жизни русского человека в начале XX в.

С одной стороны, не будем забывать, что в России согласно переписи 1915 г. население империи составляло 180 млн человек, а РПЦ насчитывала 115 млн своих чад, то есть около 2/3 всего населения страны[1]. Кроме того, необходимо учитывать официальное положение РПЦ в государстве, которое она занимала в это время. В «Своде законов» значилось: «Первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть христианская православная кафолическая восточного исповедания». То есть, православие выделялось в качестве государственной религии[2]. Тем самым устанавливалась система «государственной церкви». Это состояние, когда «государство, — по словам обер-прокурора Священного Синода К. П. Победоносцева, — признает одно вероисповедание из числа всех истинным вероисповеданием, и одну церковь исключительно поддерживает и покровительствует»[3].

Для того чтобы РПЦ могла беспрепятственно выполнять возложенные обязанности, государство оказывало ей всяческую поддержку. Сам император объявлялся верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры. Нормы, предусматривающие государственную защиту веры и благочестия, содержались во многих законодательных актах, в том числе не связанных непосредственно с жизнью Церкви. Соответственно своему положению РПЦ обладала достаточно впечатляющими

силами и средствами. Известно, что на начало 1917 г. в ее распоряжении было более 80 тысяч храмов и часовен, в которых служило около 66 тысяч священнослужителей; насчитывались 1025 монастырей, 35 тысяч церковно-приходских школ, 185 епархиальных училищ, 57 семинарий, 4 духовных академии[4]. В стране издавалось около 60 церковных журналов и около 70 епархиальных ведомостей.

С другой стороны, история событий 1917 г. свидетельствует, что РПЦ, несмотря на предпринимавшиеся попытки, не смогла должным образом повлиять на свою паству, сгладить противоречия в обществе. Св. Синод, как орган управления Церковью, зачастую проявлял нерешительность и шел за событиями. Так, только 6 марта 1917 г. он откликнулся на события, происходившие в Петрограде, опубликовав послание, где принимал «к сведению и исполнению» акты об отречении от престола Николая и Михаила Романовых. Наконец, 9 марта Св. Синод обратился с письмом «К верным чадам Православной Российской Церкви по поводу переживаемых ныне событий» и объявил по духовному ведомству «для исполнения» утвержденную 7 марта Временным правительством «Присягу или клятвенное обещание на верность службы Российскому Государству для лиц христианских вероисповеданий». Кроме того, в это же время он отменил обязательное упоминание во время церковных служб имени императора и постановил «возносить моления о благоверном Временном правительстве», подчинении ему как законной власти «не за страх, а за совесть». В дальнейшем, в многочисленных проповедях и воззваниях иерархов Временное правительство объявлялось как «Богом данное», правящее «с Божией всесильной помощью». Такой резкий поворот в поведении руководящего церковного органа в столице, от монархического подобострастия к не менее рьяной верности новой власти в лице Временного правительства, пагубно сказывался на авторитете Церкви на местах.

Подавляющая часть приходского, военного и морского духовенства находилась под влиянием

революционных настроений народных масс (особенно весной 1917 г.). По утверждению историка церкви М. А. Бабкина, в постановлениях епархиальных съездов, проходивших в Москве, Ярославле, Нижнем Новгороде и Екатеринославле, а также в резолюциях собраний духовенства Петрограда, Владивостока, Коломны, Одессы, Пензы и ряда других городов революционные события приветствовались как «обновление России на началах демократии». В этих постановлениях говорилось о принятии духовенством нового государственного строя и о сочувствии перевороту. Аналогичная позиция высказывалась и на различных благочинных собраниях в Московской, Енисейской и Новгородской и других епархиях[5].

Наряду с такими настроениями по поводу установления нового строя, существовали и диаметрально противоположные. Правда, они были весной-летом 1917 г. в меньшинстве. Все это не прибавляло российскому обществу единства в сложный для страны период. Претерпело изменение и правосознание народных масс. На него оказало значительное влияние отречение монарха, изменение традиционных ценностей. Несмотря на то, что Церковь в лице Св. Синода предпринимала попытки овладеть ситуацией, публиковала «успокоительные послания к православному народу» (имеется ввиду экстренное соборное совещание, состоявшееся 24 августа 1917 г., на котором было принято «Послание Священного Собора Православной Российской Церкви всему православному народу русскому», проповеди епископата на умиротворение народа, призывы к братолюбию, к установлению государственного и общественного порядка и т. д.), обстановка в стране усложнялась. Одновременно наблюдался процесс отхода общества от Церкви, ослабевала душевная связь пастырей со своими прихожанами. В результате получили распространение воинствующие антиклерикальные настроения, примеры неуважения к священнику, богохульские выходки по отношению к Церкви и т. д. Типичным примером подобного поведения на сей раз

на фронте, может служить информация, помещенная на страницах «Церковно-общественной мысли» — официального органа ведомства военного и морского духовенства. Так, иеромонах Тихон, окормлявший солдат 77 пехотного Изборского полка, характеризуя религиозные настроения в солдатской среде осенью 1917 г., писал: «За последнее время, особенно после марта месяца, началось среди вас *[*солдат — *М. И.]* какое-то духовное одичание. Безнравственное и бесстыдное сквернословие висит в воздухе, во многих ротах и командах оставили молитву перед пищей и сном, считая ее, по неразумию своему, признаком «старого режима», очень и очень немногие посещают полковое церковное богослужение, и перед грядущими боями только 60 человек из всего полка пожелали приобщиться Святых Таинств… Дух христианства, за немногими (но, правда, очень светлыми) исключениями, померк среди вас и вы только числитесь, но не суть христиане православные»[6]. Одновременно обыденным явлением того времени являлись случаи возмущения со стороны прихожан установленными платами за совершение священниками треб, бесконтрольностью распределения церковных денег, нередко и безнравственной жизнью своих пастырей.

В итоге вся миротворческая деятельность российского духовенства с призывами к спокойствию и созидательному труду оказалась в 1917 г. безрезультатной.

В этой связи возникает ряд вопросов. Почему в условиях, когда Церковь обладала таким статусом, влиянием, такой численностью и материально-техническим арсеналом она не смогла предотвратить надвигающуюся угрозу революционного взрыва в начале XX в., братоубийственной войны в стране? Почему, как считалось богобоязненный народ, веками основывающий свою жизнь на известной триаде «Самодержавие, Православие, Народность», глубокой православной вере, стал неуправляем Церковью в период революционного хаоса?

Однозначного ответа на поставленные вопросы быть не может. В то же время обращение к истории России начала XX в. дает возможность в рамках данных тезисов обозначить

три важных фактора, которые помогают понять роль и место РПЦ в событиях 1917 г.

Первым из них является характер государственно-церковных отношений, который сложился в дореволюционной России. Со времен правления Петра I РПЦ, по существу, превращалась в составную часть правительственно-административной системы, находилась на службе у государства, являясь частью государственного аппарата. Введение в мае 1722 г. должности Обер-прокурора Св. Синода делало и непосредственное управление духовным ведомством светским[7]. Служители церкви во многом потеряли свое общегосударственное, всесословное значение. Согласно петровской «табели о рангах» духовные лица приравнивались к светским чинам. Иначе говоря, духовенство было прикреплено к государственной службе и составляло своеобразный класс чиновников. Ему отводилась роль служебной силы, орудия светской власти, а Церковь становилась вспомогательным инструментом в решении государственных задач. В этой ситуации православное духовенство выполняло такие сугубо государственные функции, как регистрация рождений, браков и смертей, религиозно-церковное обслуживание военных, заключенных, участие в судопроизводстве и т. д. В ответ государство выделяло средства на содержание Церкви, оказывало ей всяческую поддержку. По словам философа С. А. Аскольдова «Она *[Церковь — М. И.]* не видела, что, связывая свою судьбу и авторитет с судьбою русского самодержавия она обязывалась и блюсти некоторое внутреннее достоинство этой формы и если не вмешиваться в политическую сферу, то, по крайней мере, быть голосом религиозной совести в отношении всего того в государственной жизни, что взывало к этой совести»[8].

Выстраивая свои отношения с РПЦ, государство рассматривало последнюю, как «хранителя веры», инструмент идеологического влияния на общество. Авторитет Церкви, духовенства в обществе снижался из-за активного вовлечения его государством в политическую

жизнь, в решение других не свойственных ему задач. По мнению историка С. Л. Фирсова, эта связь была опасна для духовенства, еще и тем, что приучала (и приучила) его к пассивному следованию в фарватере государственного корабля по вопросам и серьезным, и второстепенным[9]. В итоге Церковь, которая должна была выступать мерилом нравственности, зачастую вынуждена была поддерживать безнравственные политические поступки государства. В этой ситуации обыватель воспринимал священников как представителей власти и переносил на них свое недовольство существующим положением. А это вело к потере авторитета РПЦ в глазах простых верующих. В тоже время о позиции определенной части самого духовенства, которая имела место наряду с другими в кризисный для страны период, характеризует решение одного из собраний по выборам представителей на съезд военного духовенства в апреле 1917 г. В нем говорилось: «…Пастыри Церкви должны стоять вне политики и вне партий, но не вдали от жизни»[10]. В реальности священники во многом были отчуждены от паствы, не имели возможности в полной мере выполнять свою пастырскую роль.

В результате сложившихся государственно-церковных отношений РПЦ была лишена возможности играть самостоятельную роль в общественной жизни. Кроме того, это явилось препятствием в складывании нормальных отношений между светской и церковной властями. Отсюда желание высшего духовенства получить определенную самостоятельность во внутрицерковных делах. Безусловно, что этот фактор сказался на роли Церкви в жизни Российского государства как накануне, так и в ходе самих событий 1917 г.

Вторым фактором, который оказал влияние на место РПЦ в событиях 1917 г. было положение (обстановка) в самой Церкви. Зависимость ее от государства привела к возникновению в начале XX в. противоречия не только между светскими и церковными властями, но и внутри высшего духовенства по вопросу получения

определенной самостоятельности во внутрицерковных делах. Все отчетливее в среде самого духовенства звучал голос не согласных с тем положением вещей, которые сложились в Церкви. Свидетельство тому Записка «О неотложности восстановления канонической свободы Православной Церкви в России», которая была подана от имени 32-х столичных священников 15 марта 1905 г. В последующем вокруг них образуется так называемый «Союз церковного обновления», члены которого выдвигали требования «отделения» и «отдаления» Церкви от государства, от его чиновнического аппарата. Они предлагали провести демократизацию всего строя церковной жизни. Правда, в самой Церкви далеко не все разделяли эти взгляды. Определенная часть русских иерархов, желая перемен в отношениях с государством, предлагали сохранить свои финансово-политические привилегии: первенствующее и господствующее положение по сравнению с другими конфессиями, а также во многом — государственное обеспечение.

Первым опытом публичного обсуждения самодержавной церковной политики стала деятельность Государственной думы (1906—1917 гг.). По словам историка церкви Д. В. Поспеловского «совместным стараниям правительства, царя, синодальной бюрократии и атеистической интеллигенции церковь, наконец, прорвалась за пределы своего гетто. А приток в нее интеллигенции с ее связями в либеральной печати сделал невозможным дальнейшее затыкание рта церкви правительством. Но это все, так сказать, атмосферные перемены, не институционные. В этом плане церковь оставалась в том же положении, что и до 1906 года»[11]. Словом, являлась не свободной.

Среди проблем, подрывающих Церковь изнутри, была практика формирования ее кадрами, имеется виду духовная замкнутость духовных учреждений. Пагубно на авторитете Церкви сказывалось недостаточное образование русского духовенства. О его уровне можно судить на примере госпитального духовенства 1-й Маньчжурской

армии в период русско-японской войны, который находим в воспоминаниях Г. И. Шавельского — протопресвитера военного и морского духовенства. Оно, как правило, комплектовалось только за счет епархиального духовенства. По словам Шавельского, из 36 человек — 17 являлись представителями белого духовенства. «Из них 5 было студентами семинарии, 5 окончившими курсы семинарии по второму разряду, 4 выбывших из первых классов семинарии, 1 окончивший учительскую семинарию, 1 уволенный из духовного училища, 1 с домашним образование, полученным в крестьянской семье. Образовательный ценз госпитальных 19 иеромонахов был таков: 1 из учительской семинарии, 2 уволенных из низших классов духовных училищ и 16 с домашним образованием, которое у некоторых было таково, что они едва подписывали свое имя, с препятствиями разбирали славянскую печать»[12]. Епископ Костромской и Галичский Евгений в своем отчете за 1914 год отмечал, что лица с высшим образованием в епархии встречаются как редкие единичные исключения. В то же время, констатировал он: «Современная жизнь, так усложнившаяся и все развивающаяся, нередко предъявляет пастырям такие запросы, ответить на которые возможно только при достаточном образовании. Теперь, с развитием грамотности в народе, даже к сельским пастырям прихожане все чаще начинают обращаться уже не только за исправлением треб, но и за разрешением своих недоумений и сомнений в религиозно-нравственных вопросах, причем иногда таких сложных и трудных, что дать ответы на них невозможно без соответствующего образования»[13]. Таким образом, в новых исторических условиях духовенство с низким уровнем образования не могло удовлетворить духовных запросов верующих, разрешить возникающие болезненные вопросы. Это давало повод утверждать, что Церковь не отвечает на духовно-нравственные запросы времени.

Не красила Церковь и материальная нужда, которая была характерна для подавляющего большинства русского

духовенства. Приходской священник имел в общей сложности доход 500, максимум 800 рублей в год. Достаточно сказать, что профессор в начале XX в. получал оклад 3 тысячи рублей в год, доцент — 1,2 тысячи, средний адвокат имел заработок от 2 до 5 тысяч рублей[14].

Не добавляло популярности Церкви среди простого народа и наличие церковного и монастырского землевладения, против которого выступало крестьянство на местах. Требования об отобрании церковных и монастырских земель содержались в 350 приговорах и наказах крестьян, направленных в начале XX века царю, Государственной думе и другим государственным учреждениям[15].

Деятельности Церкви мешала как бюрократическая государственная система, смотревшая на пастыря, как на чиновника, так и своя синодальная бюрократия, под которой понималось чиновничество ведомства православного вероисповедания и собственно епископат. С горечью, перечисляя список основных пороков современной церковной жизни, профессор В. Соколов — член Московского Общества любителей духовного просвещения, писал: «Что такое современный русский епископ? Это — прежде всего, и больше всего, конечно, священнослужитель, то есть совершитель торжественных богослужений, а затем — сановник и администратор. Пастырская сторона его деятельности совершенно заслоняется и оттесняется на задний план его деятельностью как администратора... Он не знает в должной степени и не имеет возможности знать свою паству»[16]. Приходской священник, конечно, лучше знает запросы прихожан, но появляется на приходе не по их желанию, а единственно по воле епископа, посему долго завоевывает авторитет среди мирян, к тому же, вынужден вести более 30 видов приходской отчетности. В этом духе «мертвящего формализма» ему уже не до пастырского служения… [17].

Очень натянутые отношения были у Св. Синода, как руководящего органа с политическими партиями. Активная кампания в парламенте и прессе, направленная против членов Св. Синода формировала определенные настроения в

обществе по отношению к Церкви в целом, вносила раскол в среду рядового духовенства. Консерватизм, застой, падение авторитета Церкви вело к тому, что в начале XX в. она теряла своих приверженцев. Все это свидетельствовало о том, что Церковь к началу известных событий в 1917 г. переживала сложный период в своей истории.

Еще одним фактором, который дает возможность объяснить причину потери влияния РПЦ на свою паству, является рассмотрение степени религиозности самого российского общества. Правительственная политика охранения существовавшего типа религиозности и образования, консервации патриархальных устоев деревни (необходимо помнить, что в социальной структуре населения на долю крестьянства приходилось около 78%)[18] входила в противоречие с порождаемыми в начале XX века капитализмом новыми формами поведения. А. И. Деникин в своих «Очерках русской смуты» констатировал: «Религиозность русского народа, установившаяся за ним веками, к началу 20-го столетия несколько пошатнулась». Причину подобного положения он объяснял тем, что «народ подпадал под власть утробных, материальных интересов, в которых видел единственную цель и смысл жизни…», а также постепенной потерей «связи между народом и его духовными руководителями»[19].

Необходимо отметить, что рост миграционных процессов, отходничества, промыслов, новые социально-экономические интересы, постепенное распространение образования среди населения приводили к ослаблению влияния на крестьянство патриархально-религиозных общинных традиций, расширяли его кругозор, способствовали распространению религиозного индифферентизма. В результате новым явлением в крестьянской ментальности стало ослабление религиозности, фиксируемое этнографами на протяжении всего XIX в. и особенно отчетливо выявившееся в начале XX в[20].

Кроме того, следует учитывать и еще одну особенность российской религиозности накануне

революционных событий. Известно, что религия в дореволюционной России, служила важнейшим регулятором социальных отношений, в том числе и посредством регламентирующей эти отношения обрядности. В структуре религиозности российского общества она преобладала. В результате, по словам С. Булгакова «слой церковной культуры оказался настолько тонким, как это не воображалось даже и врагам церкви…»[21]. А отсюда и тот «индифферентизм», который наблюдался в обществе по отношению к Церкви и духовенству на протяжении 1917-го и последующих годов, которые можно действительно назвать годами очередной российской смуты.

Свидетельством кризиса официальной Церкви и православной религиозности в начале XX в. являлось достаточно широкое распространении сектантства. По некоторым данным в это время в России было не менее 5 млн членов различных сект, а вместе со старообрядцами их численность составляла 35 млн человек[22].

Таким образом, в условиях революционного хаоса 1917 г. развертыванию истинно религиозной (пастырской) деятельности священнослужителей препятствовали задавленность духовенства материальными проблемами, недостаточная образованность, отсутствие должной свободы в управлении приходом, и одновременно отсутствие четких ориентиров в пастырском служении. Русская православная церковь в целом так и не смогла избавиться от старых представлений и стереотипов поведения и сыграть ту роль, которую от нее требовали драматические для России события 1917 года.

Библиография

[1] См.: Православная церковь / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — М., 2000. — С. 110.

См.: Свод законов Российской империи. — СПб., 1857. — Т. 1. — Ч. 1. — Ст. 40.

[3] *Победоносцев К. П.* Великая ложь нашего времени. — М., 1993. — С. 220—221.

[4] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 4. Л. 24.

[5] См.: *Бабкин М. А.* Приходское духовенство Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году // Вопросы истории. — 2003. — № 6. — С. 60.

[6] Церковно-общественная мысль. — 1917. — № 8. — С. 24—25.

[7] Св. Синод состоял из президента, двух вице-президентов, 4 советников и 4 асессоров из духовенства. Представителем царя в Св. Синоде был обер-прокурор. При епархиальных архиереях были учреждены должности прокуроров (затем переименованных в секретарей) и фискалов для наблюдения за благонадежностью духовенства. См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. — Т. 6. — 1720—1722. — СПб., 1830. — № 4001.

[8] *Аскольдов С. А.* Религиозный смысл русской революции // Из глубины: Сборник о русской революции. — М., 1990. — С. 38.

[9] См.: *Фирсов С. Л.* Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. — М., 1996. — С. 568.

[10] РГВИА. Ф. 2044. Оп. 1. Д. 30. Л. 37.

[11] *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь: испытания начала XX века // Вопросы истории. — 1993. — № 1. — С. 46.

[12] *Шавельский Г. И.* Служение священника на войне. Из наблюдений участника русско-японской войны. — СПб., 1912. — С. 46.

[13] Цит. по: http: // www.hist.usu.ru/rsih/text/porsyneva.htm.

[14] См.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. — М., 1971. — С. 184.

[15] См.: *Емелях Л. И.* Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. — М., Л., 1965. — С. 19.

[16] Перед Церковным Собором. — М., 1906. — С. 49.

[17] Там же. — С. 53.

[18] Россия. 1913 г. Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995. — С. 219.

[19] Деникин А. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии февраль-сентябрь 1917 г. Репринтное воспроизведение. — М., 1991. — С. 78.

[20] *Лурье С. В.* Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. — СПб. , 1994. — С. 193.

[21] *Булгаков С.* На пиру богов // Из глубины: Сборник о русской революции. — М., 1990. — С. 112, 129.

[22] *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 1997. — С. 25.

А. А. Ильюхов

ЕЩЕ РАЗ О ПРИЧИНАХ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ: К ВОПРОСУ О ФАЛЬСИФИКАЦИЯХ ИСТОРИИ

Главная беда исторической науки, на наш взгляд, это то, что история наука политическая. Она очень часто становилась и все более становится инструментов в политической борьбе. А в связи с бурным развитием средств коммуникации и связи значение информационного оружия чрезвычайно выросло. Дошло до того, что на государственном уровне создается комиссия для борьбы с фальсификацией истории. Конечно, никакая комиссия фальсификаторов не остановит, но ее создание — это «знак беды», понимание того, что реальную историю надо знать и оберегать от фальсификаций. Очевидно, что чем больше событие, чем актуальнее оно в наши дни — тем больше попыток переиначить историю, белое сделать черным, а черное — белым. К числу таких значимых событий нашей истории относится история российских революций и особенно объяснение ее причин.

С первых месяцев и лет после революции 1917 г. делались попытки объяснить феномен победы большевиков, которых противники практически весь 1917 год всерьез не воспринимали. А вот победили же! Тема причин революции в советской историографии разработана хорошо, хотя апологетика партии большевиков несколько искажала картину. В частности, сомнительным, на наш взгляд, является утверждение о том, что в период «триумфального шествия советской власти» большинство населения страны поддерживало большевиков. По нашим данным, на момент переворота (октябрь 1917 г.) большевики имели большинство менее чем в половине местных Советах. Советы и в период «большевизации» (сентябрь-октябрь) и после октябрьского переворота часто были большевистско-эсеровско-меньшевистскими, при преобладании большевиков и то не везде.

Более того, в ряде мест даже в начале 1918 г. проходила не «большевизация» Советов, а некая «эсеро-меньшевизация». Например, в Ростове в конце января 1918 г. «произведены перевыборы Исполнительного комитета местного Совета, причем 17 мест получили меньшевики и 5 с.р.» Тогда же в Бахмуте прошли перевыборы Совета рабочих депутатов. «Большинство получили эсеры и меньшевики»[1]. Таких эпизодов в масштабе страны было не много, но они показывают, что борьба между большевиками и их оппонентами из социалистического лагеря продолжается.

В наши дни проявилась странная фальсификация революции 1917 г., которая только внешне напоминает главное направление фальсификации причин революции прошлых лет — обвинение большевиков, которые якобы привели страну к революции. В столь популярной в наше время исторической публицистике, особенно в телевизионной публицистике на исторические темы, появились очень странные сюжеты, объясняющие причины революции 1917 г. влиянием внешних сил, неким мировым заговором неизвестных, но очень нехороших сил. В одной из передач красиво и вроде убедительно сообщается о том, что английские шпионы (Локкард и др.) убили Распутина и вообще сделали все, чтобы свершилась революция, чтобы народ восстал. Но в этой редакции совсем непонятно зачем это надо Англии — союзнице России. В тех обстоятельствах Англии меньше всего нужно было дестабилизировать положение в России. Она, начиная с 1915 г. (после известной катастрофы так называемого «Горлицкого прорыва» и его последствий), изо всех сил стремилась удержать Россию в состоянии войны с Германией, стремилась не допустить заключение Россией сепаратного мира. Англичане интригуют против сторонников такого мира, в частности против премьера Б. Штюрмера. Англичане могли не уважать тогдашнее российское руководство и лично Николая II (к тому были причины), но ослаблять важнейшего союзника, в которого «вбуханы» огромные деньги и который

сдерживает огромную немецкую армию на Восточном фронте, было равносильно самоубийству. Отсюда непонятно — откуда эти сказки. Участие англичан в заговоре против Распутина (или поддержка заговорщиков в любой форме) — это стремление как раз укрепить царскую власть хотя бы на время войны и никак не акция по ослаблению этой власти.

Другая всплывшая недавно старая фальсификация — это «**немецкий след» в российской смуте.** Оказывается это немцы, подкупившие большевиков, совершили революцию и их шпионы Ленин и Троцкий отрабатывали свои «тридцать серебреников». Конечно, фигура Троцкого может вызвать некие подозрения, его политическое поведение не безупречно. Но представлять народ, его правительство, военные силы круглыми баранами, которые ничего не понимают и готовы действовать по указке извне вопреки своим национальным и даже личным интересам, глупо. Уже давно никто не спорит и не отрицает факт получения руководством большевиков неких денег германского генштаба. Немцы, естественно, хотят дестабилизировать положение своего противника. Для этого они дадут деньги кому угодно. А авантюристическое руководство большевиков (очень узкий круг) готовы были взять деньги для того, чтобы прийти к власти, тоже у кого угодно[2]. Тем более тогда, когда совсем приперло (кушать хочется). Они и без этих денег стремились свергнуть ненавистное им царское правительство и накануне войны, и в ходе ее. По сути, предательский лозунг поражения своего правительства в войне появился в самом начале войны, когда никаких немецких денег еще не было. Не отрабатывали большевики немецких денег, они отрабатывали свою программу и немецкие деньги были совсем кстати. По некоторым сведениям, значительная часть этих денег пошла на личное употребление вождей партии, а не на пропаганду.

Рассуждая здраво, можно утверждать, что если проблем в стране нет, предпосылок для смуты (революции) тоже нет — разве можно поднять народ на бунт, на борьбу

против власти. «Холодная», идеологическая война между противниками, тем более идейными, идеологическими шла всегда (и будет всегда и современные события тому подтверждение), но это вовсе не приводит к революции. Такая борьба, в частности с помощью большевиков, может иметь некоторый успех, но она не может быль причиной глубоких катаклизмов, которые приводят к революции. Авторы таких фальсификаций, стремясь опорочить большевиков, не замечают и не понимают, что они порочат не столько большевиков, сколько народ, который якобы по указке большевиков (немцев) захватывает помещичьи земли, дезертирует с фронта, бунтует против продовольственных трудностей и голода и, наконец, свергает власть. Нам представляется, что он делает это помимо немцев и собственные проблемы и трагедии подвигает народ к смуте, чаще всего неосознанно, без участия всяких революционеров. Не большевистская печатная пропаганда, даже на немецкие деньги, привела народ в движение и вызвала революцию, а беды народные. На немецкие деньги, по сообщению германского генштаба, была поставлена газета «Правда» в 1916—1917 гг. А многие ли ее читали в России, многих ли интересовала позиция большевиков? Таких газет выходило сотни и крестьянину в поле, и солдату в окопе было не до этих газетенок, ну разве что на самокрутки. Две трети самодеятельного населения было неграмотным и, естественно, ничего не читало. Так что влияние большевистской печатной пропаганды не надо преувеличивать. (Это если согласиться с утверждением, что эту печать, даже отчасти, финансировали немцы).

Неграмотные фальсификаторы, сами того не подозревают, что, обвиняя большевиков и вообще революционеров всех мастей в осуществлении революции, они сильно преувеличивают роль и влияние большевиков накануне и в ходе революции. Ну что могла сделать партия численностью легальных членов в 24 тысячи человек (на март 1917 г.) в стране со 160 миллионным населением. Весной 1917 г. большевиков мало кто знает, а выступление

их лидера (правда, под другой фамилией) на 1-м съезде Советов с дерзким и авантюрным заявлением «Есть такая партия!» вызвала насмешки всей буржуазной, и не только, печати. Речь шла о том, что большевики были готовы взять на себя всю полноту власти в стране.

Информация (телефильмы, сообщения в Интернете и т. п.) о неких открытиях, сенсациях в связи с действием внешних сил, которые привели к революции, носят, на наш взгляд, коммерческий характер. Сообщая «хорошо забытое старое» как сенсацию эти люди (иногда явно не историки) стараются заявить о себе, сделать деньги или имя на событиях, которые не очень хорошо знают, но которые могут заинтересовать зрителя. Но каковы же истинные причины Смуты 1917 г., **кто виноват** в этой растянутой во времени трагедии?

Очевидно, что, как уже говорилось, только нужда народная в широком смысле слова, смогла поднять массы на борьбу. Очевидно, что был кризис власти, которой не доверял не только простой народ, но и тогдашняя элита — политическая и экономическая. Ведь на семь запросов командующим фронтами и флотами об отречении Николай II получил шесть утвердительных ответов — генералы рекомендовали царю уйти «во имя спасения Родины и династии». Только командующий Черноморским флотом адмирал А. В. Колчак ничего не ответил. Такое единодушие генералитета во многом и объясняет спокойный уход царя. Он спасал не себя, но Отечество, которое он же довел до отчаянного положения.

Почему народ «пошел в разнос», вышел из повиновения понятно — нет твердой власти, особенно в период правления Временного правительства. Этому правительству большинство народа уже через 3—4 месяца не доверяет. И дело здесь не в личностях, в нем были вполне умные и работоспособные люди. Но их уже называют «министры-капиталисты», т. е. в подтексте содержится негативный оттенок в отношении к капиталистам, хотя уже в первом коалиционном правительстве большинство было не

за капиталистами, а за интеллигентами-интеллектуалами. Народ быстро понял, что это правительство не сможет решить их проблемы. А оно действительно не могло в условиях войны действовать радикально. Радикально — это значит, например, выйти из войны, т. е. из коалиции с Антантой. Но это было невозможно уже хотя бы потому, что Россия уже давно воевала в долг, на французские и английские займы. Кроме того, закончить войну с немцами можно было только с их согласия и на очень унизительных условиях. А немцы могли пойти на сепаратный мир только ценой огромных территориальных уступок и реальной денежной платы, что и произошло в марте 1918 г. («похабный» Брестский мир). Но любое временное или не временное правительство, даже только заикнувшееся о таком мире, долго бы не просуществовало. Тут бы и союзники постарались, и патриоты объединились бы против «предателей». Выход из войны — дело чрезвычайно сложное и опасное и для правящей элиты, и для страны в целом. Ведь как большевики выходили из войны: декрет о мире приняли 25 октября 1917 г., а мир заключили 3 марта 1918 г. А до этого потеряли огромные территории на Западе страны: почти всю Белоруссию, почти всю Украину, Прибалтику и другие территории. Но для большевиков это был уже мир во спасения, но не России, как могучей страны, а своей власти. Цену заплатили неимоверно высокую, чем и спровоцировали гражданскую войну и переход на сторону белых патриотических сил вовсе не симпатизирующих ни каким капиталистам. Этот мир, конечно, подлил масла в огонь разгорающейся гражданской войны.

Доискиваясь до причин Смуты 1917 г., и понимая, что «от добра, добра не ищут», мы должны задаться вопросом — кто создал условия, когда у крестьян самой большой в мире страны мало земли и происходит стагнация сельского хозяйства. Почему столь велик социальный разрыв — большинство населения бедные и только 10—12% богатые? Почему Россия самая неграмотная страна в Европе при всей ее военной и экономической мощи? Почему в

стране давно капиталистические отношения, а существует социальная структура феодального общества со значительными привилегиями умирающему дворянству? Почему в армии «господа офицеры» главным образом дворяне, а солдаты и матросы — крестьяне и рабочие? Почему проиграли «маленькую победоносную войну» с Японией в 1904—1905 гг.? Почему у власти в основном дворяне и в правительство не пускают людей из буржуазного лагеря? А ведь средства производства в основном у буржуазии. Почему материальное положение большинства населения не высокое, а в годы войны вообще катастрофическое?

Эти «почему» можно продолжать очень долго и, пытаясь ответить на эти и другие вопросы, мы неминуемо обратимся к тем людям, классам, группам, которые провоцировали аграрный вопрос, беззастенчиво эксплуатировали рабочих, создавали привилегии одним за счет других, не давали развернуться человеческим талантам и способностям, кто утопал в роскоши, в то время как другие бедствовали, кто воровал деньги из казны разными способами и к тому подобным людям. Вклад в кризис государства, в смуту был коллективный — и **буржуазии,** которая мало платила рабочим, но много получала лично. Но, благодаря ее политике, сдерживалось производство предметов потребления, так как большинство трудящегося класса мало покупало, а значит, слабо росло производство. **Дворянство** при поддержке дворянской же власти держалось за землю и создавало тем самым «аграрное утеснение» и провоцировало ненависть крестьян к своему классу. Поэтому, как только власть «ослабила карательные вожжи» (это 1917 год) крестьяне стали захватывать землю и не только, а часто просто грабить, вымещая на помещиках вековую обиду и злобу[3]. **Чиновничество**, в основном из дворян, отличалось не только волокитой, но и мздоимством (возможно меньше, чем в наши дни, но как сравнивать). Неэффективное управление, часто в угоду личным, а не государственным интересам тоже подтачивало устои государства.

В общем, нам представляется, что революцию, смуту 1917 г. провоцировали, готовили в большей степени те, кто создавал трудноразрешимые проблемы и социальные противоречия. Условно этот слой можно назвать современным термином «**олигархи»** или правящая элита, или экономическая и политическая элита. Власть не додумалась до понимания того, что мы сегодня называем социальным миром. П. Столыпин пытался создать некоторое подобие сельского среднего класса, «богатых и сильных», но то ли не сумел, то ли не успел. В условиях, когда косное политическое руководство не желало никаких перемен, не видело надвигающейся катастрофы, вряд ли были возможны глубокие социально-экономические реформы типа столыпинской. Косность правящей элиты и была главной причиной революционного взрыва. Взрыв этот готовили веками, и прорывалось все периодически: и в виде пугачевщины, и в декабристском заговоре, и в народническом терроре, в революции 1905—1907 гг. Как правильно заметил один немецкий публицист, оценивая роль Столыпина: «Столыпин сделал все для подавления революции прошлой, но очень мало для предотвращения революции будущей». Судьба Столыпина — это судьба непонятого элитой реформатора. Даже весьма скромные усилия по решению буквально кричащей проблемы крестьянской земли привели не только к неприятию его политики по крестьянскому вопросу, а даже убийству реформатора. Убивая премьера-реформатора, его противники, сами того не ведая, готовили будущую революцию. Они, а не какие-то большевики и эсеры с их бомбами и брошюрками порождали то, что скоро станет революцией.

Делая общий вывод о причинах революции, нужно еще раз подчеркнуть, что **революцию готовят и делают не революционеры, а «олигархи»** разной социальной принадлежности. Революционеры лишь пользуются тем, что они сотворили — массовую нищету и беспросветную жизнь на фоне роскоши богатых, социальное неравенство,

несправедливость, национальное унижение и т. п. Большевики просто объясняли народу, что царское правительство бездарно проиграло войну с Японией, а хотели «шапками закидать», что капиталисты нещадно эксплуатируют народ, а власть им помогает (средняя зарплата рабочего не в столице в начале XX века 6—7 рублей в месяц), что крестьяне бедствуют потому, что земля у помещиков, а те просто собирают дивиденды с этой земли, что национальное богатство принадлежит кучке богатеев, что царь стреляет в народ, а не разговаривает с ним, что… и т. д. И это было понятно и очевидно. Но эту ситуацию создавали не революционеры, а правящая элита — они и есть виновники революции.

Нынешняя ситуация, конечно, отличается от того, что было в начале прошлого века, но, вглядевшись внимательно, мы увидим и ненависть народа к «олигархам», которые нагло захватили собственность, десятилетиями создаваемую всем народом, и разительную пропасть в материальном бытие новых «нуворишей» и основной массы населения, и недоверие к власти, порождаемое наглым и вороватым чиновничеством (конечно, не все таковы), и десятилетиями не решаемые проблемы, о которых много говорят, но мало что делают, и многое другое. Но ведь это ситуация была накануне революций и 1905, и 1917 гг. Конечно тогда, столетие назад, народ не видел в телевизоре «мудрых» правителей, заботящихся об их благе. Наш современник видит эту заботу, когда зарплату повышают (как в начале XX в.) «копейку на рубль», а ему жить все труднее, когда «естественные монополии» беззастенчиво грабят население, но растет страховой фонд страны (как бы он не назывался). Сегодня люди, конечно, радуются, что некий то ли предприниматель, то ли чиновник (губернатор) покупает самый большой, лучший, дорогой, прекрасный, … морской лайнер, что у него самый дорогой в мире личный самолет, что… и т. д. Но любому человеку не понятно, как такой уровень богатства можно достигнуть за 5, 6, 8 лет, а у него до зарплаты денег нет, и уверенности в завтрашнем дне

нет, и у его детей «пробиться» в жизни возможности тоже нет. Две трети населения в бедности — это опасно!

Так кто же готовит революцию, кто создает горючий материал смуты, кто доводит населения до того, что они перекрывают дороги, объявляют голодовки, стучат касками около Дома правительства, устраивают пикеты и прочие акции протеста? Но ведь все это акции отчаяния? А если этих акций будет много», если не касками будут стучать, а чем-то более опасным? Так кто же готовит революцию? Разве левые или «радикалы». Довольных на бунт поднять нельзя, они сами этих провокаторов побьют. На бунт пойдут отчаявшиеся люди, доведенные до крайности. Кем? Теми, кто создал эту ситуацию, кто нагло ворует, кто говорит одно, а делает другое, кто присвоил себе все богатство страны, кто разоряет страну разными способами. Вот они и готовят революцию. **Они революционеры,** если считать, что революционеры — это те, кто готовит революцию. Конечно, нынешние «олигархи» никакой революции не хотят, но разве хотели ее те, кто столетие назад своими действиями или бездействиями доводил народ до отчаяния, до смуты, до бунта. А, ведь, довели же, и не раз.

Революции, утверждал К. Маркс, — это локомотивы истории, но он же оценивал революции, как величайшую трагедию человечества. И если нынешний господствующий класс не осознает, того, что его, даже частные, антинародные действия в совокупности могут привести к смуте — грозит нам эта страшная трагедия — **российская смута**.

Библиография

---

[1] Дела народа. — 1918. — 31 января.

[2] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. — Т. 49. — С. 347, 348; *Пайпс Р.* Русская революция. — Ч. 2. — М., 1993. — С. 85.

[3] О том, что творилось в деревне в 1917 г. автор достаточно подробно описал в статье «Бунт или классовая борьба?» // Царизм и российское общество в начале XX века. — Ч. 1. — М., 1998. — С. 72—74.

С. В. Карпенко

«ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ» БЮРОКРАТИИ И БУРЖУАЗИИ НА БЕЛОМ ЮГЕ (1919—1920 гг.)

Характерная черта «Второй русской смуты» — управленческая анемия «верхушки» Белого движения, вспышка частного и корпоративного эгоизма, деморализация в среде бюрократии и буржуазии, основных его социальных опор. Решающими факторами, определявшими эти процессы, были война, угроза распространения большевизма на всю территорию России и углубление экономического кризиса в стране.

В условиях кризиса денежное содержание чиновников центрального и местного госаппарата катастрофически отставало от инфляции. В конце 1918 г. оклады были повышены, была введена ежемесячная прибавка на дороговизну. В течение 1919 г. рост жалованья происходил за счет небольшого увеличения различных прибавок[1]. Основную массу служивших в центральных управлениях — до 70% — составляли чиновники VIII—VI классов. Их жалованье с апреля по ноябрь 1919 г. достигало от 1 500 до 1 800 рублей. За это время стоимость месячного «пищевого пайка» одного человека в Екатеринодаре, где они жили, выросла в 3 раза: с 300 до 900 рублей[2]. В Ростове же, куда в августе Деникин перевел центральные управления, все было дороже на 10—15%. Так жалованье, быстро отставая от инфляции, уже к концу лета упало до «голодной нормы» семьи из 3—4 человек. А нужно было еще платить за арендованную квартиру, за керосин и дрова, постоянно дорожающие. На новую одежду и обувь, на многие привычные вещи, на оплату «потребностей культурного человека» денег у семей чиновников уже не оставалось. В итоге чиновники высших классов еле сводили концы с концами, жили «по-студенчески», отказывали себе в простейших жизненных удобствах и ходили в потертых

костюмах и разбитой обуви. Чиновники средних и низших классов, служившие в центральных управлениях, жили много хуже. Правда, их положение облегчалось тем, что они имели доступ к правительственной системе снабжения, где покупали основные продукты питания по низким казенным ценам. Хуже всех жили чиновники местных учреждений: они не получали «кормовых» и «семейных» денег, поскольку считалось, что у них есть свое жилье и подсобное хозяйство[3].

Эта система «голодных» окладов обрекла чиновничество на «выбор между героическим голоданием и денежными злоупотреблениями». Она стала причиной бурного роста взяточничества и казнокрадства. Если до революции чиновники улучшали свое материальное положение за счет командировочных, наградных, праздничных и других чрезвычайных выплат, то на Белом юге на суточные командировочные можно было купить только обед, а выплат не было никаких. Ввиду крайней бедности казны Управление Государственного контроля пресекало попытки начальников других управлений улучшить материальное положение своих чиновников за счет ведомственных прибавок. В итоге осенью 1919 г. ситуация стала невыносимой. Чтобы изменить ее к лучшему, в ноябре правительство Деникина вознамерилось значительно повысить все слагаемые денежного содержания чиновников. Хотя в казне была острая нехватка наличных денег, этот аргумент против повышения был оттеснен на второй план тревожными сведениями о настроениях местного чиновничества, которое уже стало поговаривать, что положение служащих в «Совдепии» лучше, чем на территории, подвластной Деникину. В итоге в декабре чиновникам центральных и местных гражданских учреждений были установлены новые месячные оклады: от 700 рублей (XIV класс) до 1 400 рублей (VII класс) и 4 000 рублей (II класс). Сверх того была установлена прибавка на дороговизну: для получающих «кормовые» — 75% от «кормового» оклада, не получающих — 100%[4].

С учетом всех прибавок с декабря 1919 г. основная масса чиновников ежемесячно стала получать жалованье от 2 500 до 3 000 рублей. Между тем, в декабре стоимость месячного «пищевого пайка» одного человека достигла в Екатеринодаре 1 150 рублей, а в Ростове — 1 500 рублей Последовавший тут же, из-за поражений и отступления деникинских войск, скачок цен «съел» все прибавки и привел к тому, что их жалованье упало до 25—30% «голодного» минимума одного человека, до 10% семейного прожиточного минимума[5].

Коррупционному разложению бюрократии способствовало и резкое ухудшение ее качества.

При создании в начале 1919 г. центральных управлений в них устремились старые, царские, кадры чиновников. По мере продвижения фронта на север, энергично формируя штаты, они по тем же критериям подбирали себе помощников, собирали бывших чиновников своих дореволюционных министерств. Главным мотивом тех, кто пошел на службу в этот госаппарат, было стремление восстановить прошлую жизнь и все свои прежние привилегии.

Подобранные таким образом на все ступени административной лестницы, царские чиновники принесли с собой старые методы управления, бюрократизм, волокиту и пренебрежение к нуждам населения. Многие чиновники губернских и уездных учреждений, особенно бежавшие из центральных, советских, районов страны, были крайне напуганы большевистской революцией и войной, хотели поскорее вернуться на свои привычные «теплые местечки». И получив таковое, стремились как можно скорее «вознаградить себя сторицею» за месяцы вынужденной нищеты и унижения, выискивали все возможности для пополнения кармана. Постоянные перемещения линии фронта, близость красных и угроза возвращения большевиков усилили традиционное отношение к должности как к временному источнику доходов. Немало было и таких, кем руководили озлобление и жажда мести. Третьи

бездействовали, не обращая внимания на нужды населения. И всех нищенское денежное содержание толкало на взяточничество и казнокрадство. Привычные к этому с прежних времен, они уверенно вымогали мзду и запускали руку в казну, тем более что чаще всего служили в незнакомой местности. Кроме того, во все учреждения, особенно в местные, проникло немало авантюристов и личностей с преступными наклонностями, искавших «полномочий» ради поживы. Население, потерявшее всякое уважение к закону и властям, постоянно сменяющим друг друга, было трудным объектом управления, но зато, запуганное и дезориентированное противоречивыми распоряжениями, оно стало удобным объектом поборов. И хотя следствия и суды по делам уездных чиновников быстро стали обыденностью, многим их должностные преступления сходили с рук[6].

Начальники центральных управлений и их подразделений считали своим долгом помочь родственникам и друзьям, приехавшим на юг, а потому охотно пристраивали их на должности. Служить пошли жены и дочери чиновников, даже высокопоставленных, дабы восполнить нехватку жалованья главы семейства. И теперь в редкой семье служил, как до революции, только отец. Поэтому «устройство» на должности с использованием родственных связей и знакомств стало заурядным явлением. Чиновников-профессионалов дополнили, особенно в центральных управлениях, беженцы знатных фамилий, большей частью дамы. Устроились они туда ради заработка и привилегированного снабжения, но мало кто из них знал делопроизводство[7].

Эта постоянно растущая и сильно разбавленная некомпетентными людьми «армия чиновников», которые пострадали от большевиков, потеряли деньги и имущество, были размещены в плохих квартирах, носили старую одежду и обувь, жили впроголодь, в лучшем случае вместо дела занималась «мечтами о прибавках» и «погоней за командировками», мечтами о возвращении старой жизни и

прежних привилегий после взятия Москвы и ликвидации большевиков. В худшем — пополняла свои карманы преступными способами. Эффективность ее работы была крайне низкой. А взяточничество и казнокрадство быстро росли. Особенно большие масштабы бюрократизм, волокита, злоупотребления и произвол приняли в учреждениях, причастных ко всякой хозяйственной деятельности, к поставкам на армию, а также промтоваров и продуктов питания в города[8].

Вступивший в апреле 1920 г. в командование ВСЮР *[Вооруженных сил Юга России — (Прим. ред.)]*, когда их остатки отошли в Крым, генерал П.Н. Врангель был исполнен решимости упростить и удешевить аппарат управления, избавиться от массы чиновников, содержание которых было непосильно для тощей казны. За апрель-май он отдал приказы о расформировании более пятисот тыловых военных и гражданских учреждений, намереваясь сократить расходы, и отправить чиновников на фронт. Однако эта кавалерийская атака на чиновничество успеха не имела. Проведенное в апреле упразднение и слияние центральных управлений уже в июне обернулось их воссозданием, возвращением к старой, деникинской, системе. Начальники центральных управлений и других учреждений стремились не сокращать, а расширять подчиненные им аппараты, поскольку это увеличивало бюджетное финансирование. Поэтому вместо упраздненных скоро возникали новые учреждения, множилось число управлений, а внутри них — число структурных подразделений. Чиновники перекочевывали из упраздненных учреждений во вновь открывавшиеся, которые являлись продолжением старых — под новой вывеской, но под руководством тех же начальников. В итоге «тыловая армия» чиновников уменьшилась крайне незначительно[9].

Весной и летом 1920 г., во врангелевской Таврии, жалованье чиновников со всеми растущими дополнительными выплатами покрывало от 5 до 25% семейного прожиточного минимума. В сентябре оклады были удвоены, но уже за октябрь инфляция «съела» эту

прибавку, и жалованье стало покрывать всего 5—10% прожиточного минимума. Положение чиновничьих семей усугублялось еще и тем, что за зиму и весну 1920 г., голодая, многие продали последнее «лишнее» имущество и этот источник повышения реальных доходов иссяк. Поэтому чиновникам, испытывавшим непосильную нужду, ничего не оставалось, как брать и вымогать взятки, присваивать казенные суммы. На казнокрадство и взяточничество чиновников подталкивало и тягостное ощущение недолговечности своего «правящего» положения. О скором взятии Москвы больше не мечтали. В победу армии Врангеля, даже в прочность положения белого Крыма не верили. Практически все стали смотреть на занимаемую должность исключительно как на источник доходов[10].

Почву для коррупционной «смычки» между «голодными» чиновниками и «разоренными» предпринимателями создало бюрократическое регулирование экономики, которую проводили правительства Деникина и Врангеля. Прежде всего — регулирование внешней торговли.

Поскольку в условиях гиперинфляции производство не давало «нормальной» прибыли, предприниматели направили свои капиталы во внешнюю торговлю, стремясь за счет вывоза сырья компенсировать себя за все убытки, понесенные от хозяйничанья большевиков и войны. Во внешнеторговые операции были направлены и те кредиты, которые предпринимателям удавалось выбить из правительства для развития производства продукции, в которой нуждалась армия. Забыв о налаживании производства, не думая о необходимости обеспечить занятость рабочих и хотя бы на «голодном» уровне заплатить им зарплату, они добивались от правительств Деникина и Врангеля полной свободы торговли. По сути — полной свободы разграбления сырьевых богатств России.

Между тем в течение всего 1919 г. правительство Деникина пыталось найти оптимальный механизм государственного регулирования внешней торговли, чтобы использовать для экспорта сырья и импорта нужных

промтоваров «частный торговый аппарат» и к обоюдной выгоде сочетать интересы торговцев и казны. Методы менялись, но суть правительственного регулирования внешней торговли оставалась неизменной.

Во-первых, торговец обязывался заключить договор с правительством и при этом предоставить имущественные гарантии его выполнения (недвижимость, деньги на банковских счетах).

Во-вторых, в обмен на вывоз строго ограниченного количества сырья торговец обязывался ввезти на территорию юга России иностранные промтовары, необходимые армии и населению, то есть осуществить «обратный полезный импорт».

В-третьих, торговец должен был уплатить в казну отчисления в валюте (10—20% валовой продажной стоимости), то есть «поделиться» с казной частью прибыли.

В-четвертых, условия договоров, разработанных чиновниками, были рассчитаны так, чтобы торговец получил «добросовестную предпринимательскую прибыль» в 12—30%.

В-пятых, на основании заключенного договора торговцу выдавалось экспортное свидетельство: какое количество конкретного вида сырья он должен вывезти, а также в какой срок, сколько и каких «полезных» промтоваров должен ввезти обратно.

В-шестых, вывозимые товары адресовались не торговцам, а агентам (представителям) ведомства торговли и промышленности в иностранных портах[11].

Предприниматели, мало озабоченные интересами казны и белых войск, считали такое регулирование проявлением традиционного для российских властей намерения «ободрать купца как липку», а потому всеми способами сопротивлялись ему. И быстро нашли самый эффективный способ: раздача взяток чиновникам, причастным к внешней торговле. Торговцы стали щедры на взятки как никогда. С другой стороны, мздоимство среди чиновников приобрело небывалые масштабы: за выдачу торговым фирмам разрешений на вывоз сырья с юга России

они требовали взятки, размер которых доходил до 50% ожидаемой прибыли. За взятки чиновники разрешали частным торговцам вывозить партии сырья большие, чем это предусматривалось договором. Закрывали глаза на то, что обратный ввоз не соответствовал условиям договора (вместо промтоваров военного назначения и массового спроса импортировали запрещенные предметы роскоши и спиртные напитки) и не столько удовлетворял потребности армии, сколько приумножал прибыли торговцев и т. д. Коррупция поразила ведомство торговли и промышленности, контрразведку, управления портами и особенно сильно — чиновников таможни, откуда большие партии товаров попросту исчезали без каких-либо документальных следов[12].

Из провала «похода на Москву» предприниматели сделали один вывод: белые обречены и надо поскорее вывезти как можно больше сырья, уже не рассчитывая на «обратный полезный импорт». Поэтому в 1920 г. еще большее распространение получили представление фиктивных имущественных гарантий от банков и нотариусов, подделка экспортных свидетельств, вывоз без разрешения, уклонение от уплаты валютных отчислений и «обратного полезного импорта», а также самая банальная контрабанда. Все эти махинации щедро «подмазывались», а потому проходили удачно. Взятки чиновникам торгово-промышленного ведомства и таможенникам приняли массовый характер и небывалые размеры. При этом торговцы громко выражали свое недовольство «стеснениями» торговли, обязательством обратного ввоза, волокитой и вымогательством, стремлением властей «ободрать купца в пользу казны». Именуя государственное регулирование внешней торговли «социалистическим экспериментом», они требовали полной свободы ввоза и вывоза[13]. По сути (повторимся), полной свободы разграбления России.

В итоге, сколько ни меняли правительства Деникина и Врангеля систему регулирования внешней торговли, она каждый раз, именно в силу небывалого расцвета коррупции,

быстро превращалась в решето, через которое валюта, минуя казну, сыпалась в карманы торговцев[14].

Деникин и Врангель пытались бороться со взяточниками и казнокрадами, «подрывающими устои разрушенной русской государственности», принимали законы, карающие мздоимцев и спекулянтов конфискацией имущества, каторгой и смертной казнью. Официозные газеты взывали к патриотическим чувствам чиновников: «Брать сейчас взятку — значит торговать Россией!» Все это подкреплялось морализаторством некоторых журналистов по поводу того, что «ничтожное жалованье, дороговизна, семьи — все это не оправдание» для мздоимства[15]. Однако взяточники ни этих угроз не испугались, ни высокопарное морализаторство на них не подействовало. И в итоге коррупционная «смычка» чиновников и торговцев фактически сорвала государственное регулирование внешней торговли, не позволила пополнить казну валютой, обеспечить должное снабжение войск и населения.

Кончилось тем, что в июле 1920 г., ради получения валюты от экспорта сырья с целью покупки за границей крайне необходимых для армии военных и горюче-смазочных материалов, Врангель пошел на крайнюю меру: он ввел государственную монополию экспорта зерна. Эта мера вызвала сильнейшее недовольство массы торговых фирм, которые оказались отстранены от самых выгодных экспортно-импортных операций. На правительство посыпались обвинения в «стеснении торговли», в «удушении частной инициативы». Но чем жестче становились регулирование и мелочнее регламентация внешней торговли, тем изобретательнее и циничнее становились предприниматели, тем активнее они искали возможность за взятку преодолеть все «стеснения» очередного «социалистического эксперимента» правительства. Кроме всего прочего, они организовали, путем жалоб и доносов, массированную, озлобленную кампанию по дискредитации руководителей ведомства торговли и промышленности, которых ложно обвиняли в мздоимстве[16].

Таким образом, в условиях смуты на Белом юге бюрократия выродилась в корпорацию «торговцев Россией». Предприниматели же, ведомые «патриотизмом своего кармана» и руководствуясь принципом «Каждый сам за себя, один Деникин (Врангель) — за всех», продемонстрировали небывалый расцвет частного и корпоративного эгоизма, глубокое презрение к национальным интересам России, невероятную легкость скатывания к преступным способам коммерции. На этой почве сложился «военно-экономический союз» бюрократии и буржуазии. Этот коррупционный, преступный союз ускорил разложение белого тыла в 1919—1920 гг., усилил смуту, способствовал поражению Белого движения на юге России.

Библиография

[1] ГАРФ. Ф. 3426. Оп. 1. Д. 2. Л. 12; *Соколов К. Н.* Правление генерала Деникина. — София, 1921. — С. 183.

[2] *Соколов А. А.* Обесценение денег, дороговизна и перспективы денежного обращения в России. — Екатеринодар, 1920. — С. 94—97.

[3] *Соколов К. Н.* Указ. соч. — С. 183—185; *Калинин И.* Русская Вандея. — М.; Л., 1926. — С. 169.

[4] ГАРФ. Ф. 3426. Оп. 1. Д. 2. Л. 12—12 об.; *Соколов К. Н.* Указ. соч.. — С. 185.

[5] *Соколов А. А.* Указ. соч. — С. 94—97.

[6] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. — Т. 4. — Берлин, 1925. — С. 218; *Врангель П. Н.* Записки. — Ч. 1 // Белое дело. — Кн. V. — Берлин, 1928. — С. 217; *Лукомский А. С.* Воспоминания. — Т. II. — Берлин, 1922. — С. 158—159; *Калинин И.* Указ. соч. — С. 166; *Покровский Г.* Деникинщина: Год политики и экономики на Кубани (1918—1919 гг.). — Берлин, 1923. — С. 107.

[7] *Савич Н. В.* Воспоминания. — СПб.; Дюссельдорф, 1993. — С. 292.

[8] *Соколов К. Н.* Указ. соч. — С. 179; *Покровский Г.* Указ. соч. — С. 102—104; *Калинин И.* Указ. соч. — С. 169; *Савич Н. В.* Указ. соч. — С. 292.

[9] РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 259. Л. 7; *Врангель П. Н.* Записки. — Ч. 2 // Белое дело. — Кн. VI. — Берлин, 1928. — С. 116; *Немирович-Данченко Г. В.* В Крыму при Врангеле. — Берлин; Мюнхен, 1922. — С. 24; *Оболенский В.* Крым при Врангеле. — М.; Л., 1928. — С. 11—12, 60—61; *Валентинов А. А.* Крымская эпопея // Архив русской революции. — Т. V. — Берлин, 1922. — С. 6.

[10] РГВА. Ф. 101. Оп. 1. Д. 174. Л. 27, 204об. —205; Ф. 109. Оп. 3. Д. 291. Л. 9об.

[11] ГАРФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 15. Л. 33–34; Д. 17. Л. 62об.; Д. 22. Л. 3; Д. 43. Л. 3.

[12] Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. First series. V. III. — L., 1949. — P. 588; *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. — Т. 4. — С. 229.

[13] ГАРФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 3. Л. 42; Д. 25. Л. 23; Д. 89. Л. 110; Д. 94. Л. 30.

[14] Там же. Д. 46. Л. 37; Д. 53. Л. 17, 28; Д. 91. Л. 3.

[15] РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 296. Л. 16 об. — 17; *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. — Т. 5. — Берлин, 1926. — С. 274.

[16] *Врангель П. Н.* Записки. — Ч. 2. — С. 191; *Оболенский В. А.* Указ. соч. — С. 42, 64—65. *Савич Н. В.* Указ. соч. — С. 369.

А. И. Колганов

СМУТА И РЕВОЛЮЦИЯ: УРОКИ ДЛЯ XXI ВЕКА

Термин «смута», разумеется, далеко не совпадает по своему значение ни с термином «революция», ни с термином «революционная ситуация». Смута может не иметь своим результатом революцию. Революция — равно как и революционная ситуация — не всегда оформляется и протекает как смута. Однако смута может вылиться и в революцию, и тогда смута становится формой революционных событий. С этой точки зрения смуту можно понять как глубокий и затяжной системный кризис, связанный с высокой степенью массового вовлечения населения в этот процесс, и высокой степенью и длительностью внутреннего раскола общества.

Выход из смуты не обязательно связан с коренным переустройством общества и изменением вектора исторического развития. Смута начала XVII в. привела в основном лишь к изменению персонального состава правящей элиты — распад государственности достиг такой глубины, что стабилизация власти как таковой уже отвечала интересам большинства. Особенностью смуты конца XX в., которая серьезно изменила лицо общества, является длительное сохранение очень высокого уровня недовольства происходящими переменами, что оставляет открытой потенциальную возможность новой вспышки смуты.

Совершенно очевидно, — и тут нет предмета для спора — что революция немыслима без определенного уровня массовой мобилизации и союза между частью элиты (контрэлитой) и массами, а возникновение смуты, как некой формы протекания революционного процесса, невозможно без возникновения разрыва между прежней элитой, прежней властью и массами. Прежде чем возникнет союз контрэлиты и масс, назревает разрыв между массами и властью, которая не решает проблем, затрагивающих насущные интересы тех

или иных крупных социальных групп и слоев. Для начала революции характерна «слепота власти», которая в упор отказывается видеть наличие насущных проблем, или, по крайней мере, недооценивает их остроту. Это характерно и для Смуты XVII в., и для революционных событий начала и конца XX в.

Для меня главным в этой теме является не реконструкция исторических событий и даже не понимание их причин, а возможность извлечь уроки для настоящего и будущего. С этой точки зрения наибольший интерес для нас, конечно, представляют более близкие исторические события, в первую очередь, конец 80-х — начало 90-х годов прошлого века, когда произошел распад советской государственности при почти полном равнодушии населения к гибели прежних форм государственной власти. В периодах до Февраля и до Октября 1917 г. мы точно так же можем найти ответ на вопрос о том, как может произойти полный разрыв между народом и властью, как раз и ведущий к тому явлению, которое мы обозначаем словом «смута». Период после Октября интересен тем, как развиваются отношения народа и власти, сумевшей устоять, пройдя сквозь смуту.

Конфликт между народом и властью не является в истории чем-то из ряда вон выходящим. Но обычно этот конфликт не ведет к распаду государственности (что и является одной из характерных черт смуты). Однако он приобретает фатальный для власти характер тогда, когда власть не просто расходится в чем-то с народом, но при этом не понимает, и не желает понимать, что представляет собой народ, каковы его реальные нужды и чаяния.

Власть нередко может идти наперекор тем или иным интересам большинства народа, но эта ситуация не обязательно является роковой для власти. То или иное расхождение власти с народом может быть компенсировано умелым компромиссом или лавированием в других вопросах. Однако если власть не только игнорирует нужды большинства, защищая лишь интересы узкой правящей группы (класса), но при этом еще и не отдает себе отчет

в природе конфликта, в который она вовлекается, и не предпринимает никаких мер, чтобы смягчить обостряющийся конфликт, это может создать угрозу сохранения власти.

Последняя революция (которую некоторые именуют контрреволюцией) возникла после так называемого застоя, который характеризовался крайне вялой реакцией власти на нараставшие проблемы. Уже длительное время, с начала 70-х годов, сделалось очевидным замедление темпов экономического роста, отставание в развитии научно-технического прогресса, обострение дефицита на потребительском рынке, рост коррупции. Как результат нарастало недоверия масс к партийно-государственной бюрократии, не только обособившей себя от масс, но и обособившейся от проблем общества, загородившейся от них в своем клановом мирке с обособленной системой снабжения, с особыми ценами и т. д.

То же самое можно сказать об эпохе Николая II, то же самое мы можем говорить о периоде, предшествовавшем Смуте XVII в. Перед Февралем и перед Октябрем 1917 г. как раз и складывались ситуации противостояния народа и власти в России. Монархическая власть закрывала глаза на то, что, игнорируя интересы большей части народа, она доводит ситуацию в народной толще до точки взрыва. Монархия ухитрилась возбудить ненависть к себе и в крестьянстве, и среди рабочего класса, вызвать растущее недовольство буржуазии, и даже чиновничества и армии (в том числе и генералитета).

В этом сказывалась и природа институтов тогдашней власти, ее конструкция, и способ формирования правящей элиты, определяющий ее состав, и не в последнюю очередь личные качества лидеров этой элиты. Дворянская сословно-бюрократическая монархия, на вершине которой угнездилась дворцовая камарилья, не озабоченная ничем, и не желавшая считаться ни с чем, кроме сохранения привычных форм своего господства, выдвигала и соответствующих лидеров.

Хотя само наличие конфликта сознавалось, и некоторые представители элиты открыто предупреждали о грядущей революции и анархии, действия правящих кругов по преодолению кризиса носили контрпродуктивный характер. Власть не сумела ничему научиться на примере 1905 года, когда попытка предотвратить революцию с помощью «маленькой победоносной войны» обернулась валом революционных потрясений. Втянув Россию в Первую мировую войну, монархия своими руками подписала себе смертный приговор.

Как ни парадоксально, деятели Временного правительства в этом отношении не извлекли никаких уроков из Февральской революции, в которой они принимали живейшее участие. Падение Временного правительства так же стало следствием игнорирования самых острейших проблем, на разрешении которых настаивало большинство населения — проблемы мира и проблемы земли. Эта парадоксальная слепота объясняется вовсе не тем, что проблемы не осознавались. Однако необходимость решения именно этих острейших проблем вошла в прямое столкновение с интересами нового господствующего класса — буржуазии.

Политическое банкротство русской буржуазии выразилось как раз в том, что она оказалась неспособна на уступки и лавирование даже тогда, когда речь зашла о сохранении ее власти. Буржуазия непременно желала решить эти проблемы исключительно в свою пользу, не считаясь с интересами всех остальных классов и слоев российского общества. Но такое решение в сложившихся условиях было возможно только путем развязывания гражданской войны против большинства населения — что и было подтверждено как возникновением, так и исходом этой гражданской войны.

Новая власть, которая утверждается в ходе смуты, всегда отличается от старой тем, что она в той или иной степени эти интересы учитывает и удовлетворяет. Для Смуты XVII в. оказалось достаточно просто восстановления

порядка — это удовлетворило интересы населения, поскольку степень дезорганизации общества была запредельно велика и при этом затянулась уж слишком надолго. Вряд ли население удовлетворилось социальными итогами Смуты. Однако ему пришлось перенести слишком многое: самозванцев, государственные перевороты, нашествия поляков и шведов, крестьянскую войну и казацкие волнения. После всех этих напастей некоего упорядочения власти и обеспечения политической стабильности, возврата к признаваемому обществом легитимным традиционному монархическому правлению оказалось достаточно для всеобщего успокоения.

В 1917 г. дело обстояло значительно сложнее. Очевидно, что преимущество большевистской власти перед предшествующими властными элитами как раз и заключалось в том, что некоторые интересы народа она удовлетворила. При этом большевики шли прямо против интересов другой части народа — в обществе, основанном на противоречивом сочетании интересов различных классов и социальных групп, «по определению» невозможно удовлетворить всех. Наибольшая сложность для большевиков заключалась в том, что не были в полной мере удовлетворены интересы крестьянского большинства — с ним удалось достичь лишь некоторого компромисса ради удержания власти. При всех конфликтах, которые все же возникали у большевиков с крестьянами, компромисс этот оказался достаточно устойчивым.

В противоположность и царскому, и Временному правительству, правительство большевиков ясно отдавало себе отчет, что оно идет против интересов определенной (и нередко весьма значительной) части населения. Не говоря уже о прямой атаке на интересы дворянства и буржуазии (и многих тесно связанных с ними социально-профессиональных групп — чиновничества, офицерства, казачества), большевики шли и на ущемление интересов крестьянства. Политика продразверстки вызвала в 1918—1921 гг. значительные колебания крестьянства в его

отношении к новой власти. Многие шаги большевиков (та же продовольственная диктатура) вызывали недовольство у городских средних слоев, да и у рабочего класса.

Однако при этом большевики не закрывали глаза на возникавшие конфликты, понимали характер угроз, из них вытекающих, и показали себя умелыми конструкторами социальных компромиссов, уравновешивая ущемление интересов в одном отношении уступками в другом. Нажим на крестьян в продовольственном вопросе компенсировался защитой крестьянской собственности на землю. Когда политика продразверстки вызвала рост крестьянских возмущений, большевики провели замену продразверстки продналогом и разрешили свободную торговлю хлебными излишками.

В результате советская власть обеспечила поддержку большинства рабочих, сумела добиться того, что крестьяне, при всем их недовольстве, при выборе между «красными» и «белыми» в большинстве своем предпочли «красных». Этот пусть и неустойчивый, но все же союз с крестьянством был главным фактором победы большевиков в гражданской войне. Большевики сумели привлечь на свою сторону и довольно значительную часть офицерства, чиновничества и интеллигенции — не столько своей социальной политикой, сколько жесткой позицией восстановления расшатанной государственности.

Чем же была, в основе своей, обеспечена политика, позволившая большевикам выйти из смуты победителями? Даже постепенное свертывание ими стихийной массовой демократии и установление довольно жесткой централизованной власти не встретило широкого протеста, потому что рассматривалось как восстановление эффективной государственности и путь выхода из смуты. Дело было в том, что большевики, помимо умелых компромиссов, смогли предложить гражданам страны социальный проект, отвечающий коренным интересам большинства населения — проект, выражаясь современным языком, коренной модернизации страны, соединенный

с идеей социальной справедливости. И даже колоссальные и часто неоправданные жертвы, принесенные на алтарь этого проекта, не смогли его сорвать.

Я, правда, вряд ли безоговорочно соглашусь с мнением, что большевистская революция завершилась в середине 1930-х гг. Большевистская революция, безусловно, прошла два ярко выраженных этапа, можно даже говорить «о двух революциях». Революция, которая начиналась в октябре 1917 г., завершилась к началу 1920-х гг., и завершилась, я бы сказал, недоговоренностью. Та программа, с которой большевики шли на революцию, оказалась несостоятельной. Они предполагали, что революция в России послужит сигналом к мировой или хотя бы к европейской революции. Тем самым будет создана возможность опереться на материально-техническую помощь более развитых стран и за счет этого обеспечить недостающие предпосылки для строительства социализма. Но этот проект не осуществился — мировой революции не произошло. Тем не менее, большевики сумели, как минимум, прекратить смуту — устойчивость государственной власти и социальная стабильность были восстановлены.

Однако незавершенность революционного проекта поставила перед большевиками вопрос о перемене вектора своей революции. После длительного периода внутриполитической борьбы такая перемена произошла и была совершена другая революция — не та, которую проектировали большевики в 1917 г., а совсем иная. И вот эта новая революция, действительно, завершилась примерно в середине 30-х гг. созданием устойчивой новой общественной системы. Ради сохранения политической и идеологической традиции, обеспечивающей признание советской власти в глазах тех социальных слоев, на которые эта власть опиралась, новая общественная система называлась социализмом — так же, как и предполагавшийся, но не осуществившийся результат первого большевистского проекта. Впрочем, кое-что от социализма, от прежнего большевистского проекта — и не только в лозунгах —

в новой общественной системе все же было, что и позволяло в основном сохранить сложившуюся в ходе революции политическую и идеологическую оболочку.

Новая бюрократическая элита, выросшая в результате успеха этого второго проекта социальной модернизации, пришла, однако, к собственным смутным временам. И механизм этой смуты был в принципе тот же, что и у предыдущих — элита замкнулась на своих узкокорыстных интересах, и перестала реагировать на конфликты интересов, затрагивающие большинство населения. Она оказалась не в состоянии дать эффективный ответ на вызовы времени и возглавить новый национальный проект, отвечающий интересам большинства.

Уровень ущемления интересов в позднем советском обществе был не столь уж высок, чтобы сам по себе вызвать стихийное массовое возмущение. Однако постепенный рост недовольства сталкивался с полной неспособностью и нежеланием бюрократической элиты адекватно реагировать на сложившуюся ситуацию, при растущей претензии этой элиты на абсолютную монополию в выработке и принятии управленческих решений.

Что касается нынешней революции (или контрреволюции), то здесь мы сталкиваемся с той же ситуацией, с какой в свое время столкнулись большевики. Эта революция смогла удовлетворить интересы только части населения. Другая часть осталась неудовлетворенной или даже ущемленной. И это делает революцию незавершенной, сохраняет в ней конфликтный потенциал. Я, правда, не думаю, что степень незавершенности этой революции столь уж велика, и не стал бы говорить о делегитимации нынешней власти в глазах населения. Население рассматривает нынешнюю власть как вполне легитимную и замены ее, в общем, не желает. Может быть потому, что не видит никакой конструктивной альтернативы этой власти, может быть по каким-то другим причинам, но, в целом, уровень удовлетворенностью властью или хотя пассивного принятия этой власти достаточно высок.

Если мы посмотрим на результаты голосования на местных выборах, то увидим, что, несмотря на массовые подтасовки, «Единая Россия» все же лидирует по числу голосов во всех регионах. Другое дело, что политический абсентеизм очень велик. Но говорить о том, что сохраняется отчетливо выраженный конфликтный потенциал, не приходится — по крайней мере, он запрятан очень глубоко. Для его актуализации потребуется длительный период времени и продолжение нынешней политики имитации внимания к социальным и экономическим проблемам при неспособности (или нежелании) что-либо серьезно изменить.

Российское общество при нынешних условиях вполне может существовать лет 15—20—25. Плюс к этому вряд ли можно будет говорить об обострении конфликта, до тех пор, пока не произойдет смена нынешнего поколения россиян. Должно уйти то поколение, которое устало от нестабильности конца 80-х — начала 90-х, которое едва адаптировалось к новому порядку и потому боится новых перемен. И должно придти новое поколение, для которого вновь открывшиеся возможности рыночной экономики уже не кажутся бескрайним морем экономической свободы, тем более, что период «бури и натиска» в учреждении собственного бизнеса и в переделе государственной собственности уже прошел, а новым поколениям придется отвоевывать свои рыночные ниши с боем. Точно также для грядущего поколения наличные демократические процедуры и сложившийся уровень свободы слова не будут смотреться резким контрастом на фоне былой однопартийности и идеологического диктата КПСС, а их формальный характер будет достаточно явственно бить в глаза. И вот тогда, с приходом этого нового поколения, вероятность конфликтного разрешения нынешних проблем резко возрастет.

Нынешняя власть достаточно эффективна в сфере социального контроля (о чем свидетельствует пассивность населения). Но те мины замедленного действия, которые заложены в сегодняшней общественной системе, неизбежно

приведут к социально-экономическому и политическому кризису, так как механизмов разрешения важнейших проблем нет. Эти проблемы известны, они констатируются самой властью. Но эта же власть не способна инициировать действия по их разрешению, потому что в самой ее конструкции заложены механизмы, блокирующие снятие создаваемых проблем. В ближайшее время можно ожидать дальнейшего падения конкурентоспособности российской экономики. А это неизбежно приведет и к обострению социальных, а вместе с тем и политических проблем. Для того, чтобы этого не произошло, власть должна сама изменить себя. Что-то я такого рода явлений в российской истории не наблюдаю. Поэтому вполне вероятно, что очередная смена, опять-таки, произойдет через смуту или революцию.

Несомненно, наличие демократических механизмов взаимодействия власти и народа существенно снижает возможность возникновения смуты. Элементы демократии в начальный период советской власти обеспечивали определенный уровень взаимодействия власти и народа, позволяли большевикам чутко реагировать на социальную напряженность. Окостеневание бюрократических механизмов в последующий период все больше отдаляло власть от народа, приведя, в конечном счете, к формированию глухой стены между бюрократией и народом, что было одним из главных факторов возникновения смуты конца XX в.

Однако демократия, тем не менее, не является панацеей. Демократические формы правления могут использоваться правящими классами — и регулярно используются — против интересов большинства. Впрочем, до тех пор, пока власть осознает наличие определенной меры в своем наступлении на интересы народа, демократические процедуры помогают отслеживать степень недовольства и соответственно реагировать на это недовольство.

Гораздо хуже, когда власть превращает демократические процедуры всего лишь в прикрытие для политического манипулирования, однозначно ориентированного на то, чтобы

лишить большинство возможности использовать демократию для выражения своих интересов. Это означает, что властвующие элиты с самого начала отвергают какой-либо диалог с народом, и не желают считаться с возможными проявлениями народного недовольства. Пока вспышки протеста за пределами принятых правил политической игры носят локальный характер и легко подавляются силой или мелкими частными уступками, власть приобретает самоуспокоение и иллюзии стабильности. Но этот путь ведет к атрофированию способности власти реагировать на нарастание социальных противоречий — а это может направить развитие событий на путь возникновения смуты.

Е. С. Кравцова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ О ПРЕОБРАЗОВАНИИ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ (1905—1917 ГГ.): УТОПИИ И РЕАЛИИ

Можно ли считать несовершенство российской налоговой системы одной из причин социальных волнений? Безусловно. В государственной фискальной политике было много положений, требующих реформирования: выкупные платежи, преобладание косвенного обложения над прямым, отсутствие подоходного налога. Свое видение будущего Российского государства и фискальной политики предлагали политические партии, как правые, так и левые, которые возникали в период начала российской Смуты.

Утопичными кажутся требования по реформированию налоговой системы, выдвигаемые левыми. В программе Российской социал-демократической рабочей партии отмечается «в качестве основного условия демократизации нашего государственного хозяйства» такое требование как «отмена всех казенных налогов и установление прогрессивного налога на доходы и наследство». Примерно такие предложения выдвигались и в программном документе партии эсеров, которая отражала интересы крестьянского населения: «В вопросах государственного хозяйства и финансовой политики партия будет агитировать за введение прогрессивного налога на доходы и наследства при совершенном освобождении от него мелких доходов ниже известной нормы; за уничтожение косвенных налогов (исключая обложение предметов роскоши), покровительственных пошлин и всех вообще налогов, падающих на труд». С этими требованиями сложно согласиться, поскольку ни одно государство не могло бы существовать лишь на доход, получаемый от прогрессивного налога и налога на доходы, притом, что колоссальная часть доходных статей бюджета в царской России приходилась на счет поступлений от косвенных налогов.

Более грамотный и реальный подход к решению проблемы предлагали члены Конституционно-демократической партии России (кадеты), в которую входили представители интеллигенции, средней буржуазии и т. д. Первостепенной своей задачей они ставили «Пересмотр государственного расходного бюджета в целях уничтожения непроизводительных по своему назначению или своим размерам расходов и соответственного увеличения затрат государства на действительные нужды народа», что действительно было важным для страны и ее граждан. В интересах большинства населения, а не только ее состоятельной части, предлагались и такие меры как «отмена выкупных платежей», «развитие прямого обложения на счет косвенного; общее положение косвенного обложения и постепенная отмена косвенных налогов на предметы потребления народных масс»; «реформа прямых налогов на основе прогрессивного подоходного и поимущественного обложения; введение прогрессивного налога наследство». В программном документе партии «Союза 17 октября», представляющую интересы крупного бизнеса, банкиров, землевладельцев, содержатся более скромные требования: «развитие прямых налогов, на основе прогрессивного подоходного обложения, с постепенным понижением косвенного обложения предметов первой необходимости». Вышеизложенные меры должны были «осуществлять более рациональную и справедливую налоговую систему и переложить податную тягость с более слабых плеч на плечи более сильные». Указывалось при этом на то, что какого-либо уменьшения налогового бремени с большей части населения Российской империи в ближайшее время не предвидеться: «Ввиду громадных расходов, предстоящих в ближайшие годы государственному казначейству для осуществления неотложных и важных культурных задач, а также в интересах государственной обороны в деле пересоздания наших военных — сухопутных и морских сил, нельзя рассчитывать на сокращение государственной смет и расходов и на облегчение общего податного бремени».

Монархические партии России, которые в принципе своем не собирались что-либо менять в существующем политическом и общественном строе, не выдвигали конкретных требований по изменению фискальной системы в государстве. К примеру, «Русская монархическая партия» в своей программе на предполагаемые налоговые изменения указывает весьма размыто: «За последнее десятилетие, предшествующее злосчастной войне с Японией, в России наблюдался необычайный быстрый рост Государственного бюджета. За это время Государственные расходы удвоились, и надо было изыскать средства для их покрытия путем введения новых и увеличения существующих налогов, что легло тяжким бременем на скудные достатки массы населения... Монархическая партия считает своей обязанностью заботиться об устранении подобных непроизводственных затрат, не отвечающим потребностям места и времени, и о введении возможной экономии в расходы бюджета, в интересах благоустройства как государственного, так и частного хозяйства России». Признавалось также и снижение косвенных налогов, «стремясь *к* применению в государственном бюджете принципа сообразования налогов со средствами плательщиков».

В целом стоит отметить, что основной спор среди всех политических партий вызывал вопрос о введении в российском государстве подоходного налога. В 1906 г. стала разрабатываться идея о подоходном налоге. Специально созданная комиссия не увидела предпосылок в России для такой реформы. И в своих заключениях отмечала, что «не было в наличии необходимых условий, а именно… торгово-промышленный класс состоял в значительной степени из лиц малограмотных и неграмотных»[1].

Вопрос о подоходном налоге не раз возникал и на заседаниях Государственной думы. К примеру, при рассмотрении росписи бюджета за 1907 г. депутат Кутлер указывал, что главным источником средств в казну являются косвенные налоги, указывал на их вредное влияние на

народное благосостояние, вместе с тем он соглашался, что сразу изменить налоговую систему нельзя, и что косвенные налоги придется сохранить и постепенно переходить к справедливому прямому налогообложению. Делая подсчеты налоговых поступлений, оратор пришел к выводу, что только 350 млн из них попадают на имущие классы, остальные 1150 млн рублей — на неимущие[2]. Еще дальше в своих высказываниях пошел депутат от социал-демократов Алексинский. В ответ на пример, приведенный министром финансов о бельгийском налоговом законодательстве, он заявил: «Ст. 3 бельгийской конституции гласит, что «Не может быть установлено никаких привилегий, никакого освобождения от налогов или уменьшение его иначе, как по закону». В противовес этой статьи у нас в России очень много привилегий: для дворян, нефтяных королей, сахарозаводчиков и прочих паразитов; привилегии эти далеко не основаны на законе»[3].

Таким образом, большинство политических партий России в начале XX в. не оставили в стороне налоговые проблемы государства, однако, самые конкретные и разнообразные предложения по реформированию системы содержались в программном документе партии кадетов, в то время, как остальные политические силы выдвигали более урезанные требования. Однако практически все партии сходились во мнении о необходимости введения подоходного налогообложения.

Российскую налоговую систему рубежа XIX—XX вв., при всем желании нельзя было назвать справедливой: наличие сугубо сословного — крестьянского обложения, выплаты по крайне непопулярным выкупным платежам, отсутствие подоходного налога. Хотя сама идея ввода в России этого сбора витала с начала XIX в. и занимала умы многих знаменитых граждан, она не находила поддержки среди дворянства, оставляя это сословие единственным привилегированным в стране. Первая неудачная попытка была предпринята 11 февраля 1812 г. по обложению собственности стоимостью выше 500 рублей. С новой силой

разгорелись споры по вопросу введения налога в России после отмены крепостного права. Неизвестный автор в своем «Проекте правил о подоходном налоге», который им был направлен в Минфин, предлагал облагать процентным сбором чистую доходность, получаемую с недвижимости, торговые и промышленные предприятия, прибыль с художественной, ученой, литературной деятельности и т. д. Существовали, кроме этого, на протяжении десятилетий и другие мнения в области изменения налогообложения, касающиеся ввода подоходного налога, это и проект разрядного налога 1878 г., и проект о введении подоходного налога 1880 г., который был весьма реакционный и не встретил поддержки у нового Министра финансов Н. Х. Бунге. В 1892 г. вновь рассматривался вопрос о подоходном налоге. С. Ю. Витте выступал его сторонником и считал, что «подоходный налог отвечает принципу общности, так как к платежу его привлекаются все граждане, получающие определенный доход, независимо от вида имуществ, занятия или промысла их»[4]. Был создан проект государственного подоходного сбора. Обложение начиналось с суммы в 1 тысячу рублей Процентная ставка возрастала прогрессивно: 1% предусматривался при доходе от 1 до 2 тысяч рублей и т. д. Но это предложение осталось на бумаге.

С появлением в России политических партий, вопрос о введении подоходного налога все активнее рассматривается обществом и поднимается на заседаниях Государственной Думы. В 1906 г. вновь был разработан законопроект об этом многострадальном налоге. Но специально созданная комиссия не увидела предпосылок в России для такой реформы. В своих заключениях она отмечала, что «не было в наличии необходимых условий, а именно… торгово-промышленный класс состоял в значительной степени из лиц малограмотных и неграмотных…». Но в 1909 г. министерство финансов внесло на рассмотрение Государственной думы проект закона о введении подоходного налога.

Представителями финансового ведомства данное мероприятие оценивалось очень высоко: «Введение

подоходного налога являет собой в нашей податной системе реформой огромной государственной важности»[5]. По данному законопроекту обложению подлежал доход, превышающий 1000 рублей в год, который планировалось взимать, как с юридических, так и с физических лиц с: с земли и других недвижимых имуществ в городах и уездах, от торговых и промышленных предприятий, от капиталов, от личного труда в самом широком смысле этого слова. Этот налог считался уже практически принятым, даже проходили съезды податных инспекторов, посвященные этому вопросу, однако проект не прошел. С вступлением России в войну, вопрос о введении новых налогов вновь стал на повестку дня, ведь каждый день обходился правительству в 3 млн рублей.

В обществе вновь заговорили о введении подоходного налогообложения. В докладе Н.М. Бакунина указывается, что введение такового было бы крайне желательно, причем без установления минимальных доходов для всего населения страны, так как крестьяне и рабочие могут заплатить от 2 руб. 50 коп. до 2 руб., а беднейшие плательщики (их 80–90 млн человек) дали бы государственной казне от 150 до 300 млн рублей в год. «Относительно обложения остальных 50—70 млн зажиточного и богатейшего населения Империи говорить не приходится, ибо Министерством финансов давно уже выработаны нормы этого обложения, и если бы не прискорбное противодействие введению в России прогрессивного подоходного налога со стороны богатейших людей, то наш бюджет основывался бы на более здоровых, чем продажа питий, основаниях»[6]. «Из всех проектов, какие были сделаны за последние месяцы, намечены три решенных вопроса о перестройке русского бюджета: 1. Замена винной монополии рядом других фискальных монополий, которые смогли бы до известной степени возместить материальный ущерб от прекратившей действовать питейной монополии; 2. Механическая надбавка ко всем существующим налогам и пошлинам с таким

расчетом, что от них может получиться сумма в 500—600 млн рублей; 3. Коренные преобразования всей финансовой системы с введением новых, отсутствующих доселе звеньев обложения: именно, подоходного, поимущественного налогов, налога на прирост ценностей, с усилением обложения наследств»[7]. Касательно новых монополий (табачная, сахарная, нефтяная, спичечная): в случае их введения можно было бы рассчитывать на 30—50 млн рублей от каждой в лучшем случае. Надбавки к налогам, распространенным в России, то есть реального характера, применять было бы нежелательно, поскольку они нарушат равномерность обложения.Но и эти проблемы не подвигли правительство решиться на переход к подоходному обложению, а привели к принятию усеченного и малодоходного военного налога и еще одной механической прибавке к окладам, к которым были причислены новые объекты: кинематограф, театры, цирки и т. д.

О новых налогах подоходного характера, как отмечает М. Соболев, мечтали уже не только малоимущие слои населения, но и «сами имущие классы вследствие своей грубости и несовершенства приема обложения, благодаря которому они ложатся весьма не равномерно на плательщиков». «До сих пор Россия ограничивала обложение имущих классов при посредничестве реальных налогов. Однозначно, эти налоги отвечали только первую стадию капиталистического хозяйства. Эти налоги социально отсутствуют и не способствуют многочисленным категориям доходов и имуществ. Они очень не подвижны, и потому не в состоянии следовать за быстроменяющимися хозяйственными отношениями, в них отсутствует эластичность, которая столь важна в строении финансов. Новые налоги — подоходный и поимущественный — как раз имеют ту эластичность, благодаря которой они могут приспособиться ко всем изменениям экономической жизни»[8]. А руководящую роль в деле сбора новых налогов будут играть казенные палаты и податные инспекторы, прекрасно зарекомендовавшие себя в фискальном деле.

В общем, это понимали и в правительстве. «Отсюда следует задача: внести в нашу налоговую систему такие изменения, которые, содействуя проведенным началам уравнительности и равномерности в распределении налогового бремени, между отдельными частями населения, позволял бы найти без допущения налогового бремени прочное и устойчивое питание обыкновенных доходов бюджета, вызванного отказом от питейного дохода»[9], «главным орудием для доставления наивысших финансовых результатов от предпринимаемых начинаний по преобразованию налоговой системы на основах справедливости и уравнительности обложения, необходимо будет искать в установленных некоторых новых, доселе несуществующих у нас налогов, которые, обеспечив усиление доходных поступлений казны, частью, в то же время, будучи возлагаемы преимущественно на более состоятельных плательщиков, могли бы содействовать достаточно большей равномерности в распределении налоговых тягостей». В качестве такой меры предлагалось ввести подоходный налог, к которому зачислялись бы и государственный квартирный налог, и налог на личные промысловые занятия, а примерный финансовый результат должен составлять 70—75 млн рублей.

Идея введения налога была встречена в обществе положительно. «Подоходный налог должен быть введен как постоянный член податной системы. На него следует смотреть как на первый шаг на пути реформирования наших государственных финансов»[10]. Более радикально настроенная его часть говорила о необходимости и дальнейших преобразований «Мы считаем, что за введением подоходного налога должно последовать введение поимущественного налога. Удержание налога на денежный капитал было бы желательно — вследствие чего все эти принципы — подоходного, поимущественного и реального обложения — в настоящей податной системе будут совмещаться и координироваться».

И только 6 апреля 1916 г. был Высочайше утвержден и одобрен Закон о подоходном налоге. Современник налога

Б. Имшеницкий иронизировал по этому поводу: «Сколько шуму, сколько надежды кружилось вокруг этой реформы и, наконец, в заседаниях Государственной Думы она вытащилась из-под спуда архива Таврического дворца, предстала во всем своем жалком ощипанном одеянии. Но обиднее всего то, что обрадованные новшеством, никто из депутатов и не подметил ее ничтожества: с левой стороны законопроект приветствовали с глубоким поклоном как спасительницу нашего бюджета, а с другой стороны — отстраняясь, как от чумы, и всячески поносили. Вслед за этим неслыханная шумиха поднялась около этого лелеянного законопроекта, одобрили его большинством голосов, отправили на смотрины в Государственный Совет и успокоились, уверенные, что совершили великое дело и спасли Россию. Но для спасения России нужно было 12 млрд рублей в год, а весь законопроект по заявлениям министерства финансов мог дать всего 50—60 млн рублей, и в лучшем случае 70 млн рублей»[11].

Верхушка общества, которая на протяжении века отстранялась от налога, тоже выражала радость. Так, министр финансов П. Барк в докладе Николаю II писал: «Установление общеподоходного налога, положенного ныне в основу налоговой системы большинства государств, в некоторых из которых оно является приобретением лишь недавнего времени, составляет одно из знаменательных событий царствования Вашего Императорского Величества…»[12].

Таким образом, появившиеся в начале XX столетия политические партии заняли активную позицию в деле реформирования государственной системы в целом, и налоговой, в частности. Их основные требования в этой сфере сводились к сокращению косвенного налогообложения и введению подоходного налога (для левых партий характерна также идея провозглашения поимущественного обложения).

Мысль о введении подоходного налогообложения не была нова в русском обществе. Она имела вековую историю,

но налог не вводился из-за неготовности власти создать всесословную, справедливую налоговую систему.

Окончательно принято было это решение только в 1916 г., но было уже поздно.

Библиография

[1] *Лебедев В. Е.* Налогообложение предпринимательской деятельности в РФ (история становления налогового регулирования в дореволюционной России). — М., 1999. — С. 17.

[2] Торгово-промышленная газета. — 1907. — 22 марта. — С. 4.

[3] Новое время. — 1907. — 23 марта. — С. 3.

[4] *Князев В. Г.* С. Ю. Витте и налоговая политика России // Финансы. — 1999. — № 10. — С. 33.

[5] Основные задачи податного и оценочного дела (руководство для податных инспекторов, земских и городских управ по разным вопросам податного и оценочного дела) / Сост. П. Г. Гавриков. — Киев, 1912. — С. 173.

[6] *Бакунин Н. М.* Доклад // Известия общества финансовых реформ. — 1915. — № 10. — С. 26.

[7] *Соболев М.* Перестройка финансовой системы России в связи с введением подоходного налога и поимущественных налогов // Вопросы финансовой реформы в России. — Т. 1. — Вып. 1. — М., 1915. — С. 2.

[8] *Соболев М.* Указ. соч. — С. 6.

[9] К вопросу о преобразовании действующей налоговой системы. — СПб., 1915. — С. 2.

[10] *Соколов А.* Подоходный налог // Вопросы финансовой реформы в России. — Т. 1. — Вып. 2. — М., 1916. — С. 18.

[11] *Имшеницкий Б.* Несостоятельность дореволюционной налоговой системы. Одна из причин угнетенного состояния трудящихся классов. — Киев, 1917. — С. 23—24.

[12] РГИА. Ф. 560. Оп. 38,д. 193. Л. 119 об.

Н. В. Липатова

ФРАГМЕНТ КАК ЦЕЛОСТНОСТЬ: МОЗАИКА ЛИДЕРСТВА В СМУТНОЕ ВРЕМЯ[1]

Буквально с первых моментов Февраля стала очевидной неподготовленность российского общества, особенно в провинции, к новой жизни. Постфактум революционные вожди оценивали это как шанс вписать новую страницу в историю России, так как «сознание и души народных масс представляли собой чистый лист»[2]. Что вписывала новая власть в этот чистый лист? Представления о вождях смуты формировалось обрывочно, буквально по кусочкам отдельных биографических фактов, но рамка для этого образного полотна при общей его фрагментарности была уже задана. Нижегородская газета «Молодая рать» предложила своим читателям «пошевелить мозгой» и «*из обрезков сложить голову одного из вождей партии рабочего класса*»[3]. Очень символично, так как образ лидеров/руководителей революции в сознании масс формируется именно из отдельных фрагментов, постепенно превращающихся в универсальные маркеры-характеристики. Кто они, герои смутного времени? Новый герой — революционер, согласно Т. Карлейлю, «на деле воплощает в себе ***все*** разнообразные формы героизма: пастыря, учителя, вообще всякого рода земные и духовные достоинства», которые приписывались новым вождям, но уже потом, в процессе фиксации биографических сюжетов.

В 1917—1921 гг. молодость, личные качества характера, вера в светлое будущее помноженные на борьбу за выживание и антивоенную пропаганду стали решающими в борьбе за власть. Бунтарь с душой поэта; Иван-дурак, внезапно ставший правителем; народный самородок, которому по плечу любая работа, без необходимости освоения новой профессии — все эти образы словно аллегория езды на велосипеде — «сел и поехал, главное не бояться и все получиться». Опыт революционной борьбы

приравнивался к жизненному опыту вообще, и даже превосходил его. Согласно теории А. Адлера, это классический случай взаимозамещения ощущений человека в связи с его обладанием власти, когда собственная незначительность сменяется на уникальность (кто был никем, тот станет всем), потребность в социальных связях — заменяется превосходством, а базовая потребность в безопасности заменяет ощущение обладания высшей силой. Интеллектуальную неадекватность, недостаток образования заменяет превосходство и видимую компетентность, которая тщательно маскировалась под многочисленные аббревиатуры и «новый» революционный язык, понятный только посвященным. Канцелярит в сочетании с активной глагольной лексикой показывает активную деятельность новых героев, которая не могла быть по определению спокойной и мирной, она непременно «кипела», «бурлила» или «бушевала», а дело, непременно «спорилось». Правильные идеи «*продирались сквозь толщу непонимания и заблуждений*», а те, кто в них сомневался *«разлагался на глазах*», а «*выступать единственным оплотом*» могли лишь лучшие из лучших. Таким человеком не мог быть простой обыватель, только аскетизм, простота нравов принесение в жертву обычных человеческих радостей может *выковать* из человеческого материала *борца.* Описание человеческой судьбы превращалось в идеальное клише. Подобно самому Иисусу и его апостолам рабочие-активисты, революционеры, а вслед за ними и достойные руководители отбрасывали в прошлое ради светлой идеи все то, что могло связать их: родителей, семью, привязанности[4]. Активист самарского гарнизона Герасимов *«вел* ***сверхчеловеческую*** *[выделено авт.] работу. Были случаи, когда его стаскивали с трибуны, но они были единичными…»*[5]*;* а самарский большевик А. Масленников, чьим именем в настоящее время назван один из заводов Самары был *«неприхотлив еде, одежде, быту, очень любил своего ребенка, играл с ним, но тратил большое количество денег на книги, часто в ущерб семье»*[6]. В воспоминаниях

В. П. Антонова-Саратовского его соратник М. И. Васильев-Южин характеризуется «*прямолинейным и ядовитым*», *дружеских отношений практически ни с кем не имеющий*», а левый эсер А. А. Мишин гордо рисуется автором как гроза классовых врагов, так как в деле он «*упорный до жестокости*»[7]. Непохожесть и отличие от других проявлялась в твердости характера, бескомпромиссности, решительности и умении принимать твердые непопулярные решения, чаще всего карательного свойства. Руководитель ЧК, присланный из Нижнего Новгорода в Симбирск, К. Хахарев характеризовался как «*строгий к самому себе и окружающим при исполнении обязанностей, но справедливый*»[8] *и только «самоотверженная кипучая деятельность К. Хахарева снискала ему всеобщее уважение и любовь»*[9].

Иногда описание обходилось без личных характеристик, но и в этом случае подчеркивалась эта самая необычность человека. Приведем пример небольшого типичного текста начала 20-х годов: *«Крестьянин-бедняк, — он при первых отзвуках Октября вступил на путь общественной работы. Пятилетняя работа с 1920 года выковала из крестьянского парня — тип работника массовика-общественника. Годичная учеба в губернской партшколе окончательно оформила его марксистское мировоззрение, дав уменье правильно разбираться в вопросах революции»*[10]. Это строки из некролога о П. Кононове — замполитпросвета нижегородского горкома комсомола, показывают маркеры формирования текстов о лидерах. Данный отрывок использует для создания образа лишь один социально-идеологический контекст. Акценты делаются на социальном происхождении (*крестьянин-бедняк*, отклике на революцию, то есть самоидентификации с важнейшим моментом в жизни страны (*при первых отзвуках Октября вступил…)*, партийной/революционной/подпольной/ общественной работе и учебе как моменте перерождения и перехода в новое качество (*годичная учеба в губернской партшколе окончательно оформила его марксистское мировоззрение*) внутри (что очень важно для

образа — он наш) социальной группы, и признании/приписывании просветительской миссии (*уменье правильно разбираться в вопросах революции*). Или просто в воспоминаниях появлялись «ставшие обязательными» атрибуты руководителя. Важные аксессуары в виде портупеи, планшета, гранаты и т. д. стали родовой принадлежностью красноармейца, комиссара. Красноармеец Ф. И. Четверкин в письме в «Крестьянскую газету» дала такое описание командира: «На выходе из комнаты, в дверях встретились мы с командиром отряда, он был коммунист с 1905 года, волосы у него длинные, зачесанные назад, глаза его черные, в кожаном костюме, через плечи ремни, к которым прикрепленные шашка и револьвер, на широком ременном поясе висели де ручные гранаты»[11]. Отдельным предмет гордости/зависти других стали автомобили. Руководство при первой же возможности старалось обзавестись автомобилем. Так, симбирский шофер П. Винокуров сообщает, что в 1918 г. М. Тухачевский ездил на автомобиле «Паккард», а мятежник Муравьев сгрузил с парохода «Панар-Левассор»[12].

На деле за этими кусочками выпячиваемой мозаики картина была вполне обычной — вновь образовавшаяся номенклатура буквально с первых месяцев установления власти оказалась в роли дорвавшихся до социальных благ людьми и «использовала момент» далеко не в революционных целях. Это доказывают многочисленные примеры. Так, по обвинению в хищении казенного имущества было заведено «дело» на командира 7-й кавалерийской дивизии прославленного Г. Гая. Закрытию «дела» способствовало вмешательство командующего фронтом Тухачевского, который сам в свою очередь был далеко не бескорыстным в своих революционных устремлениях. При первой же возможности он возвратил себе бывшее отцовское имение в Смоленской губернии, где поселил свою родню (мать с сестрами)[13]. Если появлялась возможность, то члены семьи занимали разные должности, что в условиях голода 1921—1922 гг. обеспечивало продовольственный паек. Руководитель Симбирского

губкома И. Варейкис перевез в Симбирск своих братьев, которые заняли посты в руководстве местного комсомола[14].

Смутные времена создают наиболее благоприятную почву для фрагментарного усвоения событий, так как надежда на торжество правды и справедливости, вера в то, что есть на свете бесстрашные защитники обездоленных — это та нить, на которую нанизываются бусинки фактов, образующих ожерелье хроники смутного времени. Если бусинка не вписывается в общий узор, ее откладывают в сторону; ведь дальнейшее функционирование нового руководства ставит перед ним задачи удержания власти и сохранения доверия общества. А это уже требовало систематической работы по созданию нового «героического иконостаса» путем дирижирования процессом усвоения цельного образа лидера. Постановление 27 апреля 1924 г. «О порядке воспроизведения, распространения бюстов, барельефов, картин и т. д. с изображением В.И. Ленина»[15] впервые заговорили о контроле над изобразительным материалом, касающегося высшего руководства. Так как отсутствие единообразия *«создает опасность усвоения широкими слоями населения искаженного образа "Ульянова-Ленина"».* Запрещалось без разрешения особой комиссии распространение любых изображений кроме фотографических[16]. Вслед за этим постановлением спустя два года последовал секретный циркуляр ОГПУ 1926 г. подписью Г. Ягоды[17]. Согласно этому документу запрещалось фотографировать руководителей (членов правительства, ЦК и некоторых других) без разрешения, полученного редакцией. Фактически этот документ ликвидировал деятельность «папарацци» под угрозой ареста фотографа и штрафа редакции, (местные руководители поспешили оградить и себя, отдавая подобные распоряжения, чаще устного характера).

То, что в жизни не совпадало с требованием «иконы», просто изымалось из официальной биографии. Разумеется, приемы перевода сложных жизненных судеб в спрямленную официальную биографию — такие, как

использование особых речевых конструкций, полное или частичное умолчание о тех или иных поступках и качествах лидера, — оставались за кадром творимой легенды. Обществу постфактум предъявлялся не живой человек (тем более, что часть из борцов были действительно к этом времени уже не живыми, а о мертвых, как известно, «или хорошо или ничего») с душевными метаниями и сомнениями, а бестелесная командирская машина, наделенная определенными характеристиками — отношения героя с социальной средой или стремление к знаниям и справедливости. Однако в целом такого рода «одежда» героя на «иконе» скорее служила ему родовым атрибутом и определяла его место в иерархии ему подобных, а не его индивидуальность.

Библиография

[1] **Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, в рамках научно-исследовательского проекта «Эволюция властных мифов российской провинции в переломную эпоху: советское руководство в 1917—1929 гг. (на примере Поволжья)», проект № 07-01-21102а/В. —** ***[Прим. авт.].***

[2] *Антонов-Саратовский В. П.* Под стягом пролетарской борьбы. — М., 1925. — С. 125.

[3] Молодая рать. — 1925. — 25 января (Рубрика «Шевели мозгой», головоломку составил фотохудожник Иванов).

[4] *Вихавайнен Т.* Внутренний враг. Борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. — СПб., 2004. — С. 84.

[5] ГАСПИ СО (Государственный архив социально-политической истории Самарской области). Ф. 3500. Оп. 1. Д. 199. Л. 4

[6] Там же. Д. 252. Л. 3.

[7] *Антонов-Саратовский В. П.* Указ. соч. — С. 125.

[8] Горьковская правда. — 1967. — 19 сентября.

[9] *Забелин А.* Председатель губчека // Ульяновский комсомолец. — 1967. — 20 декабря.

[10] Молодая Рать. — Нижний Новгород. — 1925. — 6 января.

[11]Цит по: Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—32 гг. — М., 1998. — С. 38.

[12] ЦХДНИ УО (Центр хранения документации новейшей истории Ульяновской области). Ф. 57а. Оп. 2. Д. 11. Л. 1.

[13] *Минаков С. Т.* Советская военная элита в политической борьбе 20–30-х годов. // Кадровая политика. — 2003. — № 13.

[14] *Кузнецов В. Н.* «Из огня да в полымя». Симбирская губерния в годы гражданской войны. — Ульяновск, 2000. — С. 16.

[15] Культура и власть от Сталина до Горбачева. Цензура в Советском Союзе 1917—1991. Документы. — М., 2004. — С. 79.

[16] Там же. — С. 79

[17] Там же — С. 102.

Д. В. Лисейцев

РОССИЙСКИЕ «ЧИНОВНИКИ» НАЧАЛА XVII ВЕКА В СОБЫТИЯХ СМУТЫ

Период российской истории начала XVII в. получил от современников меткое название «Смутного времени»[1]. Страна находилась в состоянии глубокого социально-экономического и политического кризиса, вылившегося в итоге в первую в отечественной истории гражданскую войну. Сложившейся ситуацией незамедлительно воспользовались сопредельные государства. Некоторые из них, как, например, Англия, не пошли далее создания проектов установления «протектората» над наиболее привлекательными в экономическом плане регионами России. Кочевые государственные образования на южных рубежах (Крымское ханство и Ногайская орда) использовали момент для безнаказанных грабежей без официального объявления войны, в то время как западные соседи России (Швеция и Речь Посполита) приступили к открытой вооруженной интервенции.

В дальнейшем, вплоть до дней сегодняшних, «Смутой» называли самые разные периоды отечественной истории, в том числе и дела совсем недавно минувших лет. И если мы продолжаем настаивать на прагматическом смысле существования истории как науки в качестве «наставника жизни», то обращение к опыту прошедших веков представляется оправданным. В силу этого представляется интересным анализ причин, позволивших Российской державе 400 лет назад выстоять в чрезвычайно тяжелых условиях.

В этой статье анализу подвергнут лишь один из аспектов этой сложной и многогранной темы. Речь пойдет о роли и позиции в событиях Смуты представителей центрального аппарата управления Московского царства, которых мы, используя модернизированную терминологию,

часто называем «чиновниками» или «бюрократией», а современники именовали приказными людьми.

Россия XVI—XVII вв. не знала разделения власти на исполнительную, законодательную и судебную. Впрочем, такого разделения не знала тогда, в сущности, ни одна из существовавших держав, а сама идея разделения властей, сформулированная в конце XVII — первой половине XVIII вв., долго еще оставалась в большинстве стран не реалией, а умозрительным идеалом. В силу этого представляется более оправданным классифицировать властные структуры Московской Руси иначе, разделяя их на органы верховной (царь и Боярская дума), центральной (приказы) и местной (воеводы, органы земского самоуправления) власти. В центре нашего внимания — приказы, которые мы определяем как центральные органы власти Московского государства XVI — начала XVIII вв., действовавшие в тесном взаимодействии с верховной властью, наделенные законодательными, исполнительными, судебными функциями, руководствовавшиеся в своей деятельности принципом прецедента, опиравшиеся на штат профессиональных делопроизводителей (дьяков и подьячих).

Как отреагировали властные структуры Московского царства на потрясения Смутного времени? Мнения историков по этому вопросу расходятся.

Одни склоняются к точке зрения, высказанной в начале XX века Н. П. Павловым-Сильванским: «Смутное время не внесло новых начал в государственную жизнь. Правительство Михаила Феодоровича *восстанавливает [здесь и далее курсив мой. — Д. Л.]*, утверждает и развивает основы государственного строя, заложенные в предыдущем столетии. Московское государство времени царя Алексея Михайловича по главным началам своего строя не отличается от государства времен Иоанна Грозного»[2].

Иначе на этот вопрос ответил С. Ф. Платонов, писавший: «Во всех своих мероприятиях новая московская власть стремилась к тому, чтобы вернуться к старому порядку, "как при прежних великих государях бывало". Она пока не чувствовала, что *Смута уже навсегда опрокинула*

этот старый порядок и что грядущая жизнь должна строиться заново, на сочетании старых основ с новыми элементами»[3].

При всех расхождениях между приведенными мнениями, они сходятся в одном: констатируется факт разрушения в ходе Смуты структур государственной власти, которые новой царской династии Романовых пришлось восстанавливать, подражая, в большей или меньшей степени, образцам, оставленным угасшей династией Рюриковичей.

Так или иначе, но априорные утверждения о том, что российская государственность была полностью разрушена в эпоху Смуты, стали «общим местом» в исследованиях по российской истории XVII в. Однако комплексный анализ сохранившихся до наших дней документов позволяет прийти к принципиально иным выводам[4].

Исследование состояния приказного аппарата управления Российской державы конца XVI — начала XVII вв. позволяет сделать ряд выводов, опровергающих традиционное представление о крушении системы государственных органов в эпоху Смуты. Центральные властные органы Московского царства — приказы, в течение всего Смутного времени функционировали исправно и бесперебойно. В рассматриваемое время в столице действовало примерно два с половиной десятка самостоятельных приказных учреждений. В массе своей они благополучно пережили Смуту. Было упразднено (за счет слияния с однородными ведомствами) четыре приказа: Судный Рязанский и Судный Дмитровский приказы, слились с Судным Владимирским и Судным Московским; Нижегородская четверть была включена в состав Новгородской четверти; Старый и Новый Земский дворы были объединены в одно ведомство, называвшееся Земским двором. Перечисленные трансформации имели место на начальном этапе Смуты, еще до падения правительства Василия Шуйского. На исходе Смуты, в самом начале царствования Михаила Федоровича, было создано два новых

приказа — Казачий и Кабацкий. Создание последнего в условиях Смуты могло бы вызвать иронию, если бы не тот огромный вклад, который это учреждение внесло в дело оздоровления государственного бюджета. Таким образом, государственная система Московской Руси оказалась достаточно прочной, чтобы вынести без существенных потерь все потрясения гражданской войны[5].

Не в последнюю очередь причиной тому стала грамотная кадровая политика, проводившаяся в приказах высшим руководством страны. За 15 лет Смуты (1604—1619 гг.) выявлены имена 182 дьяков, проходивших службу в центральных ведомствах Московского государства (дьяки, несшие службу в городах, но не привлекавшиеся в означенный период к столичной службе, в расчет не берутся). Суммировав разрозненные данные сохранившихся источников, можно с относительной полнотой реконструировать их служебные биографии и составить списки руководителей центральных административных учреждений начала XVII в. Как удалось установить, одновременно в приказах рассматриваемого периода несло службу не более полусотни дьяков. Вместе с подьячими, чиновниками более низкого ранга, их насчитывалось около 600 человек, то есть на одного «крупного управленца» в центральных органах власти приходилось по 10—12 подчиненных. Учитывая, что все население страны в начале XVII в. вряд ли было более 6–7 млн человек, мы увидим, что один «чиновник» в то время приходился на 10 тысяч жителей страны (цифра, как кажется, ничтожная, если сравнивать ее с нынешним состоянием дел).

Мы не имеем оснований утверждать, что события Смутного времени повлияли на численное состояние штата московских приказов. В приказах начала XVII в., тем не менее, наблюдались довольно заметные персональные изменения. Однако объяснять их исключительно влиянием Смуты также нет оснований. Периоды наиболее радикальных перемен в персонале московских приказов пришлись на время, предшествующее Смуте (царствование

Бориса Годунова), а также на период соправления царя Михаила с патриархом Филаретом (то есть уже по выходе страны из Смуты). Борис Годунов обновил состав московского дьячества, по нашим подсчетам, приблизительно на 40%. Из приказов тогда выбывали по разным причинам опытные руководители, тогда как их место занимали люди, не имевшие административного опыта, но зато обязанные своим возвышением новой династии.

Разумеется, подобная кадровая политика не вызывала восторга у опытных приказных дельцов. Думается, именно их позицию огласил в своем «Временнике» дьяк Иван Тимофеев, писавший: «…Он *[Борис Годунов. — Д. Л.]*, а еще более такие же, после него бывшие, превратили в ничто должности начальников, …действительных дьяков, …без всякой награды отказывая им, а на их место на долгий срок назначили поставленных за взятки. Эти не привыкли и не знали совершенно того, что в достаточной мере и самостоятельно постигли наученные долгим опытом изрядные дьяки, опытные в управлении и в постепенном движении текущих дел. Те же едва только немного и несовершенно умели каждый при начертании своего имени пером на бумаге криво, как бы не свою, трясущуюся протащить руку и ничего более. На прочее же, что было свойственно подобным чинам, они были никак не способны, разве только на явное и тайное совершение зла»[6]. Представляется, что в тревожных условиях стремительно развивавшегося социально-экономического и политического кризиса подобный подход к опытным административным кадрам вряд ли был правильным.

Вторая волна активных кадровых перемен имела место уже после выхода страны из Смуты. Эти перемены исследователи традиционно связывают с именем вернувшегося в 1619 г. из польского плена патриарха Филарета Никитича, фактически возглавившего российское правительство при слабом монархе — царе Михаиле Романове, являвшемся к тому же родным сыном патриарху.

Голландец И. Масса, хорошо осведомленный о состоянии дел в Московском государстве того времени, заметил, что в течение короткого времени Филарет произвел серьезные перестановки в руководстве московских приказов. Голландец писал, что «во всех ведомствах переменены штаты и смещены служащие, но все к лучшему; все сделано по приказанию самого родителя царского, но все заранее уже было назначено и определено». С. Ф. Платонов, однако, к этим словам Массы отнесся скептически, указав, что смена администрации в главнейших приказах произошла еще до возвращения Филарета в Москву. Исследователь писал, что «указанные перемены в высшем административном штате могли казаться очень существенными, но они были случайны и совершились почти все до приезда Филарета»[7].

Рассмотрение кадровой политики периода правления Филарета Никитича, однако, позволяют согласиться с мнением Массы: за относительно короткий период времени состав руководства приказов обновился более чем наполовину. Однако в условиях преодоления кризиса утверждавшаяся царская династия могла позволить себе подобного рода кадровую активность.

Кадровые перемены, имевшие место перед Смутой и вскоре после ее завершения, вполне сопоставимы с аналогичными процессами, протекавшими в самый разгар гражданской войны, при царе Василии Шуйском и в период «междуцарствия» (когда дьяческие штаты обновлялись также приблизительно на 40% в сравнении с предшествующими этапами). Относительно небольшие перемены в персональном составе московского дьячества, вопреки распространенному мнению, имели место при Лжедмитрии I. Версия о значительных переменах в составе приказного руководства базируется на высказывании все того же И. Массы, сообщавшего, что «Все прежние чиновники, как то: дьяки, подьячие, конюшие, ключники, стольники, повара и слуги были удалены и замещены теми, коим царь более доверял»[8]. По всей видимости, речь здесь идет лишь о переменах в штате дворцового ведомства, а не в

приказной системе в целом. Лжедмитрий, напротив, старался привлекать на службу опытных дьяков, находившихся «не у дел» или пребывавших в опале при его предшественнике, Борисе Годунове. Новые дьяки, получившие пожалования в чин при самозванце, в значительной степени были опытными приказными деятелями, успевшими продолжительное время прослужить в центральных властных органах подьячими. Тонкость кадровой политики Лжедмитрия состояла в том, что привлекая на службу минимум новых лиц, он перераспределял между дьяками посты так, чтобы большинство из них имели основания быть довольными новым монархом.

Не произошло серьезных кадровых перестановок и в первые годы царствования Михаила Федоровича, обновившего состав руководства центральных органов власти не более чем на 20%. Первый царь новой династии в целом следовал провозглашенному его правительством принципу «политической амнистии», и в его приказах дьяки, служившие ранее Борису Годунову и Василию Шуйскому, соседствовали с «чиновниками», чья карьера была запятнана службой Лжедмитрию II и даже польскому королевичу Владиславу. Русские посланники, отправленные в империю Габсбургов в июне 1613 г., заявили на переговорах с императором: «А которая была в Росийском государстве до него, государя *[Михаила Федоровича. — Д. Л.]*, смута, и рознь, и в людех скорбь, того в радости забыл, кабы ничего не бывало»[9]. И эти слова вполне соответствовали реалиям. В целом, штат приказных дьяков начала XVII в. был достаточно стабилен; в приказах эпохи Смуты можно констатировать высокий уровень преемственности кадров.

Обобщение сведений о дьяках московских приказов начала XVII в. позволило составить просопографический портрет этой социальной группы. Московское дьячество начала XVII столетия было неразрывно связано со служилым сословием не только приобретаемым статусом, но и самим социальным происхождением. Основным источником рекрутирования кадров на приказную службу

было провинциальное дворянство (практически из всех уездов центральной России). Лишь небольшая часть дьяков эпохи Смуты (около 10%) происходила из неслужилого сословия (преимущественно — из купечества). Попытка польских оккупационных властей ввести в состав московской администрации значительное число торговых людей воспринималась в Москве как посягательство на устои и традиции державы. По словам русских дипломатов, поляки «во всех приказех учинили худых людей шишиморов, тому недостойных…, а прежних есте приказных людей… всех изо всех приказов изринули»[10].

Обычным началом карьеры приказного человека была служба подьячим. По моим подсчетам, не менее 2/3 дьяков эпохи Смуты должны были пройти этот служебный этап, который мог быть очень продолжительным — до 40 лет. При этом принадлежность к служилому сословию не лишала приказного человека необходимости служить подьячим и не сокращала срока этой службы. Напротив, возможностью стать дьяками без прохождения службы в подьячих, как правило, пользовались представители купечества. Длительной была обыкновенно и служба в дьяках, которая могла продолжаться более 30 лет. Учитывая суммарный срок службы в подьячих и дьяках (иногда — до полувека), можно сказать, что приказной службе служилый человек отдавал всю свою активную жизнь.

Значительная часть дьяков начала XVII в. располагала поместными и вотчинными владениями, сосредоточенными в европейской части страны. Если поместный оклад дьяка часто был номинальным и не соответствовал реальным размерам земельных владений (которые были значительно меньше), то денежный оклад ставил его намного выше бывших товарищей по городовой корпорации. Служба в приказе открывала для служилого человека перспективу карьерного роста. Для приказного дьяка была открыта дорога в Государеву думу через получение чина думного дьяка.

Необходимо отметить также, что в условиях «междуцарствия», когда Смутное время достигло своей кульминации, московские дьяки в большинстве оказались на стороне национально-освободительного движения, перейдя из оккупированной Москвы в лагеря Ополчений. Патриотический настрой жившего четыре века назад «чиновничества» в немалой степени способствовал быстрому восстановлению административных структур. Традиционная система приказов полностью регенерировала в исходном виде вскоре после освобождения столицы, еще до приезда в Москву новоизбранного царя Михаила Федоровича.

В числе причин, которые заставляли московских дьяков переходить на сторону Ополчения, помимо патриотических чувств, может быть названа боязнь потерять свои земельные владения. Известно, что лидеры I Ополчения приняли решение о конфискации поместий у служилых людей, продолжавших служить интересам поляков. При этом был назначен крайний срок явки в подмосковный лагерь — 25 мая 1611 г.[11] Подобного рода угрозы не остались пустым звуком. Известно, что у думного дьяка Василия Янова, оставшегося верным королевичу Владиславу, поместье было отобрано[12]. По той или иной причине, дьяки и подьячие московских приказов в большинстве перешли на сторону Ополчения. Характерными являются слова остававшегося на службе в Москве дьяка М. Тюхина. В июне 1611 г. он сообщал о невозможности работать, поскольку «в Дворцовом приказе ныне стоят польские и литовские люди, а подьячие все в воровских полкех»[13].

Суммируя изложенное, можно остановиться на следующих принципиальных моментах. Преодолению Смутного времени начала XVII в. способствовала прочность государственных структур Московского царства, сложившихся в течение предшествующего столетия в череде периодов террора и реформ. Дополнительную устойчивость государственной системе страны придавала грамотная

кадровая политика высшего руководства страны, предпочитавшего пользоваться услугами опытных, проверенных «ветеранов чиновного дела» вместо насаждения в управленческих структурах своих креатур, не могущих своей сомнительной преданностью компенсировать недостаток профессионализма. Приказные люди, в свою очередь, «отвечали государству взаимностью», выступая в условиях Смуты на стороне патриотических сил (пусть даже их выбор был зачастую сугубо прагматичен).

Библиография

[1] На протяжении долгого времени в отечественной исторической науке господствовало представление о том, что обозначение событий российской истории начала XVII в. термином *«Смута»* было порождением «дворянско-буржуазной историографии», а сам оборот *«Смутное время»* якобы был изобретен лишь в середине XVII в. бежавшим из России в Швецию подьячим Григорием Котошихиным. Однако анализ документов начала XVII в. позволяет опровергнуть это мнение, поскольку слова «Смута» и «Смутное время» (наряду с оборотами «московская разруха», «литовское разоренье», «безгосударное время») активно использовались современниками и участниками потрясений четырехсотлетней давности (подробнее см.: *Лисейцев Д. В.* Смутное время: происхождение, содержание и хронологические рамки понятия // Сборник Русского исторического общества. — Т. 8 (156). — М., 2003. — С. 318—328.

[2] *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. — М., 2000. — С. 131.

[3] *Платонов С. Ф.* Москва и Запад в XVI—XVII веках. Борис Годунов. — М., 1999. — С. 63.

[4] Первые сомнения в правомочности трактовки Смуты как периода полного упадка российской государственности возникли у автора этой статьи в процессе работы над монографией по истории внешнеполитического ведомства Московской Руси (Посольского приказа) в начале XVII в. (См.: *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — М., 2003).

[5] Подробное обоснование высказанных тезисов содержится в работах автора: *Лисейцев Д.В.* Эволюция приказной системы Московского государства в эпоху Смуты. // Отечественная история. — № 1. — 2006. — С. 3–15; *Его же.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. — М., Тула, 2009.

[6] Временник Ивана Тимофеева. — СПб., 2004. — С. 244—245.

[7] *Платонов С. Ф.* Московское правительство при первых Романовых // *Платонов С.Ф.* Статьи по русской истории (1883—1912 гг.). — СПб., 1912. — С. 389—391.

[8] *Масса И.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии. — М., 1997. — С. 95.

[9] Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 32. «Сношения России с Австрией и Германской империей». Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 52.

[10] РГАДА. Ф. 79. «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 30. Л. 133 об. — 134 об., 187 об.

[11] *Забелин И. Е.* Минин и Пожарский. Прямые и кривые d Смутное время. — СПб., 2005. — Приложение. — С. 224.

[12] Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. Сборник документов. — Т. III. — М., 2002. — № 70. — С. 55.

[13] *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610—1611 гг. // Смутное время Московского государства, 1604—1613 гг. Материалы, изданные Императорским обществом истории и древностей российских при Московском университете. — Вып. 8. — М., 1911. — С. 67.

П. П. Марченя

ВЛАСТЬ И НАРОД: УТОПИЯ И ИСТОРИЯ, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О СМЫСЛЕ «РУССКОГО БУНТА»

Как правило, очередные серьезные модернизационные шаги в России связаны с ситуацией системного кризиса страны, смутой, революцией, войной. Но верно и обратное: сами непродуманные попытки системных преобразований со стороны власти, не обеспечившей понимание и поддержку собственного народа, провоцируют и продуцируют очередную российскую смуту.

Неудачные попытки каких-либо коренных реформ в российском обществе выступавшая реформатором власть часто оправдывает недостаточностью «спокойного» времени: «Вот дали бы еще двадцать (десять, тридцать…) лет, и вот тогда бы…». Но разве действия власти не должны быть *своевременными*, адекватными конкретному историческому времени, ответственными за *здесь и сейчас*?

Еще чаще, чем на нехватку подходящего времени, реформаторы-неудачники сетуют на неподходящий, «неправильный» народ, практически мешающий успеху теоретически «правильной» деятельности власти: «Вот дали бы не этот, а другой (более соответствующий представлениям и планам этой власти) народ, и вот тогда бы…». Но разве не является главным условием власти ответственность за *свой* народ? *А* ***свой народ, как и родителей, — не выбирают****. Чего нельзя сказать о власти.* Политическая власть, воспринимаемая народом как «*не своя*», не имеет исторического будущего. Во всяком случае, с этим народом.

В огромном и сложноорганизованном имперском организме России массовый народный негативизм против такой — чуждой («*самозваной*») власти — напоминает стихийную иммунную реакцию социального целого. И именно этот, болезненный и многофакторный, процесс

отторжения чужеродных элементов («временщиков» и «самозванцев») — до восстановления собственных культурных смыслов и исторических взаимосвязей (возвращения легитимной — «родной» — власти, воссоединения «прерванной связи времен») — традиционно именуется в России «Смутой».

Левые и правые, русисты и россиеведы, русофобы и русофилы, — все, кто пристально и пристрастно интересуется российской историей, — неслучайно сходятся в одном: именно осмысление взаимоотношений в паре «*Власть — Народ*» является ключевым для понимания прошлого, настоящего и будущего России и преодоления периодически сотрясающих ее основы смут.

И если сами смуты — по природе своей процессы преимущественно *массовые*, то осознание уроков смутных времен — задача *элит*. Элитарные споры об этих уроках неизбежно обостряются в ситуациях кризиса, когда российскому обществу в очередной раз необходимо определиться с историческим выбором. Но если ценность вопроса: «Каким должен быть народ России?» — весьма сомнительна, то дискуссии на тему: «Какой должна быть власть в России?» — неизменно актуальны и злободневны на всякий день.

Однако еще более важным представляется ответ на вопрос: «*Какой она — Власть России — **НЕ** должна быть?*». Возможно, в нем и заключается главный урок смут как неоднократно адресованное отечественным элитам назидание (карательный «месседж») российской истории. Ведь, по меткой формулировке еще В. О. Ключевского, история не учительница, а надзирательница: она не учит, а наказывает за незнание уроков.

Кажущаяся неразрешимой загадка амбивалентного поведения народа в российской смуте, часто изображаемой в виде инфернальной череды бунтов (некого системного «супербунта»), может быть объяснена не эпилептоидностью и психопатологичностью «*Homo rossicus'a*», а исторической функциональностью бунта в имперской системе

взаимодействия власти и общества. Народ — величина потенциально огромная — по модулю, а ее знаковый вектор — зависит от власти.

Бунт — не просто выплескивание негативной энергии, спровоцированное неадекватными действиями власти, но механизм самозащиты, отторжения власти «чужой» и возвращения власти «своей». Логика русского (действительно *беспощадного*, но отнюдь не *бессмысленного*) бунта реализуется в народном движении *от власти к Власти* — от ее *дисфункции* к ее *эвфункции* (в терминах социологического функционализма) или *от империи к Империи* (в терминах макро- и метаистории).

Власть в Империи призвана служить в первую очередь не инструментом согласовывания частных интересов, а выразителем коллективной воли и миссии народа (народов), демиургом ее целеполагания в истории человечества. Она дает и обществу, и индивиду социальный смысл жизни как Служения, позволяет преодолеть экзистенциальный трагизм «заброшенности» одинокого человека в космос мировой истории, подняться над бессмыслицей бесконечной индивидуальной борьбы «конечного», смертного человека, ощутить причастность надындивидуальной целостности, найти надежную опору, находящуюся вне времени — тем более, вне всяких *смутных времен*.

В этом смысле *Империя* есть, конечно, утопия. Но это работающая, и как показывает история, эффективно работающая утопия[1]. Однако в самом существе империи уже заложен изначальный антагонизм между утопическим стремлением к воплощению идеальных ценностей и невозможностью их совершенной реализации на практике, в ценностях конкретно-исторических. В этом взрывоопасном взаимопроникновении *утопии* и *истории* кроются и причины устойчивости империй, и причины циклически повторяющихся имперских кризисов — смут. В таком контексте, историческая функциональность смуты как раз и заключается в восстановлении баланса между Утопией и Историей в жизни Империи и сознании ее жителей.

Таким образом, *Смутные времена* в имперской истории являются периодами своеобразной «переоценки ценностей», связанной с обновлением базового комплекса идеологем (восстановлением соразмерности соотношения между сакральными сверхзадачами и реальными земными ценностями, между метафизическим смыслом Империи и его официальным выражением) и воссоединением живой психологической связи между Народом и Властью (возрождением самосознания имперского общества как целостного субъекта истории, возвращением утраченной цельности переживания жизни как *служения*).

Другими словами, *Смута* начинается с идеологического банкротства государства и психологического отчуждения народных масс от властной элиты, утратившей в их сознании имперско-историческую легитимность, и заканчивается с приходом к власти политической силы, идеологически и психологически адекватной массам, изоморфной Имперской традиции.

«Имперскость» («Державность») России предполагает наличие особой формы *единения власти и народа*. Народ выступает не только строителем Державы, но и является ее цивилизационным фундаментом, хранителем базового минимума державных ценностей. Власть не только реагирует на новые вызовы времени, но и обеспечивает историческую преемственность Державы, согласовывая относительность инновационных действий с безусловностью непрерывности нормативно-ценностного единства со своим народом.

В рамках такой модели, народные массы обеспечивают историческую статику функционирования Державы, а властные элиты — динамику.

Державный формат России объективно предполагает наличие (и периодическое воспроизводство) целого комплекса специфических качеств российской власти, которые служат для народа своеобразными индикаторами ее внеюридической легитимности, социокультурной преемственности, идентификации в массовом сознании как *«своей»* — и демаркации *«чужой»*:

- *метафункциональность Служения — субфункциональность обслуживания,*
- *мессианизм — секулярность,*
- *идеократичность — безыдейность,*
- *авторитарность — компромиссность,*
- *централизованность — раздробленность,*
- *унитарность — полицентризм,*
- *единовластие — многовластие,*
- *персонифицированность — обезличенность,*
- *иерархичность — разветвленность,*
- *патернализм — партикуляризм,*
- *почвенность — искусственность,*
- *ориентация на Державность — компрадорство,*
- *изоморфность — аморфность,*
- *«твердость» — «слабость»*
- *… и т. п.*

Мониторинг и системный анализ этих индикаторов (как статусных «маркеров» российской власти) позволяет в любое время протестировать («прозвонить») состояние системы взаимодействия власти и общества России на предмет идеологической и психологической готовности Державы к очередным модернизационным мероприятиям и оценить вероятность исторического срыва государства и общества в очередную смуту.

В последнее время уже вполне оформилась историографическая традиция особо выделять три большие (и даже «Великие») смуты отечественной истории. Само собой напрашиваются параллели.

В ходе **первой** смуты — «классической», парадигмальной для России Нового времени («Смуты 17-го века») — сначала были сотрясены основания средневекового Московского царства, но затем оказались массово — «всесословно» и «всенародно» — отторгнуты и антидержавные прозападнические действия элит, вместе с самими элитами, вступившими на путь открытого сотрудничества с интервентами.

В итоге Россия была подтолкнута к имперскому пути.

В ходе **второй** смуты — «модернистской», детерминировавшей основные параметры для России Новейшего времени («Смуты 17-го года») — сначала посыпалась по «эффекту домино» вся романовская империя, но затем были ликвидированы (вместе с их носителями) и все наносные либерально-демократические декорации. Временное правительство (временщики, самоназваные «правителями») и вяло поддерживающие его «демократические» партии стали коллективным Лжедмитрием новой смуты — и в некотором смысле повторили его судьбу. Постфевральская «демократия», идеологически и психологически не адекватная массовому сознанию[2] (являющемуся подлинной доминантой смут и революций в России и детерминантой побед и поражений конкурирующих политических альтернатив)[3], была химерой и фикцией — и закономерно оказалась сметена протестной стихией масс, инструментализированной большевиками[4].

В конечном итоге возникла новая — еще более могущественная империя — Советский Союз.

В ходе **третьей** смуты — «постмодернистской», определяющей основные контуры нынешней и, возможно, грядущей России («Великой смуты», начавшейся на исходе прошлого века) — дошла очередь и до не справившейся с вызовами современности советской империи, на руинах которой по сию пору ищет и никак не обрящет себя «Новая Россия».

Об итогах этого процесса говорить преждевременно. Однако, как говаривал маркиз Галифакс, «лучший способ догадаться, что будет — припомнить, что уже было».

Пределы модернизации общества определяются массовым сознанием, успешность власти в проведении масштабных социальных преобразований определяется ее способностью мобилизовать массы. Вестернизированные либерально-демократические идеологемы в России являются внешними по отношению к социокультурным кодам массового сознания — более того, при сопоставлении образуют целую систему бинарных оппозиций — по принципу «*чужой-свой*»[5].

Но для очередного модернизационного прорыва требуются идеологемы и действия власти, направленные на их актуализацию и практическое использование[6], способные найти живой отклик в массах — по принципу «*свой-свой*»[7].

И генезис, и ход, и итоги Смуты 17-го года, как и Смуты 17-го века, подтвердили неслучайность воспроизводства *имперской* модели единения власти и народа. Эта имперскость заключается не столько в масштабности освоенных пространств и ресурсов, гетерогенности структур и экспансивности исторических проявлений, сколько в наличии всемирно значимой Идеи, консолидирующей власть и массы в одухотворенное социальное целое, в единого субъекта мировой истории, имеющего цель и смысл, выполняющего определенную историческую миссию.

Смуты — это болезни империй, и, теоретически, всякая болезнь может закончиться выздоровлением, а может и смертью. Но Империи не умирают, пока в народном сознании живы соответствующие Императивы. И когда это так — стремительный распад Империи также стремительно перерастает в ее воссоздание, а на место кратковременно находившихся у власти императоразрушителей надолго приходят императоростроители. Логика массового сознания в разворачивании русской смуты спиралевидна: бегство народа от «чужой» власти неминуемо переходит во всенародное бегство к власти «своей», самозваных перед народом лжемонархов сменяют званые народом династии, за Февралем следует Октябрь.

Таковы тезисно некоторые (увы, по соображениям объема урезанные и вырванные из контекста) штрихи исторической ретроспективы российской смуты. Какова же перспектива?

Очевидное отторжение власти и народа в период агонии советской империи и дискретного провала идентичности исторически конкретного общества на постсоветском пространстве рубежа тысячелетий сменяется попытками власти нащупать «почву» и реанимировать органические связи в системе «Власть — народ».

Остановимся на свежем примере. Волна обсуждения статьи Д. А. Медведева «Россия, вперед!»[8] прокатилась по различным общественно-политическим институтам, ведомствам и научно-образовательным центрам страны, ощутимо напомнив времена «всенародной» решимости «претворять решения в жизнь». Однако и этот президентский проект, несмотря на отдельные апелляции к великому прошлому российского народа и его власти, нельзя всерьез считать идеологической основой мобилизации масс на очередной модернизационный скачок. И при императорах, и при генсеках нашему народу удавались великие дела, когда он был убежден, что выполняет великую миссию, что за нашей властью не только сила, но и Правда (в которой, как известно, Бог). Идеократической имперской тройкой, в которую долго запрягали для быстрой езды неповоротливую Российскую Державу Романовы, были: *«Православие, Самодержавие, Народность»*. Советскую империю коммунисты перезапрягли в аналогичную тройку: *«Социализм, Диктатура, Партийность»* (или *«Коммунизм, Партия, Советскость»*).

Что предлагается Вождями Новой России сегодня? *«Инновации, Демократия, Процветание»*? Но ни «процветание», ни «качество жизни» сами по себе не могут служить *смыслом* жизни — ни человека, ни общества. Стиль обращений к народу Медведева — стиль западного прагматичного менеджера, но не исторической Русской Власти. Когда на первое место ставят прагматизм и технологии, а смысл и идею — на потом, то для России это называется: «*телега впереди лошади*».

Надо признать — массы вообще не заинтересованы в инновациях и модернизациях — ни при Александре-Николае, ни при Ленине-Сталине, ни при Путине-Медведеве. Для этого нужна вера! А во что? В нанотехнологии?.. Власти нужна Воля и Идея, при этом надо опираться на свою историю, а не на чужую. Массам нужны Смысл и Стимул, при этом надо ориентироваться на

реалии массового сознания, а не на элитарный рационализм и индивидуализм.

Возьмем для примера только один, но очень важный и характерный момент — чуть ли не главным пороком народного сознания российская власть сегодня считает *патерналистские настроения*. Но патернализм есть органичное русскому народу чувство, дающее силу созидать, *не зря* жить и *не зря* умирать в истории. Стремление к единству в большой семье — это инстинкт народа. И акцентирование властью того, что каждый должен рассчитывать только на себя, вступает в конфликт с этим могучим инстинктом.

Такая попытка стерилизации народного сознания ведет к бесплодности. Не народа, а власти в первую очередь.

В этом смысле осуждение на высшем уровне патерналистских ожиданий народа (причем «патернализм» отождествляется Кремлем не с социальным чувством своего Отечества как своей родной семьи — Родины! — и «своей» власти, а с гражданским инфантилизмом, иждивенчеством, безынициативностью и безответственностью) наглядно свидетельствует, что конфликт Власти и Народа в современной России не разрешен. Пренебрежение естественным народным патернализмом выглядит не просто как элитарное отчуждение просвещенной власти от темного народа. Оно напоминает односторонний отказ государства от обязанности быть отцом своему народу (в его Отечестве!), от выполнения священного и освященного *отечественной* историей *родительского* долга.

Но, как водится в России, — ***если власть не родитель своему народу, то она рождает смуту.***

Увы, пока власть не опирается на народ, понимая особенности его характера и умея их мобилизовать в качестве объективного фактора отечественной истории, а напротив, призывает народ к утопической борьбе со своим историческим характером в попытке реализовать амбиции власти. И это значит: смута не закончена.

Но то, что власть демонстрирует (пусть хотя бы на словах) готовность к диалогу с обществом, то, что мы сейчас можем свободно обсуждать такую проблему, в том числе на этом круглом столе, — дает определенные основания для оптимизма.

Исторический опыт убедительно свидетельствует, что системные преобразования в нашем обществе не мыслимы в конфликте государственных и партийных идеологем с Державной идеей России и представлением о ее исторической Миссии в общественном сознании. *Попытки тех или иных властных и околовластных «элит» искусственно трансплантировать чуждые ему политико-правовые реалии, механически претворяя в жизнь идеи, органически с ним не совместимые, — не только теоретически ошибочны, но и практически опасны.*

От того, насколько властью и обществом постсоветской России будет осмыслена история крахов и возрождений Державы, во многом зависит не только возможность бытия России как империи, но и глобальное будущее современного мира. Необходимо осознать: Державная идея России — это не только узнаваемый тренд русского сознания, Державная идея — это демиург российской истории. И поиски Идеи в России — это не просто *«старинная русская забава»*, как пошутил В. В. Путин[9], — это попытки нащупать утраченную Державную «почву», лишь опираясь на которую Россия может осмысленно и эффективно продолжать свою историю в человечестве.

Представленная настоящими тезисами концептуальная модель функционирования системы взаимодействия власти и общества в России подтверждается огромным фактическим материалом и наглядно доказывает, что жизнеспособность политического режима, стабильность и исторические перспективы власти определяются адекватностью своему народу и собственной исторической почве.

При подготовке и осуществлении отечественных реформ необходимо учитывать подобные исследования, которые способствуют пониманию природы и механизма

массовых движений в России и своевременному блокированию деструктивных тенденций в поведении масс и элит. Не только ученым, но и политикам не следует забывать, что многие идеализируемые черты русского национального характера, действительно имеющие огромный положительный потенциал, отнюдь не исчерпывают весь спектр реальных проявлений отечественной ментальности. Они имеют и оборотные стороны, чреватые проявлением самых разрушительных потенций, если власть забывает, что в основе стабильности общества лежит прежде всего общественное сознание.

Можно долго дискутировать, считать ли *мифом* существование России как *Империи*, в смысле земного оплота Императива, и *Державы*, в смысле силы, сдерживающей Зло. Но История свидетельствует: когда наш народ увлечен Идеей, созвучной его внутреннему историческому зову, то он действительно оказывается способен на великие свершения. И наоборот: положительные черты народной ментальности выворачиваются своей разрушительной изнанкой, когда власть подрывает веру в себя как выразителя Державной идеи.

Только на основе последней наш народ сможет вновь реально воплотить в жизнь установку власти «*Россия, вперед!*».

Библиография

[1] *Марченя П. П.* Держава и право в русском сознании // Философия хозяйства. — 2006. — № 1. — С. 138—144.

[2] *Марченя П. П.* Массы и партии в 1917 году: массовое сознание как доминанта русской революции // Новый исторический вестник. — 2008. — № 2 (18). — С. 64—78.

[3] *Марченя П. П.* Изучение массового сознания революционной эпохи 1917 г. в отечественной исторической науке // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История России». — 2009. — № 17. — С. 212—227.

[4] *Марченя П. П.* Политические партии и массы в России 1917 года: массовое сознание как фактор революции / // Россия и современный мир. — 2008. — № 4. — С. 82—99.

[5] *Марченя П. П.* Массовое сознание и мировоззренческие императивы самобытного пути России (на примере исторического выбора 1917 года) // Философия хозяйства. — 2004. — № 3. — С. 180—187.

[6] *Марченя П. П.* Партийные идеологемы в массовом сознании «демократической» России: власть и массы от Февраля к Октябрю 1917 г. // Вестник Поморского ун-та. Серия «Гуманитарные и социальные науки». — 2009. — № 3. — С. 11—17. (Электронный ресурс: http://scipeople.ru/publication/65646/).

[7] *Марченя П. П.* Психология масс и партий в русской революции: от Февраля к Октябрю 1917 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». — 2009. — № 3. — С. 23—34. (Электронный ресурс: http://scipeople.ru/publication/67374/).

[8] *Медведев Д.* Россия, вперед! // Газета.Ru. — 2009. — 10 сентября. (Электронный ресурс: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml).

[9] *Путин В.* Послание Федеральному Собранию РФ Президента России Владимира Путина, 26 апреля 2007 г. // РГ. — 2007. — 27 апреля. — Федер. вып. — № 4353. (Электронный ресурс: http://www.rg.ru/2007/04/27/poslanie.html).

И. В. Михайлов

РОССИЙСКИЕ СМУТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

После падения коммунизма кризисный ритм российской истории стал настолько очевиден, что можно говорить о складывании историографии «российских смут». Импульс был задан попытками сравнения опыта Смутного времени[1] и, разумеется, Октябрьской революции и «эпохи реформ» 1990-х годов в рамках несостоявшихся альтернатив. Некоторые авторы уже в 1990-е годы заговорили о том, что события начала XX в. и его конца в равной мере были связаны с закреплением в российском социальном пространстве спектра бинарных оппозиций, обернувшимся революционным расколом общества[2]. Здесь сыграла свою роль оценка Ю. Лотманом российской системы под углом зрения «культуры взрыва». В свое время он писал, что «идеалом бинарных систем является полное уничтожение уже всего существующего как запятнанного неисправимыми пороками… В бинарных системах взрыв охватывает всю толщу быта... Первоначально он привлекает самые максималистские слои общества поэзией построения «новой земли и нового неба». При этом «характерная черта взрывных моментов в бинарных системах — их переживание себя как уникального, ни с чем не сравнимого момента во всей истории человечества»[3]. Понятно, что новый взрыв неизбежен по мере массового разочарования в некогда достигнутом.

Характерно, что еще до 1993 г. некоторые историки высказывали взгляды, сопоставимые с идеями Лотмана[4]. Однако, в «новой» России закрепилась практика совершенно иного — чисто *политического* — осмысления старых и новых «смут». Это заметно даже в проектах посвященных осмыслению русской революции в «контексте истории», то есть большого исторического времени[5]. И хотя западные историки оценивали Октябрьскую революцию и

«перестройку» с «эпохой реформ» 1990-х гг. в контексте социального экспериментирования элит *над* русским народом, осуществляемых *при* его вольной или невольной поддержке[6], российские авторы (среди которых преобладали политологи) предпочитали социальную составляющую двух последних «смут» не замечать.

Такой подход стыковался с работами А. Янова, пытающегося рассмотреть цикличность русской истории под углом зрения реформ и контрреформ[7]. Ценность подобного подхода сомнительна, ибо слишком заметно желание упрочить либеральную историографическую традицию, «подкрепив» ее теорией модернизации[8]. Заведомая идеологизированность такого подхода чревата вульгаризацией российского исторического процесса как противоборства «конституционализма» и «авторитаризма». Не удивительно, что некоторые авторы заговорили о «цивилизационных альтернативах» российского исторического процесса, в ряду которых Андрей Курбский представал первым русским конституционалистом[9]. Отрыв от исторических реалий всегда чреват умозрительностями или политическими спекуляциями.

Некоторые авторы, взявшись рассматривать российские смуты в рамках теории модернизации, выражают недоумение: «Начиная с раннего Нового времени и заканчивая постперестроечным периодом, процесс модернизации на российской национально-исторической почве обнаруживает некоторые инвариантные черты. В частности, фактически все этапы российской модернизации в той или иной степени сопровождались если не историческими срывами, откатами назад, то пробуксовкой процессов реформирования»[10]. Но стоит ли вообще укладывать российские смуты в прокрустово ложе прогрессистской доктрины, чисто формально сдобренные неофрейдистскими теориями?

В современной российской обществоведческой литературе стремление вынести историю революции за пределы ее конкретно-исторического событийного ряда, отбросив при этом европоцентристские теории прогресса,

все же весьма заметно. Существует, в частности, и такое, довольно распространенное политико-бытовое представление о кризисах в истории России: «Смуты — ответ на деспотизм абсолютной власти; тирания — разрешение, данное народом тирану после урока смуты»[11]. Обнаруживается также стремление поставить революцию в некий «роковой» ряд трагических событий русской истории. «Революция стала судьбой России», — заявляют современные филологи, отмечая, что это произошло вопреки былым предсказаниям русских мыслителей[12]. При этом для некоторых философов (привыкших рассматривать историю России сквозь призму русской литературной классики), революция — это результат поражения европейской (петербургской) империи восточной (московской) деспотией[13].

Но крайние мнения этим не исчерпываются. Так, В. Соловей предпочитает опираться на работы Дж. Голдстоуна, попытавшегося дать определение революции «четвертого поколения»[14], для того, чтобы доказать, что кризисы — естественная форма движения России в историческом пространстве и времени[15]. Впрочем, подобные попытки делались давно. На деле универсалистские теории революции весьма ненадежны, исследователю следует исходить из анализа конкретных системных кризисов, пережитых Россией.

Разумеется, этому мешает всеобщая интеллектуальная мода на поношение революций, характерная не только для современной России, но даже для Франции. Непривычно сильным является давление на исследователей со стороны современных mass media[16].

Тем не менее, в России наметились весьма основательные попытки приближения к общей теории российских смут. Так, А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко связали четыре «катастрофы русской истории» (первая — монгольское нашествие) с последовательной гибелью киевской, московской, романовской и советской государственности[17]. Кризисы объяснялись расколом[18] и/или манихейским типом цивилизации[19]. Такой подход смотрится

более убедительно, хотя и он отнюдь не приближает к осмыслению «анатомии смуты». И все же следует признать, что и в нынешнее время в России народ, *mass media* и власть фактически существуют в разных пространственных, временных и социальных измерениях — отсутствует даже подобие духовного единства общества. Таким образом, «фактор раскола» в российской истории присутствовал и присутствует, предложенный авторами подход «работает».

В свою очередь, Соловей объявил три российские смуты (XVII века, 1917 года и современную) «локомотивами» необычайно «успешной» русской истории[20], что очень похоже на культурологическую модернизацию марксистских теорий. Примечательно, что отмечая «метафизический» характер российских смут, он утверждает, что в результате их осуществлялась «смена социокультурной русской традиции»[21]. При таком подходе возникает риск оказаться во власти метафор, на которые отважиться тем легче, чем меньше соприкасаешься с конкретно-историческими реалиями. Получается, что, с одной стороны, «русская Смута хронологически укладывается в эпоху Модерна», с другой — все «русские революции могут служить прекрасной иллюстрацией китайских натурфилософских представлений»[22]. По поводу сочинений (написанных очень выразительно) Соловья можно сказать словами Лотмана: «Искусство — это всегда торжество мира условного над миром факта»[23].

Сегодняшние историографические подходы, несомненно, складываются под влиянием развала СССР. Строго говоря, современная российская власть сама невольно подсказала необходимость сравнительного изучения российских смут, отменив празднование Октябрьской революции и предложив вместо него празднование окончания Смутного времени. Но российские историки, вопреки привычке следовать указаниям сверху, так и не уцепились за возможность разработки «перспективной темы». Очевидно, для этого требуется более высокий уровень обобщения, к которому они не привыкли.

Характерно в связи с этим заключение известного итальянского историка Витторио Страды о том, что «В истории России XX в. имеет место провал, каких не знала ни одна из европейских стран, как бы конкретно не называлось такое зияние»[24] (здесь заметно влияние «Зияющих высот» А. Зиновьева). Некоторые западные авторы связывают кризисную «уязвимость» Российской (и советской) империи с тем, что она, составляя социокультурное целое, вместе с тем оставалась периферией Европы, наиболее чутко реагирующей на общеевропейские катаклизмы[25]. Такой подход полностью расходится с либеральными представлениями о том, что в 1991 г. Россия перестала быть империей. (Либеральным российским авторам империя кажется злым исключением из демократических правил, хотя западные исследователи давно признали, что империя один из наиболее распространенных типов государств в истории[26]). Так или иначе, проблематика российских смут связана с осмыслением особенностей российского имперского комплекса, с одной стороны, с проникновением в особенности российской ментальности — с другой. Но существует и другая сторона проблемы: связь российских кризисов с общеевропейскими кризисными процессами.

Несомненно, что в российской смуте начала XX в. совершенно четко прослеживается своеобразное совпадение кризисных ритмов российской и мировой истории. Очевидно также, что в смутах начала XVII в. и конца XX в. «внешний фактор» весьма заметен. Если так, то российские смуты надо оценивать не с позиций пресловутой теории модернизации, а с точки зрения внутриимперского социокультурного разрыва, произошедшего под влиянием ложного усвоения, а затем торопливого отбрасывания «универсального» опыта. Очевидно, что в силу этого две последние смуты были грандиозными событиями не только российской, но и мировой истории.

К настоящему времени наиболее основательно подошел к проблемам российских имперских смут В. П. Булдаков, показавший, что каждая из них проходит

несколько стадий: этическую, идеологическую, политическую, организационную, социальную, охлократическую, рекреационную[27]. Автор начинает с весьма агрессивной критики современной «революциологии»: «В русской истории много трагичного, в российской «историософии» — комичного» — этими словами начинается книга. В сказанном много верного, и желание автора отскоблить от себя коллективную аналитическую робость советских десятилетий» понятно и справедливо — особенно, учитывая, что идейные потребности нынешней «демократической» России по-прежнему обслуживают люди, вышедшие, по словам Ю. С. Пивоварова, «не из гоголевской, а из марксистско-ленинской шинели, сшитой на фабрике "Большевичка"»[28]. Впрочем, по мнению Булдакова, революцию едва ли не всегда предчувствовали, но никогда не умели предугадать ее исход. С чем это связано? Главная причина в том, что революцию изучали «не с того конца», забывая, что, если ее начало связано с кризисом власти, то исход — с психоментальностью масс, уставших от смуты. Так было на протяжении веков. «Взгляд на изменчивую судьбу российской империи (включая СССР) в масштабах большого исторического времени и пространства — вот чего одинаково недостает и политикам, и политологам, и, наконец, обывателям, верящим тем и другим»[29], — пишет автор. Между тем, пережив «эпоху реформ», следовало бы попытаться осмыслить не только 1917 год, но и Смуту XVII века с позиций повторяемости российских кризисов. Постановка вопроса о том, почему Российская система периодически разрушается и что способствует этому изнутри и извне, давно назрела.

У современного читателя, вероятно, вызовет недоумение постоянное подчеркивание Булдаковым традиционной неизменности российской системы. Фактически он отрицает существование в истории России полноценных сословий, сложившихся классов, наконец, собственно общества. Но ведь именно извечное стремление российских авторов разглядеть в смутах «классы и партии» сдерживали и сдерживают исследовательский процесс.

Переоценка взглядов на российскую историю должна начаться именно с отбрасывания «устоявшихся» понятий.

Примечательно, что подход Булдакова имеет точки соприкосновения с классической работой С. Ф. Платонова, выделявшего этапы «боярской смуты», перенесения ее в воинские массы, открытой общественной борьбы, разделения государства между тушинской и московской властью (своего рода двоевластие), наконец, возрождения власти в результате образования «земского правительства»[30]. Разумеется, в работе Платонова (1899 г.) не обошлось без известного рода модернизации российского исторического процесса. В отличие от него Р. Скрынников делает упор на то, что в результате правления Ивана Грозного «опора монархии оказалась расщеплена», а «главной причиной» смуты называет раскол, «поразивший дворянство и вооруженные силы государства в целом»[31]. Таким образом, оба исследователя Смуты отмечают крайнюю зыбкость российского социального пространства.

И все же стоило бы заметить, что две последние российские смуты отличаются от первой тем, что они развивались в условиях «догоняющего развития». А это, между прочим, чревато априорной ориентацией на «чужую» модель развития, искаженными представлениями о реальных потенциях «своего» общества, нескоординированностью целей элит с массовыми представлениями о прогрессе[32]. Поэтому, говоря о российских смутах, имеет смысл выделять смуты средневековья, и революции эпохи модерна.

Российские авторы не желают задумываться над тем, что в разные исторические эпохи был «закинут» фактически один и тот же (по крайней мере, применительно отношению к власти) *Homo rossicus*. То же самое можно сказать об устойчивости авторитарного типа государственности. Обществоведы избегают постановки вопроса о «генах» революции. В значительной степени это связано с давление политики: «официальная» историческая память, концентрирующаяся на государстве, а не на его подданных, в полном смысле слова парализует историческое знание в России.

Так насколько устойчивым оказался менталитет россиянина, в какой степени это сказалось на течении «старых» и «новых» смут?

Некоторые авторы (В. Д. Зимина) считают первоочередной исследовательской задачей изучение «суммы ментальностей, в которые погружены различные исторические феномены, погруженные, в свою очередь, в свой специфический эфир (ментальность эпохи)»[33]. Однако в современной российской историографии эта фраза остается бесполезным пожеланием, пустым штампом, поскольку конкретно-аналитический инструментарий для решения такого рода задач не указан. Более того, не определена даже конкретная источниковая база, позволяющая продуктивно продвигать подобный подход. Работы самой Зиминой о российской контрреволюции[34] ничуть не объясняют как это можно сделать, ибо не выходят за рамки рассмотрения «модернизаторского» политико-экономического процесса, несколько раскрашенного «цивилизационной» риторикой. Из некоторых других работ, вроде бы нацеленных на изучение базовых компонентов российской ментальности[35], также невозможно понять: то ли «мифы сознания» обусловили смуту, то ли смута привела к основательным ментальным подвижкам.

В значительной степени исследованию российской революции мешают известного рода «ценностные» оценки. Революцию объявляют то великой, то ужасной, ее воздействие на историю оценивается то «негативно», то «позитивно». «Негативное и позитивное воздействие Октябрьской революции, — пишет академик Ю. А. Поляков — удивительно широко и многообразно. Вопрос о месте и роли Октября в контексте истории России и мировой истории включает множество сложных, требующих анализа и обобщений проблем. Они с наличием противоположных взглядов, с дискуссиями будут изучаться многими поколениями ученых, причем не только в России». А, если так, заключает он, то «дискуссии не закончатся никогда»[36].

Если исходить из вкусов современности, то споры с российских революциях и смутах, действительно, будут

бесконечными. Но вряд ли они окажутся плодотворными, ибо смуты должны оцениваться объективно, в пространстве большого исторического времени, а не с точки зрения морали нынешнего дня. Сегодня очевидно, что чем выше накал страстей, тем меньше мы способны понять истоки и смысл наших прошлых и будущих социальных потрясений.

Библиография

[1] *Кобрин В. Б.* Смутное время — утраченные возможности // История Отечества: Люди, идеи, решения. — М., 1991.

[2] *Березовский В. Н.* Президент — Верховный Совет: военно-политическая развязка властного противостояния. Причины и следствия // Новый «Октябрь» в оценке историков. — М., 1994. — С. 66.

[3] *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. — М., 1992. — С. 258.

[4] См.: *Булдаков В. П.* Куда качнется маятник // Родина. — 1990. — № 8*; Его же.* Возвращение в город Глупов: Вариации на темы истории и современности // Татьянин день. — 1992. — № 5.

[5] См.: Русская революция в контексте истории. Материалы региональной научной конференции (Томск, 6—8 ноября 2007 г.). — Томск, 2008. Среди почти четырех десятков статей этого сборника (в целом весьма содержательного) лишь в 2—3-х революция оценивается в длительной перспективе.

[6] См.: *Treadgold D. W.* Boris Yel'tsin and the Russian Revolution of 1991 // The Soviet and Post-Soviet Review. — 1994. — Vol. 21. — № 1; *Fish S. M.* Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution. — Princeton, 1994; *Daniels R. V.* Perestroika, the Post-Soviet Regime, and the Process of Revolution in Russia // Problems of Post-Communism. — 1999. — Vol. 46. — № 3 (May-June); *Roeder P.G.* The Revolution of 1989: Postcommunism and the Social Sciences // Slavic Review. — 1999. — Vol. 58. — № 4; *Service R.* Russia, Experiment with a People from 1991 to the Present. — London, Basingstoke and Oxford, 2002.

[7] См.: *Янов А.* Тень Грозного царя. — М., 1997. — С. 124—159.

[8] См.: *Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С.* Реформы и контрреформы в России. Цикл модернизационного процесса. — М., 1996.

[9] См.: *Сахаров А. Н.* Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России // Отечественная история. — 2000. — № 5. — С. 7, 8, 10, 12.

[10] *Николаева И. Ю.* Проблема методологического синтеза и верификации в свете современных концепций бессознательного. — Томск, 2005. — С. 266.

[11] *Любарский Г.* Чиновники и госслужащие: когда монету ценят за герб и ругают за решку // Социальная реальность. — 2006. — № 1. — С. 76.

[12] *Бочаров С.* Тютчев: Россия, Европа и революция // Vittorio. Международный науч. сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды. — М., 2005. — С. 139.

[13] *Кантор В. К.* Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. — М., 2008.

[14] *Goldstone J.* Comparative Historical Analysis and Knowledge Accumulation in the Study of Revolutions // Comparative Historical Analysis in the Social Sciences. — Cambridge (Mass), 2003. — P. 81—82.

[15] См.: *Соловей В. Д.* Русская история: новое прочтение. — М., 2005; *Его же.* Смысл, логика и форма русских революций. — М., 2007.

[16] См.: Историография Нового и Новейшего времени стран Европы и Америки. — М., 2000. — С. 271–275.

[17] См.: *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? — М., 2005.

[18] См.: *Ахиезер А. С.* Специфика исторического опыта России: трудности обобщения // Pro *et* Contra. — 2000. — Т. 5. — № 4; *Ахиезер А.С. [и др.].* Социокультурные основания и смысл большевизма. — Новосибирск, 2002.

[19] *Пелипенко А. А., Яковенко И. Г.* Культура как система. — М., 1998. — С. 284.

[20] *Соловей В. Д.* Русская история: новое прочтение. — С. 197, 7—9.

[21] Там же. — С. 196, 201.

[22] Там же. — С. 13, 23.

[23] *Лотман Ю. М.* Указ. соч. — С. 186.

[24] *Страда В.* Россия как часть и Иное Европы // Линия судьбы. Сборник статей, очерков, эссе. — М., 2007. — С. 11.

[25] *Ливен Д.* Россия как империя и периферия // Линия судьбы. — С. 46.

[26] См.: Le Concept d'Empire / Ed. M. Duverger. — Paris, 1980.

[27] *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. — М., 1997. — С. 343; *Его же.* Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. — М., 2007. — С. 81—106.

[28] *Пивоваров Ю. С.* Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. — М., 2006. — С. 159.

[29] *Булдаков В. П.* Quo vadis? — С. 40.

[30] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смутного времени. — М., 2009.

[31] *Скрынников Р. Г.* Смутное время. Крушение царства. — М., 2007. — С. 5, 778.

[32] *Журавлев В. В.* Реформы конца XX столетия в контексте исторических традиций России // Линия судьбы. — С. 45.

[33] *Зимина В. Д.* Предисловие // История России. 1894—1917. Лекции и учебно-методические материалы. — М., 2005. — С. 4.

[34] См.: *Зимина В. Д.* Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны. — М., 2006.

[35] См.: *Сухова О. А.* «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). — Пенза, 2007; *Ее же.* Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. — М., 2008.

[36] *Поляков Ю. А.* Октябрь 1917 года: дискуссии продолжаются // Политические партии в российских революциях в начале XX века. — М., 2005. — С. 295.

Е. В. Павлова

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ САМОДЕРЖАВИЯ: К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ СМУТЫ

Под смутой принято называть системный кризис государственности. Невозможность власти решить насущные проблемы общества, ее некомпетентность становятся первопричиной революционных процессов, которые приводят к изменению сложившейся политической системы в целом. Такие изменения происходят не только в социально-экономической и политической сферах общества. Но и сопровождаются, а зачастую им предшествует, мировоззренческая трансформация. В основе революционных событий лежит разрыв прежних социальных связей, связей между властью и элитой, властью и массами. А потому, Смута — это кризис представлений, прежде всего, — о власти, о том, какой должна быть власть[1]. Изменение восприятия власти происходит не сиюминутно. Это растянутый во времени процесс, имеющий различные формы выражения относительно тех или иных исторических реалий и периодов.

Говоря о революции 1917 года, принято подразумевать крушение империи. В основе легитимации имперской, самодержавной власти было представление о ее богоданности, сакральности. К моменту революции произошла такая трансформация представлений о власти (имеется ввиду императорской), которая утвердила тезис о ее неспособности далее руководить страной, а иногда и даже враждебности «народу».

Десакрализация самодержавной власти являлась одним из важнейших атрибутов генезиса Смуты, поскольку проявила идеи изменения политического строя в корне, и цареубийства, в частности. Процесс десакрализации начал оформляться еще в первой половине XIX в., когда вопрос о сущности самодержавия и прерогативах императорской власти занимал центральное место в идеологии российского

консерватизма и либерализма, в построениях радикалов. Поэтому проблема восприятия образа монарха и цареубийства является одной из ключевых, она затрагивает вопросы изменения представлений о монархической власти, о ее преемственности и легитимности, а также о месте самодержавия в социально-политической и духовной жизни России. Идеи Просвещения. поставили под сомнение сакральный смысл монархии, а Французская революция и переворот 1801 г., привели к рефлексии на обозначенные темы.

Русское общество в массе своей оставалось традиционалистским. В законодательстве самодержец признавался властью верховной, юридически обозначенной как державная, священная, нерушимая, не ограниченная, и неподсудная никому, кроме Бога. В христианском учении самодержавие утверждалось как власть священная и богоустановленная. Несмотря на это, в указанный период обнаруживается тенденция к десакрализации власти самодержца.

В большинстве исследований, касавшихся первой половины XIX в., весь комплекс проблем, связанных с событиями этого периода, рассматривался только с позиции изучения явлений политических. По сути, из круга рассматриваемых тем были исключены мировоззренческие аспекты восприятия событий и идей русским обществом. В частности и идеи цареубийства.

В виду такой постановки вопроса мы сосредоточим внимание не на исследовании политических процессов, а на аксиологическом аспекте изучения отношения к цареубийству, обратим внимание на способы десакрализации власти в идеологии декабристов, представителей нарождающегося либерализма и революционных демократов.

Проблема цареубийства оказалась в центре внимания декабристов. Большинство из них воспитывались в традиционных представлениях об извечной данности самодержавия. Основополагающие понятия долга и чести исключали саму мысль о цареубийстве. Многими декабристами события цареубийства оценивались как

«преступная катастрофа»; средства, «противные справедливости и разуму», «совершаемые во мраке и в интересах отдельных лиц» (М. С. Лунин); «чудовищные и отвратительные (события) орошавшие кровью царский трон» (Н. И. Тургенев). Из показаний декабристов следовало, что большинство членов обществ признавали для России власть монархическую, некоторые мечтали о «монархической конституции»[2].

Но среди декабристов были и сторонники перемены политической системы, которые заявляли о возможности цареубийства, а их суждения о самодержавии коренным образом расходились с постулатами русской православной церкви, с религиозными представлениями о царской власти в России. Так, утверждалось, что: «Бог не любит Царей, они прокляты суть от него, яко притеснители народа, а Бог есть Человеколюбец… избрание царей противно воле Божией, яко един наш Царь должен быть Иисус Христос; присяга Царям Богопротивна. Цари предписывают принужденные присяги народу для губления его... и т. п.»[3].

Под «истинным» смыслом начертанных в Евангелии законов подразумевалось «счастье свободы». Царская же власть объявлялась похитительницей свободы, а потому — нарушительницей воли Божьей (Отмечу, однако, что такое воззрение было характерно лишь для единиц). Н. Я. Эйдельман, размышляя о революционности членов «союза» заявлял о несовместимости его с идеей самодержавия. Вступление Лунина и его товарищей в «революционный противоправительственный союз» был явлением, прежде совершенно не мыслимым, поскольку перевороты и заговоры XVIII века в основном не выходили за рамки сохранения господствующей системы и отнюдь не свидетельствовали о враждебности заговорщиков существующему строю.

Взгляд представителей радикального течения мысли на проблему сакральности самодержца и феномен цареубийства не был однозначным. Цареубийство критиковали, но при этом рассматривали его как протест

неограниченному самовластью. А. И. Герцен в 1857 г. напечатал в «Колоколе»: «Каждый, кто сколько-нибудь следил за историей русского развития с начала XVIII столетия, видит даже в самые уродливые эпохи ее, что в обществе подымаются, бродят живые силы, требующие больше, чем одного повиновения»[4], исказив сущность самодержавства. Сам принцип незыблемости самодержавной власти подвергался сомнению.

Цари предстают как кровожадные, самовластные маньяки, разрешившие окружению своевольно распоряжаться русской короной. Их восшествия на престол не были продиктованы Провидением. Да и сам Бог, как отметил Герцен, «не пойдет мешаться в эти темные дела»[5].

В императорской власти не оказывается ничего святого, ничего от Бога. Бог не ставит императоров, они сменяют друг друга посредством заговоров. Более того, императоры и императрицы не знают своего происхождения. Потому принципы легитимации (богоустановленность, династичность) нарушены. Герцен указывал на перевороты, на множество «подлогов и незаконнорождений, спутанного родства и сомнительных происхождений» династии Романовых.

Порочная власть перестает быть гарантом порядка, становится избалованной. Поэтому, феномен цареубийства и переворота Герцен объяснял тем, что возникала необходимость противостоять самовластью и тирании. Эти негативные проявления императорской власти объяснялись отсутствием исторического, народного значения петербургского трона, которому не на чем было держаться, кроме как на армии. Более того, Герцен пришел к выводу, что русская мысль молчаливо соглашалась с цареубийствами. В этом смысле самодержец утрачивает сакральность, его легко сменить, удавить, ограничить. Деятельность монарха теперь требует оправдания. При всем том, у Герцена прослеживается негативное отношение к факту цареубийства, которое не может быть оправдано даже государственной необходимостью.

Взгляды В. Г. Белинского претерпели изменение с романтическо-патерналистских до радикальных. Еще

1837 г. в своих «Литературных мечтаниях» он размышлял о народном быте, о народной жизни. Он затрагивал вопрос отношения народа к царской власти, отмечая, что царь для народа — провидение, верховная судьба, карающая и милующая по единой своей воле и признающая над собой единую волю божию…[6]. В статьях 1839—1840-х гг. говорилось о том, что «Безусловное повиновение царской власти есть не одна польза и необходимость наша, но и высшая поэзия нашей жизни, наша народность»[7]. Уже в 1840 г. Белинский указывал, что «начал любить человечество маратовски..., признавая, что не должно быть монархов, ибо монарх есть враг людям»[8].

Подавляющее большинство петрашевцев, в соответствии со своими демократическими идеалами, отвергало самодержавный строй[9]. Петрашевский говорил Антонелли, что «одно только правительство республиканское, представительное, достойно человека, потому, что и неприлично и смешно существу, одаренному разумом, и волею и самопознанием, подчинять и тело свое и душевные способности произволу другого существа, отличающегося от него только самопроизвольным деспотизмом»[10].

Петрашевцы более открыто обсуждали возможность цареубийства. При этом смертоубийство многие из них считали невозможным[11]. Из показаний Толстого следовало, что он считал, монархическую форму устаревшей, а государя винил во всех бедствиях. «Положительного плана как извести царскую фамилию» он еще не составил, считая, что это бесполезно до тех пор, «пока не будет к этому приготовлен народ (все равно выберут другого, пожалуй)»[12].

Десакрализация власти у петрашевцев по механизму похожа на декабристскую модель. Так, Ханыков говорил, что «религия, невежество — спутники деспотизма»[13]. На атеистическую атмосферу кружка петрашевцев указал Б. Ф. Егоров, отмечая, что религия воспринималась ими как насильно навязываемая система, соотносящаяся с самодержавием[14]. Отвергая основные положения учения церкви о царской власти, Петрашевцы отрицали и

божественное ее происхождение. Их толкование евангельских заповедей выполнено в «возмутительном духе». Многие идеи заповедей, найденных в бумагах студента Филиппова, созвучны тем, что изложены в «декабристском катехизисе».

В заповедях утверждалось, что есть только один бог, и нет иного бога. Поэтому, кто «преступит закон человеческий виноват только перед людьми, а кто нарушит закон божий, того покарает бог вечными муками…». В третьей заповеди утверждалось, что наименование царя земным богом является употреблением имени господнего всуе, поскольку существует один бог земли и небес. Цари же земные — «такие же люди, как и мы грешные. Царь должен быть первый слуга богу и людям, ибо в писании говорится: «Больший из вас да будет вам слуга», «кто хочет у вас быть первым — то вам раб»[15].

Принцип покорности самодержавной власти и принятия всего, что самодержец предпримет, здесь полностью искажался. Критика царя доходила до объявления слугой сатаны: «Царь, который забыл свой долг — враг богу и людям, и власть его не от бога, а от сатаны. Кто скажет: всякая власть поставлена от бога, всуе приемлет имя Господне»[16]. Петрашевцы отказывали царской власти в легитимности. Цари земные были низведены до обычного смертного, грешного.

В рассмотренных эпизодах прослеживается стремление к десакрализации самодержца, что выражалось в критике конкретных мероприятий и событий жизни самодержца; в отрицании богоданности самодержавной власти; в смене этических акцентов (добро — зло; благодать Божия — сатанинское проявление); в допущении возможности цареубийства. Это были первые симптомы проявления десакрализации императорской власти, которые подтачивали идею самодержавия. В начале XX века они приобрели необратимый характер, что сказалось на эскалации Смуты и исторических судьбах России.

Библиография

[1] *Булдаков В.* Человек смуты // Родина. — 2006. — № 11. — С. 27—30.

[2] *Павлова Е. В.* Декабристы о перевороте 1801 года и сакральности самодержавной власти // Вестник СамГУ. — № 5/2. — 2007. — С. 117—123.

[3] Катехизис Муравьева-Апостола // Восстание декабристов. Материалы. — Т. VI. М.; Л., 1929. — С. 128—129.

[4] *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. В 30 т. — М., 1954—1964. — Т. XIII. — С. 38.

[5] Там же. — Т. VI. — С. 300.

[6] *Белинский В.Г.* Собр. соч. в 9 т. — М., 1976. — Т. 1. — С. 63.

[7] Там же. — Т. 2. — С. 115.

[8] Там же.

[9] *Егоров Б. Ф.* Петрашевцы. — Л., 1988. — С. 50; *Ввозный А. Ф.* Петрашевский и царская тайная полиция. — Киев, 1985. — С. 56.

[10] Дело Петрашевцев. В 3 т. — Т. 3. — М., 1951. — С. 385—386.

[11] Об отставном подпоручике Черносвитове // Петрашевцы. Сб. материалов. В 3 т. — Т. 3. — М.; Л., 1926. — С. 260. Петрашевцы. Сб. материалов. — С. 223—231.

[12] Дело Петрашевцев. — С. 228.

[13] Там же. — С. 18.

[14] *Егоров Б. Ф.* Указ. соч. — С. 208.

[15] Дело петрашевцев. — С. 56.

[16] Там же.

С. Ю. Разин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАК ФАКТОР РОССИЙСКИХ СМУТ И РЕВОЛЮЦИЙ XX В.

По словам выдающегося русского философа Н. А. Бердяева «исторические катастрофы и переломы, которые достигают особенной остроты в известные моменты всемирной истории, всегда располагали к размышлениям в области философии истории, к попыткам осмыслить исторический процесс, построить ту или иную философию истории»[1]. Он же писал, что тайна истории раскрывается только тогда, когда «крушение жизненного строя и лада» влечет за собой «раздвоение», «расщепление» человеческого духа, побуждая его к рефлексии над «внутренним смыслом, внутренней душой истории»[2].

Соглашаясь с Бердяевым, можно сказать, что кризисы обостряют чувство «исторического». Вместе с тем постижение тайны истории невозможно без понимания смысла и механизма самих исторических катастроф и переломов. Правильно и обратное — необходимость понимания кризисов и переходных периодов требует постановки вопроса о смысле истории вообще.

Все сказанное выше, на наш взгляд, вдвойне верно применительно к российской истории. Проблема российских смут и революций — это проблема не только историческая, но, прежде всего, это проблема историософская и метафизическая. Вопрос о *Русской Смуте* — это глубинный историософский вопрос о смысле мировой истории, о самобытном историческом пути России, о смысле *Русской Истории* и *Российского Имперства*, о роли *России* в XXI веке. Это вопрос о судьбе русского народа и российской цивилизации. Понять «смуту» начала XX века — «значит понять будущее России. В конечном счете, это значит понять, наконец, место России в будущем человечества»[3]. Без понимания смысла и логики Русской Смуты невозможно осмысленное бытие России в мировой истории.

Многие исследователи считают, что сегодня есть все основания говорить о «кризисном ритме» российской истории», о ее циклическом движении — от Смуты к Смуте. Необходимость осмысления и понимания российских кризисов выступает одним из главных вызовов для интеллектуального класса и правящего слоя современной России. Без решения этой задачи преодолеть кровавый циклизм развития российского социума вряд ли удастся.

На наш взгляд, подлинное понимание смысла и социокультурного механизма Русской Смуты невозможно вне осмысления феномена Империи.

Мы исходим из того, что империи — это главные действующие лица великой драмы под названием «мировая история». Империи — это подлинные субъекты истории и геополитики. Собственно говоря, мировая история — это постоянное историческое и метаисторическое противостояние Империй и Имперских Идей. Неимперские страны и народы неизбежно становятся периферией одной из Империй. Они свою историческую судьбу не решают. Их судьба определяется соотношением сил между противостоящими друг другу Империями.

Противники такого подхода сейчас говорят о том, что «век империй прошел»[4]. XX столетие, по их мнению, стало временем крушения последних Империй.

С другой стороны сегодня есть немало ученых и публицистов, которые придерживаются диаметрально противоположной позиции и рассматривают Империю как единственно возможную в современных условиях модель развития России и альтернативу глобализации по-американски. Так, например, М. Б. Смолин пишет: «Империя — это царский путь между двумя крайностями. Путь между "глобалистской" крайностью — уничтожение самобытных национальных организмов и всесмешением их в едином "мировом государстве", с единообразным "мировым порядком", и "изоляционистской" крайностью — замыканием одной нации сугубо в своих этнических границах и интересах»[5].

Мировая история и сегодняшняя ситуация в мире, дают все основания для того, чтобы согласиться с точкой зрения В. П. Булдакова, который считает, что империи представляют собой не «дурное прошлое» человечества, а «правило всемирной истории»[6]. Даже в Западной Европе, там где, начиная с эпохи позднего Средневековья, восторжествовала тенденция построения национальных государств, имперская традиция окончательно никогда не умирала, периодически проявляя себя как инвариант ее исторического развития (Германская Империя, Третий Рейх, итальянский фашизм и т. д.). Сегодня, на наш взгляд, все основные игроки на мировой политической сцене — и США, где идея построения Pax Amerikana определяет всю внешнюю политику после Второй мировой войны, и КНР, и Евросоюз… — являются Империями.

Также необходимо учитывать тот факт, что в среде политической и интеллектуальной элиты стран исламского мира и сегодня существует идея халифата, идея единого мирового исламского государства. В свое время бывший лидер боснийских мусульман Алия Изетбегович выразил эту мысль следующим образом: «В современных условиях естественной задачей для установления исламского порядка является сближение всех мусульман, всех мусульманских общин мира. Эта тенденция означает, что необходимо бороться за создание великой Исламской Федерации от Марокко до Индонезии, от Тропической Африки до Центральной Азии»[7].

Автор солидарен с теми исследователями, которые считают, что «империя — это государство, стремящееся объединить в своем имперском организме цивилизацию»[8]. Процитированный выше Смолин пишет: «Государство в Империи дорастает до цивилизации, до целого автаркийного государственного и культурного мира. Империя становится универсальным государством»[9]. В свою очередь, С.И. Каспэ полагает, что империя характеризуется такими признаками как «значительные территориальные размеры, достигнутые путем экспансии, этнокультурная

и этнополитическая неоднородность, присутствие в механизмах легитимации и в политической практике универсалистских ориентаций, вплоть до претензий на вселенский смысл собственного бытия»[10].

По мнению В. В. Алексеева и Е. В. Алексеевой, империя «… это прежде всего этнически гетерогенная великая держава, стремящаяся к максимальному увеличению своей мощи и расширению идеологической, политической, экономической, культурной власти над другими территориями. С этой точки зрения, форма государственного правления оказывается второстепенным фактом. Главным выступает сущностное содержание — метаисторическая реализация доминирующей власти над крупными регионами мира»[11].

Но, безусловно, главным, на наш взгляд, сущностным признаком Идеократической Империи является наличие имперского мифа, имперской идеи, или, как говорили евразийцы, *«Идеи-правительницы»*, в которой выражена метафизическая сверхзадача, заключающаяся в реализации божественного замысла о человеке и мире, в установлении торжества трансцендентного Должного[12]. Имперская Идея, имперский миф есть не что иное, как платоновский эйдос, существующий вечно, рожденный в сакральном мире и приходящий и реализующийся в мире потустороннем, профанном. Должное в данном контексте представляет собой некий «апофетизованный (лишенный конкретизирующих характеристик) универсальный идеал, описывающий совершенного человека и идеальное общество»[13]. Ценности Идеократии носят иррациональный, трансцендентный по отношению к человеку характер[14].

Когда мы говорим об Империи, то необходимо учитывать, что в российской политической культуре и массовом сознании всегда присутствовал и проявлял себя взгляд, согласно которому Империя есть «особая духовно-политическая сущность, пронизывающая собой все срезы бытия»[15], связывающая воедино метафизическое и

физическое пространство русской истории, сакральное и профанное, имманентный и трансцендентный мир, Время и Вечность. Империя — это симфоническое соединение Града Небесного и Града Земного. Империя — это единый пространственно-временной континуум, единое смысловое и символическое пространство русской истории.

Имперская Верховная Власть предстает в массовом не столько как социальный институт, сколько как сакральная субстанция, стоящая над обществом, как метафизическая категория[16], земной образ идеального Должного[17]. Она «не столько регулирует локальные социокультурные процессы, протекающие в горизонтальном срезе общества, сколько связывает вынесенные за скобки реальности метафизические, вертикально иерархизованные полюса Добра и Зла, тем самым поддерживая целостность всей социокультурной системы»[18]. В этом смысле временные, только юридические «формы правления» и «формы политического режима» никакого значения не имеют. Главное для Империи — реализация Должного, выполнение своей Миссии в мире.

Империя — это служилое или, как говорил П. Б. Струве, «лейтургическое государство», где все подчинено служению Идее, где все — Власть, каждая социальная группа, каждый человек знают и выполняют свою миссию и свой Долг.

Империя является антитезой конституционного, национального государства, сформировавшегося как исторический феномен в Европе в Новое Время. В Империи снимается противоречие между национальным, местным и всемирным, вселенским. Понятие «империя» соотносится с понятием «национальное государство» так же, как понятие «цивилизация» соотносится с понятием «нация». Возникшее в Новое Время секулярное конституционное, национальное государство оказалось в европейском сознании сугубо «посюсторонним», отсеченным от метафизической реальности.

Автор разделяет позицию тех отечественных и зарубежных исследователей, которые считают, что

«применительно к России можно говорить как об империи идеократической, империи великой мессианской идеи»[19]. Ей она остается и сегодня. Империи живут до тех пор, пока живо их ментальное тело, пока живо имперское массовое сознание. Оно «делает возможным как успешное строительство империи, так и ее перманентное возрождение»[20]. В тоже время «взгляд на историю России как на историю национального государства ошибочен, и такой подход неизбежно приведет к заблуждению»[21].

Постижению смысла «Великих смут» отечественной истории может помочь правильное понимание соотношения понятий «смута» и «революция». За проблемой соотношения понятий «смута» и «революция» по сути дела скрывается историософский вопрос о месте России в системе цивилизационных, культурно-исторических и геополитических координат. На наш взгляд, правильное понимание дихотомии *«Смута — Революция»* возможно только в системах координат *«Россия — Восток — Запад»*, *«Традиция — Модерн»* и *«Империя — Национальное государство»*, с учетом оппозиций *«Архаика — Прогресс»*, *«Мифология — Рационализм»*, *«Средневековье — Новое Время»*, *«народные массы — социальные классы»*, а если использовать марксистскую терминологию, *«феодализм — капитализм»*. Термин же «революция» является, прежде всего, порождением и отображением западноевропейской и североамериканской истории Нового Времени.

Когда мы говорим о российских кризисах, необходимо помнить и понимать, что мы говорим о кризисах Империи. На наш взгляд, обозначенная выше позиция позволит подобрать ключи к решению вопроса о смысле и механизме российских смут и революций.

Сегодня историографической парадигмой стало представление о том, что в своей истории России пережила три глубочайших системных кризиса: Смута начала XVII в., революция начала XX в. и современное состояние российского общества[22]. По мнению классика отечественного «смутоведения» В. П. Булдакова, «речь во

всех случаях идет именно об империи — последнюю следует понимать в терминах культуры и цивилизации, а не только геополитики»[23].

Российская «смута» — это взрывной, действующий по законам синергетики, механизм «смерти-возрождения» государственности, цивилизации и культуры, проявляющийся в переломные периоды отечественной истории»[24]. Многие исследователи сегодня именно в этом контексте рассматривают революцию 1917 года, которая, по их мнению, «позволила не просто обновить и регенерировать империю, но и вызвать массовый всплеск пассионарной энергии, расчистившей и одновременно архаизовавшей общественное сознание»[25].

Русская Смута, двигавшаяся народными и элитарными утопиями, несшими в себе мощнейший заряд мессианизма, есть не что иное как попытка ликвидировать зазор между Должным и Сущим и реализовать Русскую Идею. Смута — это бегство в некую мыслетворную реальность Идеального Должного, бегство от власти «чужой» к власти «своей», от Государства Кривды к Государству Правды.

Тотальность империи предопределяет тотальность российской смуты. Смута охватывает не только все физическое и метафизическое пространство российского социума. Смута соразмерна Империи, ее породившей. Имперская Смута, как и сама Империя, космична по последствиям и масштабам влияния.

Глубинные причины Смуты имеют метафизический и метаисторический характер. Они кроются в несоответствии между Утопией и Историей, Должным и Сущим, Идеальным и Материальным. В свое время один из ведущих специалистов по теории модернизации, цивилизации и революции Ш. Эйзенштадт писал, что «великие революции можно рассматривать и как наиболее драматичные, а может, и наиболее успешные попытки в истории человечества осуществить на макросоциальном уровне утопические представления с сильными гностическими компонентами»[26].

На протяжении десятилетий в отечественной историографии существует идея, согласно которой ведущую роль в русской революции начала XX века играли политические партии, которые «руководили» народными массами, и их программы. Анализ документов и материалов той эпохи показывает, что это утверждение не имеет ничего общего с реальностью и является историографическим мифом.

Сознание громадного большинства населения страны находилось на «дополитическом уровне», для которого было характерно неприятие многопартийности и полное непонимание партийных программ. Социальная борьба крестьянских и рабоче-крестьянских масс проходила в «неполитическом измерении»[27].

Следует иметь в виду, что, на Западе партии формировались и функционировали как связующее звено между *гражданским обществом и национальным государством*. Ни того, ни другого в России в начале прошлого столетия не было. Нет и сейчас.

Какова же была реальная роль политических партий в системных кризисах российского общества?

Мы исходим из идеи о том, что *история есть, прежде всего, проявление скрытых процессов, вызревающих в толще исторического сознания и подсознания людей, детерминированных менталитетом, который имеет свою уникальную исторически обусловленную специфику*[28].

Исходя из обозначенной выше позиции, мы считаем, что судьба Империи, судьба Власти в смутные времена отечественной истории решается в системе архаических координат *«свой-чужой»,* в сфере мифологического массового сознания, которое являлось своеобразным социокультурным базисом Русской Смуты. Именно его инверсионная «логика», а не рационалистическая логика европейских социологических теорий, является логикой Русской Смуты. Массового сознание представляло собой совокупность выработанных на протяжении столетий в рамках Империи и Общины и передающихся из поколения в поколение жизненных

установок, принципов, моделей поведения, эмоций и настроений, имеющих системообразующий для отечественной истории характер. Именно в имперско-общинном мифологическом массовом сознании сосредоточена энергия, потенции, жизненная сила российской цивилизации.

Смутные времена в российской истории наступают тогда, когда Власть перестает, с точки зрения массового сознания, быть «своей», перестает соответствовать той цивилизационной задаче, той Миссии, которая на нее возложена. В этом случае народные массы приводят на политический Олимп новую элиту, поведение и идеи которой резонируют с их сознанием.

Убедительным подтверждением этих идей является исторический опыт Русской Революции, завершившейся установлением однопартийной большевистской диктатуры. Такой исход оказался возможным потому, что большевики, предложившие массам новый вариант Имперской Идеи, адекватные их сознанию модели власти, модели социального поведения, вышли за рамки формальной партийности и стали «головным выражением национальной стихии» (Л. Д. Троцкий).

Современная смута также подтверждает высказанные выше идеи о роли массового сознания и политических партий в системных кризисах российского общества.

Так, совершенно особое место в политической системе современной России занимает партия «Единая Россия». К сожалению, «партия власти» так и не стала полигоном для выработки стратегии развития страны, во многом оставаясь лишь инструментом консолидации бюрократии и построения «вертикали власти». За годы своего существования «Единая Россия» несколько раз меняла свое идеологическое лицо. Она пыталась позиционировать себя то как либеральная, то как социал-демократическая, то как центристская партия. Сегодня она заявляет о себе как о партии российского консерватизма. Складывается ощущение, что у партийных руководителей

отсутствует понимание того, что все эти идеологические и политические доктрины, рожденные в рамках западной цивилизации, не имеют никакого отношения к российским реалиям.

На мой взгляд, сегодня мобилизовать массы сможет только та политическая сила, которая окажется способной сформулировать современный вариант Имперской Идеи. Ясно, что ни либерализм, ни социал-демократизм, ни консерватизм для этого совершенно не годятся. У «Единой России», как, впрочем, и у других политических сил страны, сегодня нет ничего похожего на современный вариант Имперской Идеи.

Поэтому власти постоянно приходится использовать административный ресурс. Приходится выдавать за успех, за всеобщую поддержку, безразличие «безмолвствующего большинства», прекрасно понимающего, что нынешние выборы — это миф, фарс, имитация, псевдолегитимный формально-юридический механизм воспроизводства власти.

Свою роль в функционировании современной имитационной квазиполитической системы, которую вполне можно охарактеризовать как «многопартийную однопартийность», играют так называемые «оппозиционные партии». Они имитируют оппозицию. Именно имитируют, потому что прекрасно осознают, что сегодня у них нет ни малейшего шанса прийти к власти. И самое примечательное, что нашу «оппозицию» это вполне устраивает.

Российская многопартийность — это абсолютно уникальное, почвенное явление. Отнюдь неслучайно, что политические партии в России появились в начале, а затем в конце XX века. Отечественный партогенез неразрывно связан с кризисным ритмом российской истории. Российскую многопартийность следует рассматривать как один из важнейших элементов и признаков российской смуты. Само ее существование противоречит глубинным ментальным основаниям Российской Идеократии. И в начале, и в конце XX в. она сыграла разрушительную роль политической и идеологической антисистемы, которая

отнюдь не являлась олицетворением так называемых альтернатив развития социума, а воплощала в себе различные способы уничтожения отжившей свой век исторической формы российского имперства. «Российская многопартийность действительно выглядит воплощением своеобразной доктринальной шизофрении интеллигенции, а отнюдь не национально-консолидирующим, конструктивно-динамичным целым. Это своеобразный, порожденный имперским патернализмом «пустоцвет», способный, однако, провоцировать смуту…»[29].

Современная отечественная многопартийность является, прежде всего, инструментом, мифом, который Власть искусственно поддерживает и использует для решения определенных политических задач и представляет собой аморфное формально-институциональное образование, не имеющее опоры в массовом сознании. Статус и влияние партий в российской политике во многом искусственно поддерживаются благодаря нынешней избирательной системе. Возрождение Империи в ее новой форме, на наш взгляд, неминуемо приведет к ликвидации аморфной отечественной многопартийности.

В заключение, хотелось бы подчеркнуть следующее: понять российские смуты и революции можно только исходя из нашей собственной истории и культуры. Обретение «почвенного», изоморфного понимания российских смут и революций крайне важно для нашего общества. Демонстрируемое с завидным упорством современной российской властью нежелание извлекать уроки из собственной истории предопределяет перманентность, циклическую повторяемость системных кризисов.

Какова может быть при этом судьба самой власти — наглядно демонстрирует исторический опыт российских смут XVII и XX веков. Российское прошлое беспощадно карает и наказывает тех, кто им пренебрегает.

Библиография

[1] *Бердяев Н. А.* Смысл истории. — М., 1990. — С. 4.

[2] Цит. по: *Сергейчик Е. М.* Философия истории. — СПб., 2002. — С. 387

[3] *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 1997. — С. 373.

[4] См.: *Хобсбаум Э.* Век империи. 1875—1914. — Ростов-на-Дону, 1999; *Мигранян А.* Век империй прошел? // Стратегия России. 2005. — № 4. — С. 23–29.; *Давидсон А.* После империй // Россия XXI. — 2003. — № 2. — С. 171

[5] *Смолин М. Б.* Русский путь в будущее. — М., 2007. С. 15.

[6] *Булдаков В. П.* Империя и смута: К переосмыслению истории русской революции // Россия и современный мир. — 2007. — № 3. — С. 7.

[7] Цит. по: *Смолин М. Б.* Указ. соч. — С. 215.

[8] Там же. — С. 9.

[9] Там же. — С. 16.

[10] *Каспэ С. И.* Советская империя как виртуальная реальность // Россия и современный мир. — 2000. — № 1. — С. 3.

[11] *Алексеев В. В., Алексеева Е. В.* Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. — 2003. — № 5. — С. 5.

[12] См. *Гавров С. Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. — М., 2004. — С. 44—46.

[13] *Яковенко И. Г.* Эсхатологическая компонента российской ментальности (связи, обусловленности, логика актуализации) // Общественные науки и современность. — 2000. — № 3. — С. 87—88

[14] *Яковенко И. Г.* От империи к национальному государству (Попытка концептуализации процесса) // Полис. — 1996. — № 6. — С. 120.

[15] *Он же.* Православие и исторические судьбы России // Общественные науки и современность. — 1994. — № 2. — С. 53.

[16] *Гавров С. Н.* Указ. соч. — С. 189.

[17] Там же. — С. 65.

[18] Там же. — С. 189

[19] Там же. — С. 46

[20] Там же. — С. 48

[21] *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. — М., 2000. — С. 8—9.

[22] *Булдаков В. П.* Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии // Россия и современный мир. — 2001. — № 2. — С. 32.

[23] Там же.

[24] *Кондаков И. В.* «Смута»: эпохи «безвременья» в истории России // Общественные науки и современность. — 2002. — № 4. — С. 56.

[25] *Гавров С. Н.* Указ. соч. — С. 111

[26] *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.,1999. — С. 30.

[27] *Булдаков В*. Красная смута… — С. 106

[28] *Кондаков И. В.* Культура России. — М., 1999. — С. 64.

[29] Там же. — С. 41

Н. А. Савченко

МАТЕРИАЛЫ СЕНАТОРСКИХ РЕВИЗИЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СМУТЫ НАЧАЛА XX В.

В начале XX в. нарастание напряженности в российском обществе, и прежде всего развитие революционной ситуации и рост столкновений на национальной почве, вынудило правительство обратиться к одной из форм чрезвычайного государственного надведомственного надзора — сенаторским ревизиям. Верховная власть нуждалась в объективных сведениях, по каким причинам в Империи было нарушено «должное спокойствие, безопасность и порядок»[1]. Что же касалось сенаторских осмотров, то они отличались от министерских гласностью, представлением отчетов лично государю и пользовались доверием высшей власти, а также обладали большим авторитетом в глазах местного населения. К тому же ревизующие сенаторы были достаточно независимы и облекались силой закона большими полномочиями.

Кроме того, важное значение сенаторских обследований заключалось в том, что, с одной стороны, их материалы отражали официальную позицию на происходившие революционные события; а с другой, отчетная документация ревизоров, являясь секретной, давала всестороннюю и неприкрашенную информацию о причинах волнений в российском обществе.

Поэтому в канун Первой русской революции правительство было вынуждено снова прибегнуть к надзору членов Сената. Так, только в течение 1905 г. было проведено сразу несколько сенаторских проверок.

В начале марта сенатор А. М. Кузьминский обследовал Баку и Бакинскую губернию в связи со случившимися там 6—10 февраля армяно-азербайджанскими столкновениями. Инспектору было поручено «подвергнуть тщательному исследованию все

явления политического, административного, экономического, национального и религиозного характера, коими могли быть вызваны события, происшедшие в Баку». В связи с этим главными объектом осмотра стали: революционное движение, а также экономическое положение населения и рабочий вопрос, «крестьянское дело», состояние полиции и губернской администрации[2].

Результаты указанной ревизии стали достоянием гласности и даже были использованы в пропагандистских целях РСДРП, Бакинская организация которой в марте 1906 г. так написала в листовке: «Виновниками бакинских событий являются полиция, агенты правительства… Это установлено ревизией сенатора Кузьминского, не революционером, а русским сановником, заматеревшем… в умении не видеть преступления правительства, которому оно служит… И, однако, он увидел и не мог скрыть!»[3].

Затем с 10 по 16 ноября того же года Кузьминский провел ревизование в Одессе с «целью выяснить причины возникновения происходивших в октябре того же года в городе… беспорядков и проверить правильность действия местных властей». В своем итоговом отчете проверяющий писал, что «с 18 по 22 октября 1905 г. в г. Одессе происходил необычайный по своей продолжительности погром, сопровождавшийся избиением евреев, истреблением и расхищением их имущества и многочисленными жертвами». И далее ревизор отмечал, что «по силе и проявленной жестокости этот погром превзошел все, ему предшествующие, носившие обычно характер борьбы, вызванной, главным образом, причинами национально-экономическими, тогда как последний должен быть отнесен к явлениям иного порядка, …обусловленными современным состоянием государства. Исследования показали, что печальные события октябрьских дней представляются в политической жизни Одессы явлением, находящимся в последовательной связи… со всем ходом… революционного движения»[4].

Позже 10 ноября 1905 г. сенатору Е. Ф. Турау было поручено определить «причины возникновения беспорядков,

происходивших 18—21 октября 1905 г. в Киеве, а равно и проверить правильность действий местных властей», подозревавшихся в подстрекательстве антисемитского погрома. Рассмотрев имевшие отношение к данному событию дела, находившиеся в прокуратуре и судах, проверяющий обследовал производства канцелярии генерал-губернатора и начальника губернии, губернского Правления, городской полиции, охранного отделения, а также, что стало нововведением в функциях сенаторов-ревизоров, переписки, имевшейся в Штабе Киевского военного округа и Штабе военной охраны г. Киева. Кроме того, канцелярия Турау опросила более 500 местных жителей, являвшихся очевидцами указанных событий. Между тем главный вывод по итогам данной инспекции был аналогичен донесениям Кузьминского: «беспорядки в Киеве… находились в непосредственной связи с общим революционным движением, охватившим всю Россию»[5].

Еще одним важным последствием данных проверок стало возбуждение уголовного судопроизводства в отношении тех чиновников, которые обвинялись ревизорами в «явном бездействии власти»[6]. За беспорядки и злоупотребления виновных привлекали к надлежащей ответственности; в отношении начальников губерний сообщалось центральной власти. К примеру, обозрение Кузьминским Одессы, по словам министра финансов С. Ю. Витте, «выказало деятельность тамошнего градоначальника… в весьма непривлекательном виде, и он должен был покинуть пост»[7].

Немало места в донесениях сенаторов отводилось и открытым злоупотреблениям: взяточничеству, бездействию властей и превышению ими полномочий. Так, тот же Кузьминский уделил особое внимание в своем отчете по Бакинской губернии проблеме расследования должностных преступлений. По оценке ревизора, местный губернатор проявлял «полнейшее безразличие к качественному составу должностных лиц», которых сам же и назначал. А в Губернском правлении существовало «весьма заметное

тяготение в пользу прекращения возникающих против полицейских чинов обвинений и невозбуждения против них преследования даже при наличности таких данных, которые делают вполне вероятным факт преступного деяния и виновность должностного лица в совершении оного». В этой связи одним из основных выводов Кузьминского по итогам ревизии стали следующие слова, которые в том или ином виде повторялись во всех отчетах по ревизиям 1905 г.: «Если даже считать приведенные примеры лишь частными случаями, не определяющими самую систему, …то все же система, допускающая одну возможность такого рода отклонений от правильного порядка, должна быть признана совершенно несостоятельной и заслуживает полного осуждения»[8].

Таким образом, анализируя материалы сенаторских обследований, проводившихся в России во время Первой русской революции, можно сделать вывод, что, даже, несмотря на отражение в них позиции власти, они также свидетельствовали о том кризисе, который охватил всю социально-политическую систему российского общества в начале XX в.

Подтверждением тому служит также тот факт, что правительство после многолетнего перерыва в начале XX столетия возобновила практику сенатского надзора, в результатах которого власть была очень заинтересована. Сведения, предоставлявшиеся ревизующими сенаторами на страницах всеподданнейших рапортов и отчетов Сенату, доходивших в объеме до тысячи листов, подобно лакмусовой бумаге отражали те кризисные, предреволюционные явления, которые пронизывали все российское общество.

Так, если в целом проанализировать «смутный» период с 1901 по 1917 гг. в Российской империи, то в течение данного времени было проведено 15 сенаторских ревизий[9]. Как уже отмечалось, проверки, производившиеся именно в революционном 1905 г., имели главной целью «успокоение общественного мнения». Однако, помимо

этого, в начале XX столетия сенаторские осмотры осуществлялись и по другим политическим причинам, в частности, для борьбы с земским либерализмом на местах; определения причин поражения России в Русско-Японской войне; для решения переселенческого вопроса, что затронуло и выяснение социально-экономического положения провинции; расследования забастовок и расстрела рабочих на Ленских приисках 1912 г.; наконец, последняя проверка — с целью изучения причин топливного кризиса в Империи в годы Первой мировой войны. Рассмотрим яркие примеры таких сенаторских осмотров, отразивших смуту, царившую в стране.

Обратившись к еще предреволюционным событиям, непосредственно им предшествовавшим и во многом их обусловившим, на фоне сенаторских ревизий 1900-х гг., на наш взгляд, особо выделялось инспектирование, представлявшее собой объединение целого ряда проверок в общую ревизионную акцию под руководством Н. А. Зиновьева. Уникальность данного обревизования обуславливалась несколькими особенностями. Прежде всего, оно стало первым в XX в. подобным обследованием, которое вновь продемонстрировало результативность сенаторских осмотров как средства надзора, благодаря чему, как уже было отмечено, после многолетнего перерыва практика их проведения возобновилась с 1905 г.

Кроме того, осмотру со стороны высших инстанций впервые подверглось оппозиционное царизму местное самоуправление нескольких «неспокойных» регионов Империи. Дело в том, что ведомственные, а затем и сенаторские ревизии выборных учреждений инициировались министром внутренних дел В. К. Плеве накануне Первой российской революции в качестве главных средств борьбы правительства с оппозицией либерального земства и демократически настроенной земской служилой интеллигенцией. Так, видный государственный деятель того времени В. И. Гурко писал, что «при Плеве Зиновьев был сторонником сокращения сферы деятельности земств и

подчинения их… надзору администрации»[10]. В частности, ревизору поручалось обличить посредством обследований дефекты функционирования выборных учреждений, чтобы лишить их общественных симпатий и в полной мере оправдать принимаемые против них правительственные меры. Собранные проверяющим материалы должны были доказать, что земства выходили за отведенные им законодательством рамки, что позволило бы правительству подготовить реформу по правовому ограничению местного самоуправления и подведения последнего под полный государственный контроль.

Исходя из чрезвычайных задач указанной акции была тщательно отобрана и кандидатура ревизора. 15 февраля 1902 г. Зиновьев был назначен товарищем министра внутренних дел, а затем с декабря 1903 г. он становится сенатором[11]. Данные должности, в которых Зиновьев и производил инспектирование, безусловно, свидетельствовали о важности результатов последнего для правительства. Соответственно в ходе обследования был изменен и его характер. В частности, зиновьевская ревизионная акция началась в 1902—1903 гг. как ведомственная проверка по линии МВД обревизованием Санкт-Петербургского городского самоуправления[12] и Московского земства[13], а закончилась в 1904 г. уже как сенаторская ревизия инспекцией земских учреждений Вятской[14] и Курской губерний[15]. Повышение статуса обследования было вызвано тем, что сенаторские ревизии на протяжении двухвековой практики своего проведения показали себя как одну из наиболее эффективных форм государственного чрезвычайного надзора.

В итоге, главным последствием обследования Санкт-Петербурга стало новое реакционное столичное Городовое положение, разработанное по проекту Плеве и введенное в действие с 1 января 1904 г.[16] Кроме того, в ходе данной проверки, в официальной печати было заявлено о важном изменении мотива инспекции: в ближайшем будущем предполагалось по ее примеру провести ревизии выборных учреждений губернских городов по всей Империи силами

чинов центральных органов Министерства внутренних дел[17]. Однако таким грандиозным планам Плеве в силу разных причин не суждено было сбыться.

В отношении Московского земства проверяющему поручалось выявить «вредную политическую окраску» этой земской организации, будоражившей общественность задачами введения народного представительства, и, подобно первому столичному этапу обследования, таким способом собрать компромат для разработки очередной контрреформы земских учреждений. В итоге, результаты зиновьевской ревизии земских учреждений Московского и Вятского регионов выразились в различных карательных мерах в отношении прогрессивных местных земцев и вольнонаемных земских служащих, включая отстранение лидера земского либерализма в стране, председателя Московской губземуправы Д. Н. Шипова от занимаемой должности[18].

Отличие сенаторской проверки Курского земства в 1904 г. от предыдущих осмотров Зиновьева заключалось в том, что ей непосредственно предшествовали как губернаторская ревизия государственных и земских органов[19], так и ведомственная инспекция крестьянских учреждений, произведенная управляющим Земским отделом МВД В. И. Гурко[20]. Кроме того, последний этап инспектирования не повлек за собой суровых мер в отношении земских деятелей, так как новый министр внутренних дел кн. П. Д. Святополк-Мирский начал проводить политику «примирения» власти с земскими кругами.

Однако безусловным достоинством проверок Зиновьева была их тщательность с собранием богатейшего фактического материала, выступающего ценнейшим историческим источником. Ревизия вскрыла немало реальных недочетов в деятельности общественных представителей: организационных, хозяйственных, финансовых, кадровых и др., продемонстрировав отрицательные последствия бесконтрольности выборных органов[21].

В целом политическая направленность зиновьевского обревизования обусловила малоуспешность подавления правительством прогрессивных выступлений общественности в канун Первой русской революции, не оправдав надежд верховной власти на правовое ограничение местного самоуправления, но способствуя усилению над ним государственного контроля.

Еще одной социально-политической причиной обращения властей к рассматриваемому институту в неспокойное время начала XX в. стало поражение России в Русско-Японской войне 1904—1905 гг. Для того, чтобы широко распространившиеся слухи о причинах неудач в военных действиях не вызвали новых социальных волнений, правительство было вынуждено назначить ряд сенаторских проверок, в том числе в связи с выступлениями ряда членов Государственной Думы. Причем важную роль при выборе именно этой формы контроля сыграло то, что такие осмотры пользовались доверием и царя, и думцев, и общества. С одной стороны, проверяющие сенаторы на данный момент не наделялись какими-либо управленческими функциями. С другой стороны, назначаемые Сенатом ревизоры имели, как правило, большой опыт администрирования, действовали самостоятельно, не поддаваясь внешнему влиянию, и в своей отчетной документации отражали довольно объективную информацию.

В итоге впервые за всю историю осуществления сенаторских ревизий их обследованию подверглись учреждения военного ведомства и их поставщики. При этом ревизующие сенаторы наделялись широкими полномочиями в сфере инспектирования военных учреждений: могли не только требовать доставления нужных сведений и дел от военного начальства, обозревать ведение делопроизводства генерал-губернаторской Канцелярии, управлений железных дорог, банков, жандармских управлений и т.п., но и производить обыски у частных лиц с изъятием при этом документов. Проверяющие сенаторы в первый раз получили полномочия фактически военного начальства с правом

ведения следствия и предания суду. Расхождения Сената с военным прокурором рассматривал Главный военный суд[22].

Первой такой инспекцией стала ревизия сенатора Н. П. Гарина в декабре 1907 г. Московского градоначальства и подведомственных ему учреждений, а также московской полиции[23]. В ходе обследования по причине обнаружения проверяющим факта коррумпированности интендантства по инициативе П. А. Столыпина Николай II утвердил для Гарина увеличение его прав. В дальнейшем они распространились и на других сенаторов-ревизоров.

Важным итогом проверки Гарина стало увольнение местного градоначальника Рейнбота. Однако заметим, что Витте так писал по этому поводу: «Я нисколько не сомневаюсь, что если бы назначить сенаторскую ревизию канцелярии министра-президента Министерства внутренних дел Столыпина, в департаменте полиции и других учреждениях, находящихся в ведении Столыпина, то там будет найдено гораздо больше неисправностей, злоупотреблений и нарушений закона, чем те, какие найдены были у Рейнбота»[24].

Затем, начиная с 26 января 1910 г., сенатор Н. А. Дедюлиным производил годовое обозрение Киевского и Одесского военных округов, «по отношению к которым, — как следует из отчета ревизора, — были получены данные, свидетельствующие о преступном нарушении этими учреждениями и установлениями денежных интересов казны»[25]. Вместе с тем укажем, что отчетная документация практически по всем сенаторским обследованиям начала XX века содержала сведения о расхищении огромных казенных средств.

С 30 мая 1910 г. по 29 февраля 1912 г. сенатор О. Л. Медем обследовал учреждения Омского военного округа и войскового хозяйственного правления, а также «капиталов Сибирского казачьего войска». При этом проверяющий присоединил ко всеподданнейшему рапорту составленный по собственной инициативе отчет «по ревизии материальной службы и хозяйства Сибирской железной

дороги». Отметим, что к упомянутому отчету было добавлено приложение «Злоупотребления служащих» на 529 страницах[26].

К этой же группе ревизий относилась инспекция сенатора Д. Б. Нейдгардта Привислинского края и Варшавского военного округа 1909—1910 гг., «давшая материал… для возбуждения уголовного преследования против 121 лица». При этом ревизор, как и его предшественники, также отмечал случаи нарушения законодательства со стороны самой региональной власти. В частности, в отчете проверяющего указывалось, что Люблинский губернатор сделал официальный выговор местным жандармским чинам за их попытку «произвести расследование о деятельности администрации»[27].

Отдельно в ряде указанных проверок стояло обревизование сенатором А. А. Глищинским деятельности интендантства во время русско-японской войны, а также управления транспортом маньчжурских армий; которое, помимо всего прочего, выявило «злоупотребления в тылу при выдаче частным лицам разрешений на вагоны для провоза коммерческих грузов». Причем итоги данной инспекции были помещены проверяющим во всеподданнейший доклад по ревизии Иркутского и Приамурского военных округов, проводившейся в 1909 г.[28]

В итоге к осени 1911 г. значительная часть сенаторских обследований выполнила свои поручения. Уже 4 октября того же года Николай II высказал председателю Совета Министров В. Н. Коковцеву пожелание, чтобы все инспекции сенаторов в ближайшее время завершились, что и было сделано к 1 марта 1912 г. Лишь Н. П. Гарин, по требованию военного министра, получил разрешение продолжить обзор Главного инженерного управления[29].

Исключением также стала ревизия сенатора С. С. Манухина, «Высочайше возложенная на него 27 апреля 1912 г. по расследованию забастовок на Ленских приисках» и выявившая еще одно кризисное явление в разрешении важного «рабочего вопроса» в империи.

Так, закончив инспектирование 24 июля того же года, ревизор был вынужден признать провокационность действий местных властей и промышленников и потребовать предать суду виновных в расстреле. В своем всеподданнейшем отчете государю Манухин сравнивал условия труда рабочих с «крепостными», указывал на то, что на рабочий люд, «влачивший жалкое существование», «смотрят как на дешевое орудие производства, которое нужно использовать, пока оно годится для дела, и можно бросить без сожаления, когда испортиться, и заменить таким же». В связи с этим проверяющий делал вывод о том, что «здесь допускается возникновение таких отношений, на почве которых неизбежны столкновения и связанные с ними недовольства» и, в итоге, «устарелость и даже совершенная недопустимость такого порядка совершенно очевидна»[30].

Последняя сенаторская проверка в самодержавной России была назначена царским правительством на втором году войны с целью изучения причин топливного кризиса в империи: указом 5 ноября 1915 г. сенатору Д. Б. Нейдгардту было поручено обследовать проблему угольного снабжения[31].

Однако после Февральской революции 1917 г. в связи с сохранением Сената как органа государственной власти Временное Правительство также обратилось в разовом порядке к сенатскому надзору. Однако возложенная 20 марта указанного года на сенатора С. Н. Трегубова инспекция для «расследования злоупотреблений по поставке… продовольствия для нужд армии Южного фронта», наделявшая ревизора обширными полномочиями с правом «привлекать к суду виновных должностных и частных лиц», из-за перемены власти в стране так не состоялась[32].

В целом материалы сенаторских ревизий являются важным источником по социально-политической истории России в эпоху самодержавия. Прежде всего они служат более точному определению причин и поводов возникновения и развития тех кризисных явлений, которые

происходили в российском обществе в начале XX столетия и стали причиной дальнейших революционных событий. В новом XXI веке современной политической элите нашей страны необходимо учитывать подобные исторические уроки, чтобы общество вновь не оказалось на пороге Смуты.

Библиография

[1] Инструкция господам сенаторам, предназначаемым для осмотра губерний. — СПб., 1805. — С. 3.

[2] ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 402, ч. 2. Л. 1—2.

[3] *Паина Э. С.* Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX — начало XX в.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX веков. — Л., 1967. — С. 168.

[4] ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 402, ч. 1. Л. 1—2.

[5] Там же. — Д. 401. Л. 2, 51.

[6] Там же. — Д. 402. Ч. 2. Л. 2.

[7] *Витте С. Ю.* Воспоминания: в 3 т. — М., 1960. — Т. 3 (17 октября 1905—1911). — С. 477.

[8] *Любичанковский С. В.* Практика административного расследования должностных преступлений чиновников в оценке сенаторских ревизий начала XX века // Вестник ОГУ. — Омск, 2004. — С. 39.

[9] Высшие и центральные государственные учреждения России, 1800–1917 гг.: в 4 т. — Т. 1.: Высшие государственные учреждения. — СПб., 1998. — С. 84—87.

[10] *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. — М., 2000. — С. 145.

[11] РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 204. Л. 40—44.

[12] ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 214. Л. 1—22.

[13] Там же. Л. 23—47; Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 65. Оп. 17. Д. 124. Л. 67—68 об., 114.

[14] ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 215. Л. 1—29.

[15] См.: *Зиновьев Н.А.* Отчет по ревизии, произведенной в 1904 году сенатором Н. А. Зиновьевым: в 2 т. — СПб., 1906.

[16] Петербургская городская дума, 1846—1918. — СПб., 2005. — С. 132—139.

[17] Санкт-Петербургские ведомости. –1902. — № 171 (26 июня). — С. 3.

[18] *Белоконский И. П.* Земское движение. — М., 1914. — С. 140—145.

[19] ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7478. Л. 3—16.

[20] РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 253. Л. 1—3 об.

[21] См.: *Зиновьев Н. А.* Всеподданнейший рапорт по ревизии земских и других, соприкасающихся с их деятельностью, учреждений Московской губернии. — СПб., 1904; Краткая записка тайного советника Зиновьева по Всеподданнейшему отчету товарища министра внутренних дел, тайного советника Зиновьева по обозрению Санкт-Петербургского городского общественного управления. — СПб., 1903 и др.

[22] *Паина Э. С.* Указ. соч.. — С. 169—170.

[23] ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 397. Л. 1—2 об.

[24] *Витте С. Ю.* Указ. соч.. — С. 488.

[25] ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 399. Л. 1—2.

[26] Там же. Д. 407. Ч. 1—4.

[27] Там же. Д. 409. Ч. 3. Л. 2—3.

[28] Там же. Д. 403. Л. 2, 26 об. — 27.

[29] *Паина Э. С.* Указ. соч. — С. 170.

[30] ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 406, ч. 1. Л. 97—99, 177—180.

[31] Высшие и центральные государственные учреждения России… — С. 87.

[32] Архив новейшей истории России: Серия «Публикации» (Т. 7): Журналы заседаний Временного правительства: март-октябрь 1917 года: в 4 т. — Т. 1: Март-апрель 1917 года. — М., 2001. — С. 141.

А. И. Селиванов

НАРОД И ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ СМУТЕ: ЗАМЕТКИ ПО ИТОГАМ КРУГЛОГО СТОЛА

Редколлегия журнала «Власть» на протяжении вот уже более 15 лет отличается тем, что наряду с добротной профессиональной интуицией в ощущении потока времен и событий, выделении и формулировке наиболее острых проблем, проявляет настоящие гражданское мужество и ответственность. Это в очередной раз подтвердило проведение международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте», который прошел 23 октября 2009 года в Институте социологии Российской академии наук, организованного представителями научных учреждений России и зарубежья по инициативе главного редактора журнала «Власть».

Сначала обратим внимание на остроту самой постановки проблемы. Она выражается во всем.

Во-первых, в слове «смута», которое, вроде бы, стало известно-привычным наименованием соответствующего периода российской истории и публицистически-банальным с точки зрении оценки политической реальности в постсоветский период. Но проблема приобретает новое звучание и остроту именно в современной ее постановке, когда политические реляции о стабильности и поступательном развитии, о преодолении кризиса, об отсутствии сомнений в выбранном курсе современной России, казалось бы, не оставляют сомнений в том, что «смутные времена» уже позади, что мы находимся в состоянии нарастающей определенности настоящего и будущего. Однако научному сообществу совершенно очевидно, что образ благоденствия и перспективы «светлого будущего» для России — не более чем симулякр реальности, сформированный политической элитой и средствами массовой информации. Обманчивый образ, который хочется сформировать и в котором хочется убедить народ в условиях

беспрерывно углубляющегося всеобъемлющего цивилизационного кризиса России, обретающего все более грозные очертания своих перспектив. И сегодня нужно обладать настоящим гражданским мужеством, чтобы не ступить на путь нового витка всеохватывающей лояльности к позиции высшего руководства страны и вновь ставить проблему и говорить о продолжении «смутных времен», неопределенности и шаткости нынешнего социально-политического бытия России, с одной стороны — называя вещи своими именами, с другой — не скатываясь в деконструктивность эмоционально-панических настроений. Причем, что особенно важно, говорить научно выдержанным языком, а не с позиций клерикально-религиозных, мистических и других ненаучных и антинаучных мировоззренческих систем, начинающих все сильнее активизироваться в социально-политической жизни общества и предлагающих свои оценки и «рецепты».

Во-вторых, с философской и научной точки зрения важна собственно идентификация современного состояния российской реальности и его динамики и сравнение его с известным историческим периодом «смуты» действительно важно, отражая многогранность неопределенности последующего исторического бытия. Потому что «смута» — это начало поиска, начало процесса «задумывания» и «сосредоточения» (вспомним «Россия сосредотачивается» А. Горчакова). И поэтому многосмысленность самого термина «смута» не запутывает, а напротив, помогает всесторонне взвесить и оценить сущее и должное, содеянное и требуемое, недавнее прошлое, настоящее и будущее.

Смута одновременно выступает в таких ее основных смыслах:

– отсутствие духовного единства народа, приложившего столько сил для создания, сохранения и развития своей Родины, углубляющаяся пропасть между народом и элитами;

– «смутное» недовольство собственным бытием без очевидности способов его улучшения, то есть длящееся состояние неопределенности сущего и будущего бытия;

– смущение умов — смущение соблазнами бытия и осознание собственной слабости перед этими соблазнами, смущение согласием за замену чего-то высшего и вечного — земным и суетным, смущение стыдом за коллективно содеянное либо содеянное при коллективном бездействии и пассивном соучастии.

Констатация сохранения и даже нарастающего углубления этой «смутности», постоянно усугубляемой техногенными катастрофами выходящего из-под человеческого контроля гигантского индустриального и военно-технического комплекса России — одна из острейших научных задач, поскольку смутность — предтеча нового. Вот только какого? Все более явно, что отнюдь не тождественного наступившему в результате либерального с криминальным оттенком политического решения, реализованного в современной России. Но тогда и встает во весь рост главный и вечный российский вопрос: «Что делать?»

В-третьих, ответственность и объективность проявилась и в другой — также ключевой как в осмыслении природы феномена «смуты», так и в поиске путей перехода в более стабильные состояния. Речь идет о совершенно верном обозначении главных действующих субъектов истории — *Народ* и *Власть*. Именно «разлад» в этой должной быть органической паре, расхождение интересов народа, страны, культуры и цивилизации с интересами представителей власти, элит, других групп, влияющих на принятие государственных управленческих решений, является основным источником «смуты». Силы и субъекты противодействия реализации истинных интересов России и ее народа в настоящее время есть не только за рубежом — зарубежные политические и финансовые центры, ТНК и МНК, но и в самой России — коррумпированные чиновники, представители крупного отечественного капитала, ставшего вненациональным, криминальные структуры, различные этнические и общественные групп и слои, не несущие в себе российских ценностей, большинство СМИ. На целом ряде научных мероприятий, проходящих в

период 2008—2009 годов, постоянно и все сильнее звучит мысль, что одна из основных угроз российской государственности исходит от многих представителей государственной власти в стране. Поэтому проблема поиска оснований нового единения народа с властью на основания патриотизма, а не корыстно-криминальных отношений, поиска единства власти и народа по типу Минина и Пожарского, поиска путей выхода из «смуты» становится вновь остро актуальной именно в предложенном авторами круглого стола контексте.

Состав участников круглого стола и содержание дискуссий не оставляют сомнений в том, что осмысленные позиции в оценке ситуации существуют. Есть и вполне приемлемые варианты решения проблемы. Есть специалисты, способные и готовые участвовать в оздоровлении российского социума. Хотя ими никто не интересуется в системе власти! Не странно, что ситуация продолжает усугубляться и, оценивая общий политический контекст ситуации в стране, постоянно не дает покоя вопрос: а не перешли ли мы точку «бифуркации разрушения», точку невозврата из небытия в бытие? Не поздно ли теперь? Возможна ли здоровая мобилизация сил и новое единство народа и власти ради созидания? Ответ даст история, причем, полагаем, ближайшая — на протяжении 2—3 лет.

Завершая, отметим, что в нашу эпоху парадокса роста роли науки и нарастания антинаучных настроений утверждение идей научного знания, основным критерием которого был и остается поиск объективной истины, вновь все сильнее требуется соответствовать знаменитой формуле И. Канта, ставшей лозунгом Просвещения — «имей мужество пользоваться собственным умом». Ему в полной мере соответствует общая тональность прошедшего круглого стола.

Б. Ф. Славин

РЕВОЛЮЦИЯ ЕЩЕ НЕ ЗАВЕРШИЛАСЬ…

Прежде всего, пойду по логике, которую нам предложил ведущий и организаторы круглого стола. Несколько слов о понятии «смута». Я думаю, что это всего лишь образ. Образ, который создается властью, когда она теряет свое господство. Если до революционных событий все было ясно, все было понятно в структуре и политике, то после назревания революции, становится многое непонятным — тогда и начинают говорить о смутном времени. Я думаю, что задача ученых как раз состоит в том, чтобы осветить смутное время, с точки зрения ее социально — политического содержания. Когда станет прозрачной социально-политическая сторона революции, многое проясняется и в понятии «смута».

Прежде всего, я считаю, что, говоря о смутном времени, речь должна идти, прежде всего, о революциях, которые имели место в истории России. Когда организовывали наш круглый стол, я сразу спросил: «А почему в заглавие «круглого стола» выносится слово «смута»? Насколько я понял Валерия Соловья, он тоже отождествляет понятие «смута» с понятием «революция». Мне также ближе понятие «революция» и именно его я буду анализировать. Что же такое революция? Это смена у власти больших социальных групп, слоев, классов. Сейчас многие считают, что революция это результат определенного заговора узкого круга лиц, революционеров, элиты и т. д. Я стою на совершенно противоположной позиции и считаю, что социальная революция возникает тогда, когда в ней участвует большинство народа. Можно под разным соусом подходить к рассмотрению понятия «большинство народа»: рассматривать его с марксистских, или немарксистских позиций, но факт состоит в том, что, например, все революции в России (и Февральская, и Октябрьская, и революция 1905—1907 гг.) совершались абсолютным

большинством народа. В него входили и представители рабочего класса, и представители крестьянства, и определенная часть интеллигенции. Здесь я согласен, что некоторые представители правящей элиты могут переходить на позиции низов и даже возглавлять революцию.

Каков же основной закон революций? Откуда и почему они появляются? Я думаю, что революции возникают только тогда, когда появляется острейшая проблема, жизненно важная для большинства общества, но которую не в состоянии решить власть, то есть правящий политический класс. Вот тогда-то и возникает социально-политический конфликт между абсолютным большинством народа и существующей властью. Если мы возьмем Россию, то в конце XIX — начале XX вв. такой проблемой, безусловно, была проблема земли. Известный «крестьянский вопрос» прямо с нею связан. Эта проблема не решалась в России на протяжении десятилетий. Попытки ее решения были, но они не дали нужного результата. Даже после отмены крепостного права и знаменитой Столыпинской реформы, большая часть земли продолжала оставаться у помещиков. Вплоть до Октября 1917 г. эта проблема оставалась жизненно важной проблемой для абсолютного большинства российского народа. Но, повторим, если жизненно важная проблема не решается «верхами», то ее будут решать «низы» с помощью революции. Это объективная закономерность человеческой истории.

Думать о том, что революция это заговор элиты, заговор некоей узкой группы лиц — это наивное, или сугубо ангажированное мнение. Революции всегда совершаются народными массами, а не узкой группой революционеров, героев, или заговорщиков. Так сегодня некоторые ученые, политики и публицисты считают, что Октябрьская революция была всего лишь переворотом, который совершали некие «безродные космополиты» по указке иностранных держав (в одном случае Германии, в другом Англии или США). На самом деле, никакая революция не может произойти, если ее желает только какая-то узкая группа лиц, а народ в своем большинстве молчит.

Если мы возьмем революцию 1917 г., то становится совершенно ясно, что ее совершали основные массы народа. Здесь стихийно сложился прочный союз рабочего класса и крестьянства, скрепленный общими экономическими и политическими задачами. И хотя российский рабочий класс в России представлял собой уникальное явление (он был энергичным и сознательным классом), но и он в одиночку без крестьянства революции совершить не мог. Настоящие революции всегда носят массовый характер. В противном случае мы будем иметь дело с путчем, с узким переворотом политической элиты, но не социальной революцией.

Нередко задают вопрос: почему в США, то есть в наиболее развитой капиталистической стране не произошло революции, а в России произошла? Да потому, что, во первых, там не было полноценной революционной ситуации, во — вторых, там не возникло прочного союза рабочих и других антибуржуазных слоев общества, наконец, в третьих, там не было активного рабочего класса и выражающей его интересы политической организации, которая могла бы возглавить революционный процесс. А в России все это было и во время Февральской и во время Октябрьской революции.

Как известно, первый толчок для Февральской революции осуществили женщины, которые вышли на улицы, потому, что нечем было кормить семьи. Вообще, женщины, на мой взгляд, выступают своеобразным лакмусом, показывающим наличие революционной ситуации в обществе. Если женщина говорит мужу, зачем ты идешь на демонстрацию, там стреляют, там могут тебя убить — революционной ситуации в стране нет. И, наоборот, когда женщина толкает своего мужа на улицу, говоря, что ты сидишь дома, ведь детям есть нечего — это характерный признак назревающей революции. Когда женщины начинают поддерживать протест мужчин, солдаты поддерживать требования рабочих и крестьян — жди революции. Именно так было в Феврале и Октябре 1917 г.

Однако революционная ситуация только тогда перерастает в революцию, когда в повестку дня становятся

острые актуальные вопросы. Именно такими вопросами тогда стали вопросы о земле и мире. Как известно, Февральская революция, которая должна была сделать то, что сделали все буржуазно-демократические революции в Европе, то есть дать землю крестьянам, данный вопрос не решила. Не решила она и другую злободневную проблему — не остановила Первую мировую войну, ведущую к гибели сотен тысяч солдат, разрухе и голоду миллионов людей. Максимум, что она сумела сделать — это ликвидировать монархию и дать российскому обществу ряд демократических прав и свобод.

Однако после свержения монархии, неспособность новой власти (временного правительства) решить острые вопросы, поставленные историей в повестку дня, с неизбежностью породило вторую волну революции, получившую название Октябрьской. В этом смысле, я согласен, с тем, что Октябрь и Февраль можно рассматривать как одну единую революцию. Здесь единство революции определяется не календарными датами, а нерешенностью все тех же основных вопросов о земле и мире. Величие Октябрьской революции как раз состоит в том, что она решила именно эти исторические вопросы. Мало того, она пошла дальше, утвердив новую Советскую власть, то есть приведя к политической власти низы общества (рабочих и крестьян), и начав небывалые социалистические преобразования, оказавшие свое влияние на весь остальной мир. Не смотря на падение СССР в конце XX века, влияние Октября продолжает сказываться и сегодня в Китае и на Кубе, во Вьетнаме и Латинской Америке, во многих развивающихся и развитых странах современного мира.

Теперь несколько слов о современной смуте. Была она или не была? Был план перестройки или не был? Я думаю, что был и план, и практика революционной перестройки, стремящейся превратить наш бывший бюрократический социализм в социализм демократический, в «социализм с человеческим лицом». Если Вы возьмете

1985—1986 годы, то увидите, что сначала была полная поддержка идеи перестройки и ее лидера со стороны основной массы советского народа, включая интеллигенцию. В итоге многое удалось сделать в процессе этих демократических и ненасильственных преобразований общества. Достаточно назвать полную реабилитацию незаконно осужденных в годы сталинизма, переход к смешанной экономике, знаменитую гласность и отмену цензуры, осуществление ряда политических свобод, переход к многопартийности, проведение свободных альтернативных выборов, развитие экономической демократии, окончание холодной войны и многое другое. Не избежали перестройщики и многих ошибок, опаздывая с экономической и политической реформами, недооценив материальной заинтересованности и научно-технического фактора в улучшении жизни народа. Драма Горбачева заключалась в том, что он не смог осуществить стратегию перестройки до конца. В итоге антиперестроечным силам удалось после путча остановить демократические преобразования и распустить СССР. С развалом СССР закончилась и перестройка, хотя ее влияние, на мой взгляд, будет сказываться до тех пор, пока ее конечные цели не будут достигнуты. История любит многое не только делать, но и переделывать.

Обычно под современным смутным временем подразумевают не только перестройку, но и постперестройку времен Бориса Ельцина. Я считаю, что такое отождествление во многом не научно. Здесь мы имеем два разных исторических этапа: до развала СССР и после него. Я не сторонник того, как сейчас говорят, что Союз развалился потому, что были некие объективные и неизбежные факторы его распада. Объективное вообще в истории совершается только через субъекты и посредством субъектов, то есть история всегда делается людьми. Никаких железных и механических законов в ней нет. Исторические законы в форме тенденций всегда проявляются через деятельность людей и их объединений. Например, когда в

Беловежье трое подвыпивших лидеров России, Украины и Белоруссии, вопреки результатам всенародного референдума, распустили СССР — это была не некая объективная закономерность, а конкретный акт, за которым стоят известные лица, стремившиеся путем упразднения Союза избавиться от его президента. Метя в Горбачева, они попали в Союз, породив в итоге трагедию миллионов людей, за которую мы будем расплачиваться еще долго.

Что касается будущего, то, конечно, революция, начавшаяся в конце XX в. еще не завершилась. Я с этим утверждением предшествующего докладчика полностью согласен. Не завершилась она потому, что не решены те основные вопросы, которые сегодня важны для большинства народа: это, прежде всего отчуждение людей от собственности и власти, бедность и растущая социальная поляризация общества, безработица, безопасность, коррупция и др. Революция не завершилась потому, что сегодня еще не выявился и не определился до конца ее главный субъект. В частности, нет его адекватного выражения в политике. Я согласен, что революции во многом совершается молодыми людьми. Насколько они биологически и энергетически емки или нет — это другой вопрос. Молодость всегда энергична, все дело в том, куда направлена ее энергия. Будем надеяться, что нарождающийся новый субъект революции направит ее в нужное для народа русло.

В. Д. Соловей

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

Прежде всего выражу отношение к термину «Смута» и породившему его историческому событию/процессу. Полагаю данный термин не более чем автохтонным синонимом конвенционального понятия международного научного языка «революция», а исторические события начала XVII в. — первой русской революцией, которая завершилась поражением. Такая нетривиальная оценка закономерно вытекает из четвертого поколения теории революций — малоизвестного в России, но влиятельного на Западе направления исторической макросоциологии[1].

Концептуальная сетка данной теории прекрасно накладывается на Смуту начала XVII в., которая, в свою очередь, типологически вписывается в знаменовавшую приход Модерна общеевропейскую волну мятежей, восстаний и революций против наступавшего абсолютизма[2].

Значение Смуты для России состояло в том, что она была модельной, архетипической революцией в части *формы и логики* революционных изменений. Ей наследовали два масштабных революционных процесса: Великая русская революция начала XX в. и системная (но не великая!) революция конца XX в.

Великая русская революция была революционным процессом с отступлениями и наступлениями, со спадами и кульминациями, включавшая в себя в качестве составных частей революции 1905—1907 гг., Февральскую и Октябрьскую. Ее «величие» — не вопрос ценностных суждений, а вопрос масштаба, глубины и последствий преобразования. В этом плане русская революция была таким же осевым событием всемирной истории, что и Великая французская революция. В истории более нет революций, заслуживших право стоять с ними в одном ряду. Хотя социополитические и экономические трансформации,

охватившие СССР в конце 80-х годов прошлого века, так же, как и в начале века, привели к смене общественного строя, правомочность использования понятия «революция» для характеристики этого системного сдвига постоянно оспаривается. Суть контраргументации следующая: последние двадцать лет в стране, называвшейся некогда СССР, происходила контрреволюция.

Однако странное убеждение, будто революции непременно должны вести, пусть в конечном счете, к прогрессу человечества, не имеет ровно никаких теоретических и конкретно-исторических подтверждений. Конвенциональное определение революции в современной социологии следующее: «это попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть»[3]. Характерно, что в определении ничего не говорится о содержании революции и ее последствиях: социально-политическом характере нового строя, постреволюционном экономическом развитии, социальной эмансипации и т. д.

Трансформация рубежа XX—XXI вв. в России, безусловно, должна квалифицироваться как революция. Начавшись как классическая революция сверху (реформы Михаила Горбачева), она переросла в революцию социальную (массовые движения протеста снизу) и политическую (трансформация государственных институтов), а затем и системную (одновременная трансформация экономических и социальных структур и политических институтов).

Значение революции вновь вышло за локальные отечественные рамки, хотя явно не дотянуло до исторических масштабов Октября 1917 г. Результатом же ее стала кардинальная смена общественного строя: на смену советской политической и социоэкономической системы пришла новая — капиталистическая (термин «капитализм» наилучшим образом описывает социоэкономическую суть последней русской революции).

Однако капиталистическую революцию в России вряд ли можно считать победившей полностью и окончательно. Вообще вопрос о завершении революции открывает возможность изощренной казуистики. В теории революций выделяют так называемые «слабый» и «сильный» варианты определения финальной точки революции. В слабом варианте революция завершается, когда «важнейшим институтам нового режима уже не грозит активный вызов со стороны революционных или контрреволюционных сил». Согласно сильному определению «революция заканчивается лишь тогда, когда ключевые политические и экономические институты отвердели в формах, которые в целом остаются неизменными в течение значительного периода, допустим, 20 лет»[4].

Применительно к русской революции, современниками которой мы все являемся, это значит, что в минималистском варианте она завершилась передачей власти от Бориса Ельцина Владимиру Путину и консолидацией последним политической власти, то есть в течение первого президентского срока Путина. Но вот «отвердения» ключевых политических и экономических институтов и, главное, приятия их обществом не произошло.

Социоэкономический кризис поставил под сомнение возможность двадцати лет спокойного развития России — тех пресловутых двадцати лет, о которых в свое время так мечтал П. Столыпин. Приведет ли экономический кризис к кризису социополитическому, или, если исходить из тезиса о незавершенности капиталистической трансформации России, к новой революционной волне?

Теоретическая «глубина» отечественных дискуссий на сей счет исчерпывается столь же сакраментальным, сколь и замшелым «верхи не могут, низы не хотят». В то время как современное поколение теории революций предлагает четкий набор критериев, определяющих *вероятность* (не неизбежность!) революции. Причем набор этот сформулирован на основе изучения, анализа и обобщения беспрецедентной эмпирической базы — истории революций,

крестьянских войн, социальных волнений и переворотов, произошедших в мире, начиная с XVI в.

Итак, каковы же критически важные условия революции и наличествуют ли они в современной России?

Критерий первый — финансовый кризис и радикальное усиление фискального давления на элиты и общество. «Неприятности начинаются тогда, когда доходов не хватает для покрытия государственных расходов — либо из-за расширения задач государства, либо из-за снижения поступлений. Вариантов возникновения этой проблемы столько, что их краткое перечисление нереально»[5]. В конечном счете, размеры фискальной нагрузки будут зависеть от двух переменных, динамику которых определить сейчас просто невозможно:

а) что закончится раньше: кризис или деньги в Резервном фонде;

б) какой окажется цена на нефть.

Усиление фискального давления опасно потому, что его главным объектом становится наиболее революционная социальная группа: постсоветский средний класс. В современной России не «пролы» и маргиналы, а буржуа и протобуржуазные слои — потенциальный вызов социополитическому статус-кво. Сам по себе этот факт недвусмысленно указывает на буржуазный характер свершившейся революции и классовую гегемонию определенной социальной группы.

Второе критически важное *условие революции* — делегитимация государства, которое в глазах общества и элит должно приобрести устойчивую репутацию одновременно неэффективного и несправедливого. Эффективность и справедливость — наиболее общий знаменатель требований, предъявляемых к власти. Хотя эти качества редко чередуются попарно, даже одного из них достаточно для выживания государства. «Те государства и правители, которые получили репутацию неэффективных, все же могут заручиться поддержкой элиты в деле реформирования и реорганизации, если они считаются справедливыми. Правителей, считающихся

несправедливыми, могут терпеть до тех пор, пока им эффективно удается преследовать экономические или националистические цели, или же они кажутся слишком эффективными, чтобы кто-либо осмелился бросить им вызов. Однако государства, считающиеся и неэффективными, и несправедливыми, лишатся поддержки элиты и народа, которая им нужна для выживания»[6].

Это теоретическое положение подтверждается нашей недавней историей. Советская коммунистическая система характеризовалась нарастающей неэффективностью, но в перспективе общественного мнения выглядела справедливой. Роковой час пробил, когда в годы перестройки возникли массовые сомнения в ее справедливости, что и привело к тотальной делегитимации системы.

Режим Путина в этом смысле выглядел дуалистично. Для массы обездоленных он оборачивался ипостасью справедливости в форме патерналистской риторики и массированных (разумеется, по скромным постсоветским меркам) социальных программ. В глазах преуспевших он не претендовал на справедливость, зато выглядел эффективным по крайней мере в двух отношениях: достижении экономических и внешнеполитических целей и преследовании политических оппонентов. Экономический кризис с нарастающей силой ставит под сомнение эффективность и справедливость российского государства. Если неэффективность в преодолении кризиса объединится с несправедливостью, понимаемой как неспособность государства выполнить масштабные социальные обязательства, то это создаст кумулятивный эффект делегитимации. Между тем «любой набор обстоятельств, который ведет к потере государством в глазах общества эффективности и справедливости, приводит к предательству элит и утрате народной поддержки, что представляет собой ключевой элемент в причинной цепи событий, ведущих к революции»[7].

Важно также отметить, что в общей культурно-идеологической рамке делегитимации репрессии против

политических оппонентов перестают служить доказательством эффективности власти, а наоборот, способствуют радикализации настроений и усугублению революционной ситуации. Парадоксальным образом и прямо противоположная властная политика уступок и постепенной либерализации воспринимается как слабость режима и резко повышает уровень революционных притязаний.

Тем не менее даже самая масштабная и глубокая революционная ситуация никогда не перерастет в революцию, если элита сплочена и настроена в целом контрреволюционно. «Государства, пользующиеся поддержкой сплоченной элиты, в целом неуязвимы для революций снизу». И еще: «Угроза революции возникает тогда, когда в условиях фискальной слабости элиты не желают поддерживать режим либо одолеваемы разногласиями по поводу того, делать ли это, а если да, то как»[8].

Однако ситуация в российской элите, несмотря на многочисленные спекуляции, в целом далека от раскола и, тем более, поляризации. Между тем не внутриэлитные конфликты сами по себе, а именно раскол в элите и ее поляризованность, то есть наличие группировок с резко различающимися представлениями о структуре нового социального порядка, составляют *третье* базовое *условие революции*. Даже если квазиинтеллектуальные спекуляции о противостоянии в российской элите «силовиков» и «либералов» не лишены резона, они не дают никаких серьезных оснований для вывода о существовании сплоченных элитных группировок с резко различающейся идеологией и программами.

Впрочем, само по себе оформление подобных группировок также не прокладывает магистрального пути революции. Приводившееся в начале статьи ее определение недвусмысленно указывает, что революция сопровождается массовой мобилизацией, составляющей *четвертое* необходимое *условие революционной ситуации*. Столкновение сплоченных элитных группировок обычно приводит к перевороту, который может перерасти в революцию лишь в случае выступления масс.

Между тем перспектива массовой мобилизации в современной России выглядит весьма неопределенной. Экономический кризис не вызвал драматического роста протестных настроений и социополитической активности общества. По заслуживающим доверия оценкам Института социологии РАН, готовность россиян принять личное участие в массовых выступлениях переживает крайне незначительную динамику, немногим превышающую пределы статистической погрешности.

В то же самое время русское общество находится в чрезвычайно плохой психической форме, характеризуясь впечатляющей динамикой страха, тревоги и агрессивности. Оборотной стороной революционного кризиса (а последние двадцать лет мы в прямом смысле слова жили в революции самого масштабного и радикального свойства) стало быстрое накопление деструктивного потенциала как результата неотреагированных, не сублимированных напряжений.

Однако агрессивность отечественного общества не канализируется в определенное политическое, социокультурное или этническое русло, а рассеивается в социальном пространстве. Она направлена не против общего *Врага* (кто бы им ни был — буржуа или расовый чужак), а друг против друга, носит характер аутоагрессии. Подобное состояние умов и душ не только не ведет к революции, более того, оно способно истощить потенциальную энергию общественного протеста, превратить ее в ничто, в сотрясение воздуха радикальной фразой. «Угнетение и нищета могут регулярно уходить в нереволюционные формы: социальную апатию, эмиграцию, рост сердечно-сосудистой заболеваемости под воздействием социального стресса, алкоголизм, мелкую преступность, распад семей, падение рождаемости и прочие социальные патологии. *[Что мы и наблюдаем в возрастающих масштабах в современной России. — В. С.]* Все это превращается в социальный динамит, только когда возникает детонатор — неподконтрольные властям религиозные проповедники, интеллигенция, организовавшаяся в революционное движение, или

выпавшие из неовотчинной обоймы начальники и особенно молодые харизматические личности, которым не удается встроиться во власть»[9].

Последняя фраза приведенной цитаты указывает на необходимость связи революционной мобилизации общества с элитой, что составляет *пятое условие возникновения революционной динамики*. Без этого революция не имеет шансов быть успешной даже в случае самой серьезной революционной ситуации: «революции оказываются успешными лишь тогда, когда налицо какая-либо связь или союз между народной мобилизацией и выступлениями элиты против режима»[10]. Под элитой в данном случае подразумевается как отколовшаяся в ходе кризиса ее часть, так изначально выступавшая под революционными лозунгами контрэлита наподобие большевистской начала XX в.

В этом отношении современная Россия выглядит откровенно мизерабельно. Властвующая элита далека даже от раскола, не говоря уже о поляризации. Ее немногочисленные диссиденты типа М. Касьянова вряд ли способны повлиять даже на собственную тень. Номинально революционная контрэлита морально коррумпирована, ассимилирована властью или попросту недееспособна. Стержень контрреволюционной стратегии Кремля, последовательно и настойчиво проводившейся после «оранжевой революции» конца 2004 г. на Украине, составила именно дезактивизация потенциальных революционных детонаторов. И без того слабая революционная поросль буквально вытаптывалась на корню.

Еще один, *шестой* по счету *структурный фактор возникновения революции*, хотя и не носит универсального характера, однако имеет немалую объяснительную и предсказательную силу. Речь идет о таком трудно определяемом научно, но хорошо заметном эмпирически, качестве, как энергетический уровень общества — то, что с легкой руки Л. Гумилева называют пассионарностью. Как бы ни относиться к этому квазинаучному понятию, довольно

очевидно, что революционная активность предполагает не просто «разогрев» общества, а наличие в нем своего рода избыточной энергии. Чаще всего (хотя не обязательно) эта энергия продуцируется демографическим «перегревом» и соответствующим значительным увеличением доли молодежи с присущей ей гиперактивностью, амбициозностью и психической неустойчивостью. Исторически подтверждена сильная корреляция между быстрым ростом населения и революционной активностью: «революции и восстания получают исключительное распространение в те эпохи, когда население растет чрезвычайно быстро — что происходило, например, в конце XVI и начале XVII вв., в конце XVIII и в начале XIX вв., и в некоторых частях развивающегося мира в XX в.»[11].

В этом смысле весьма поучительно обращение к отечественному опыту. «Мальтузианскую» основу Великой русской революции начала прошлого века составил феноменальный демографический рост великорусского населения. На рубеже XIX—XX вв. Россия, по-видимому, была мировым рекордсменом в части естественного прироста населения. Причем приблизительно половину населения европейской части страны составляли люди в возрасте *до 20 лет*. Вот он, горючий материал революции и гражданской войны, социобиологическая основа последовавшей большевистской модернизации и ключевой ресурс Великой Отечественной войны[12]. Спустя каких-то семьдесят лет (сущее мгновение в рамках Большого времени!) ситуация перевернулась: русские вступили в эпоху демографического упадка, который в настоящее время приобрел характер подлинной катастрофы.

Демографическому фактору вообще принадлежит ключевое место в создании и падении империй. Мрачная фраза З. Бжезинского, что Советский Союз, в конечном счете, обрушился из-за беспрецедентного биологического ущерба, который русскому народу причинило коммунистическое правление, не более чем квинтэссенция мирового исторического опыта. В ходе «социалистического

строительства» были растрачены казавшиеся безмерными жизненные силы, выхолощен мощный мессианизм, атрофировалась союзно-имперская идентичность. Русских поразило глубинное, экзистенциальное нежелание жертвовать собой ради созданного ими же государства.

Однако эта фундаментальная слабость обернулась важным позитивным следствием в социополитической сфере: на большей части советского пространства (а в России — совершенно точно) капиталистическая революция проходила в сравнительно мирных формах. Сейчас наше общество значительно слабее, чем 20 лет. По своему физическому и морально-психологическому состоянию оно способно на бурные разовые выплески напряжения и агрессии, но не на устойчивую вражду и длительную гражданскую войну. Витальная слабость общества выступает не только ограничителем масштабов и глубины *гипотетического* революционного насилия, она вообще ставит под сомнение возможность новой революционной волны.

Слабости общества противостоит сила элиты. Заслуживающая критики во многих отношениях, современная российская элита хотя бы в одном, но, возможно, решающем качестве превосходит как позднесоветскую, так и позднеимперскую элиты. Говоря словами К. Леонтьева, она властвует беззастенчиво. Царская и позднекомммунистическая элиты были слишком старомодны, слишком размягчены, слишком либеральны: они оказались не в состоянии жестко ответить на брошенный им вызов — вызов, который ими же во многом и был спровоцирован.

Итак, фундаментальные структурные факторы революции в России отсутствуют, не сформировались, или выражены в незначительной степени. Однако крайне низкая вероятность революции в России не отменяет возможности *масштабного государственного кризиса*. На его возрастающую вероятность указывают количественные модели, построенные на основе теории революций, и эмпирически доказавшие свою высокую предсказательную силу.

Этот гипотетический кризис и станет главной проверкой результатов великой капиталистической революции. Если страна преодолеет его, а государство выйдет из кризиса консолидированным, только тогда и можно будет говорить, что капитализм победил в России не только в основном, но полностью и окончательно.

Библиография

---

[1] Подробнее об этой теории см.: *Голдстоун Дж.* К теории революции четвертого поколения // Логос. — 2006. — № 5; *Фисун А.* Политическая экономия «цветных» революций: неопатримониальная интерпретация // Прогнозис. — 2006. — № 3.

[2] Подробнее о применении теории революций четвертого поколения к России см.: *Соловей В.* Кровь и почва русской истории. — М., 2008 (гл. 6); *Соловей Т., Соловей В.* Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. — М., 2009 (гл. 14).

[3] *Голдстоун Дж.* Указ. соч. — С. 61.

[4] Там же. — С. 93.

[5] Там же. — С. 68.

[6] Там же. — С. 69.

[7] Там же. — С. 71.

[8] Там же. — С. 66, 68.

[9] *Дерлугьян Г.* Кризисы неовотчинного правления // Логос. 2006. — № 5. — С. 158.

[10] *Голдстоун Джек.* Указ. соч. — С. 74.

[11] Там же. — С. 70.

[12] О социобиологической подоплеке исторической динамики см.: *Соловей В. Д.* Кровь и почва русской истории (гл. 3, 4).

С. В. Ткаченко

РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ И ПРАВОВЫЕ РЕФОРМЫ: ОЖИДАЕМОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ

Современная российская правовая система была создана в 90-е годы прошлого века с помощью полномасштабной рецепции западного права под лозунгами построения в России правового государства. Очередной раз российская правовая система приобрела иностранные очертания, однако объем заимствований никогда не носил столь разрушающего для российского правового сознания характера. Для исследователей становится очевидным факт, что «перенос» готовых норм западного права вообще носил характер юридической эпидемии[1].

Однако спустя почти двадцать лет можно констатировать факт: правовая система РФ, созданная российской государственной властью на идеях либерализма, правового государства, разделения властей, институте президентства, римском праве и т. д., в принципе не отвечает интересам большинства российского населения, отлучив его от реального участия в политической и экономической жизни страны.

Особую роль в этом для государственной власти в построении правовой системы сыграл безобидный на первый взгляд инструмент «обогащения права» — рецепция. В гуманитарной науке к рецепции права наблюдается весьма благодушное отношение как к проводнику западной цивилизации в дремучее отечественное правосознание. Современная российская наука в целом рассматривает рецепцию права как добровольный процесс по заимствованию и внедрению правовых ценностей иностранного происхождения. Однако такое определение, в силу своей «безликости», обтекаемости, не отражает действительного характера рецепции, который содержится в идеологическом компоненте.

Идеология реципиента, донора, а зачастую и совместная идеология донора и реципиента образует

искомый идеологический компонент рецепции, выражаясь в научном обосновании и целесообразности отказа от правового прошлого и заимствования «передовых» правовых технологий иностранного происхождения. Это обоснование может быть выражено в попытках модернизации права и государства, в различных формах декоративной рецепции, сопровождающейся скрытым внутренним политическим «переворотом», скрытой или открытой экспансией донора, демонстрацией преемственности с могучей империей прошлого (Древний Рим) или близости к «цивилизованным» государствам современности (США, страны Европы).

Соответственно, в процессах рецепции права представляется необходимым выявлять за публичными политико-правовыми лозунгами и девизами ее идеологическую основу. Это позволяет отличить от модернизации права ее псевдоформу — декоративную модель рецепции. Типичный пример современной декоративной модели рецепции являет российское государство, где в период государственно-правового кризиса (с 1990 г.) реализована полномасштабная рецепция западных культурных и правовых ценностей, не имеющая полноценных аналогов в прошлом.

Декоративная модель рецепции возникает как спасительная для государственной власти идея заимствования правовых «благ» более передовых цивилизаций в момент государственно-правового и экономического кризиса. В этом случае политико-правовая идеология играет важнейшую роль, переключая общественное внимание на грядущие положительные перемены, тем самым сбивая революционный накал и естественное стремление общества к реальной модернизации.

Декоративная модель рецепции права, приведшая к своеобразной форме существования российского государства, отвечает интересам двух субъектов правовых преобразований: правящей элиты, в лице государственной

власти Российской Федерации, и донора — Западной цивилизации.

Закономерным итогом декоративной модели рецепции является современное качественное состояние государственной власти. Она характеризуется тремя основными признаками: властная элита неделима и не смещаема (фактически наследственна); политическая элита автономна и неподконтрольна обществу; власть традиционно связана с обладанием и распоряжением собственностью.

Именно под эти сущностные характеристики российской власти и подгоняются принципы либеральной демократии, которая превращается в свою полную противоположность[2].

Многочисленные исследователи отмечают негативный факт, что правящая элита представляет собой закрытую, самовоспроизводящуюся систему. Само построение государства на родоплеменном и клановом принципе, закрывающее дорогу во власть талантливым управленцам, находящимся вне клановой борьбы, — тупиковый путь, ведущий эти страны не к вершинам прогресса, а к средневековой отсталости и зависимости от мирового капитала и транснациональных корпораций[3].

Игнорирование идеологического компонента правовой системы России, ошибочное представление о патриотичном характере правящей элиты закономерно приводит к выводу об ошибочности самого курса на демократизацию российского государства. Авторы исходят из ложной посылки, что правящая элита действительно хотела демократических преобразований, но российский народ оказался не готов к достижениям западной цивилизации. Данная русофобская доктрина в юриспруденции получила название теории правового нигилизма, которая «прослеживает» неспособность русского народа к демократическим правовым ценностям[4].

Рассматривать российскую политическую элиту в качестве носителей российской культуры, российской

государственности — вреднейшее из заблуждений. Она, к сожалению, далеко не типичный представитель русского народа и, конечно же, не живет его жизнью, насущными проблемами. Ей откровенно проповедуются западные ценности и она ориентируется на западные политические эталоны, самоутверждается на основе агрессивного отрицания собственной национальной традиции[5]. Бессмысленно даже приводить примеры из их государственной и частной жизни, хотя последняя и является действительным мерилом души человека, его настоящих ценностей.

Рассматривая сценарии будущего России, научный мир пытается объективно смоделировать поведение российской политической элиты в будущем: «Хватит ли у российской политической элиты ответственности и воли для того, чтобы не поддаться шантажу, угрозам, запугиванию или, что еще вероятнее, простому подкупу? Сомнительно, поскольку в современной России политическая элита склонна отстаивать персональные интересы своих представителей, но вовсе не национальные интересы России как таковые»[6].

В настоящее время происходит катастрофическое вырождение качественного состава государственной власти, ее закономерная деградация. Это видно даже на телевизионном уровне: по содержанию бесед с населением президента, премьер-министра, по поучениям министра внутренних дел Р. Г. Нургалиева и прочих. Этот факт подтверждается и экспертами Всемирного банка, подводивших итоги десятилетия (1996—2006 гг.), что качество государственного управления в России за этот период совсем не изменилось. Россия в рейтинге (143 место из 162) соседствует с африканскими странами и такими неоднозначно воспринимаемыми международным сообществом политическими режимами, как Венесуэла и Иран. Детальные исследования данного феномена показывают, что в развитых социально-экономических системах уровень коррупции, как правило, ниже, чем в

бедных странах. В итоге «страновые» различия в уровнях коррупции в значительной степени зависят от различий в уровне благосостояния народонаселения и уровня развития экономики[7].

Правовая система РФ обладает ярко выраженным декларативно-подражательным характером («как на Западе»), что выражается в количественном, не качественном переносе элементов иностранной правовой культуры. Однако здесь нельзя предполагать бездумность законодателя в принципе, как это делают многочисленные российские ученые, убежденных в феномене «глупого законодателя»[8]. Правящая элита всегда преследует свои цели, в рамках которых и заимствуется тот или иной институт права. Реципируемые институты сохраняют свою «западную» конструкцию, но содержание здесь уже совсем иное, выгодное для государственной власти. Именно в этом проявляется идеологический аспект рецепции как политико-правового явления.

Конституция РФ 1993 года закономерно отразила полномасштабную экспансию западного права в России, став ее своеобразной Хартией. Она полностью утратила отечественные правовые черты, получив у объективно настроенных исследователей достаточно нелицеприятную характеристику «конституционного эквивалента европейского аэробуса, собранного из деталей, изготовленных в нескольких странах»[9]. «Текст российской конституции — справедливо отмечает В. Пастухов, — вобрал в себя формулы, разбросанные чуть ли не по всем конституциям мира. Это была универсальная одежка, этакий конституционный «унисекс» — и для мальчиков, и для девочек, но на особенности «православной конституции» он не был рассчитан»[10].

Известен также факт прохождение проекта российской Конституции неких международных экспертиз, что в принципе достаточно ярко демонстрирует роль донора в российских правовых реформах. Один из именитых разработчиков Конституции РФ, М. В. Баглай так описывает

процесс принятия Конституции: «Сначала был разработан проект Конституции. Следующая фаза — довольно подробная международная экспертиза. К ней были привлечены многие эксперты, но, пожалуй, еще более важно то, что и наша отечественная юридическая наука оказалась на высоте»[11].

Конституция РФ закрепила создание своеобразных политико-правовых «уродцев», состоящие из разнообразных, разноплановых по своему характеру, иностранных правовых институтов, плохо подогнанных друг к другу, не приспособленных к российским условиям и способных отрицательно влиять на возможный процесс модернизации государства и общества в целом. Так, при построении «правового государства» государственной властью создан западно-русский правовой гибрид «президентская монархия», который характеризуется феноменом «передачи власти». К настоящему времени стало очевидно, что институт президентства в России в своей специфической форме не привел для государственности к положительным результатам. Конечно, он вполне справился и продолжает справляться со своей основной задачей — окончательное закрепление власти за определенной политической силой, что, в принципе, и являлось основной задачей правовых реформ 90-х годов.

Идеология феномена «президентской монархии» прекрасно осознается научным сообществом, что приводит к рассуждениям о пользе монархии в современной России. Констатируется уже сама «естественность» монархического способа правления для русского общества: «для нашей власти (и для нашего социума) именно самодержавие есть норма»[12]; «… императорская власть — одно из величайших установлений русской народной нравственности. Русский народ не знает на земле ничего более высокого и святого, как власть Царя. Оно для него воплощение возможной для людей справедливости, неиссякаемый источник добра»[13]. По мнению И. В. Федоровой-Кузнецовой, «Россия может прийти к демократии своим собственным путем, соответствующим ее историческим, политическим,

экономическим традициям и условиям. В этом смысле весьма существенно учесть все то, что так или иначе еще связывает российское общество с монархическими традициями»[14]. Наиболее откровенно высказался известный политолог И. Н. Панарин, намного в этом опередив остальных представителей научной мысли: «В. Путин должен …стать первым Государем Евразийской Руси. …Время президента России В. Путина — собирателя и воина — уходит, наступает время Государя — строителя Евразийской Руси. Именно в этом заключается историческая миссия Владимира Владимировича Путина»[15].

Здесь особым ключом к пониманию действительных процессов является институт выборов как инструмент сохранения власти при видимости демократических преобразований. Несмотря на свою внешнюю безобидность, данный институт является самым вредоносным для российской государственности и напрямую угрожает национальной безопасности. Стало очевидным, что институт выборов в России работает только в пользу правящей элиты, но не в пользу российского общества в целом. Российская общественность правовым способом отлучена от реального управления государством, несмотря на рецепцию достаточно эффективной западной системы выборов. Симбиоз западной выборной модели и существующих российских административных рычагов управления закономерно приводил, приводит и будет приводить к нужному для правящей элиты результату.

Следует констатировать безусловный факт — выборы в России задумывались как административно управляемые и закономерно стали таковыми. Объясняется данный факт тем же идеологическим компонентом рецепции, которую государство проводит, прежде всего, в собственную пользу (а это не всегда предполагает совпадение с общественными интересами) и никогда — во вред себе. Основным девизом политической элиты служит следующее положение: «Что хорошо для власть имущих — то хорошо и для этого государства, а что хорошо для

государства — то хорошо и для остального общества». В рамках данного девиза заранее просчитывается политическая выгода при заимствовании тех или иных зарубежных правовых идей, институтов, принципов, инструментов.

В настоящее время государственная власть вновь взывает к гражданскому обществу для некоего диалога по изменению идеологии государства. Президентом РФ публично признан факт провальности проведенных реформ и жуткий результат — создание сырьевой экономики, выгодной всем, кроме населения России. Но эти призывы государственной власти так и останутся только призывами. Власть в принципе не готова воспринимать население России в качестве субъекта политической жизни, в силу чего окончательно превращается в кастовое, деградирующее сообщество. Диалог в таких условиях просто невозможен.

Нельзя забывать, что правовая реформа РФ сложилась вследствие поражения в «холодной войне». Это, в свою очередь, исключает какую-либо пассивность иностранных победителей в российском строительстве правового государства. В современной литературе существует стойкая тенденция не замечать, принципиально игнорировать цели и задачи не только рецепции права, но и конкретного донора (доноров) такой рецепции. Ведь рецепция права подразумевает двухсторонний процесс, где взаимодействуют в той или иной степени как страна-реципиент, так и страна-донор. Однако, убеждая общественность, что рецепция права — только односторонний добровольный процесс по модернизации права, политики и поддерживающие их научное сообщество старательно затушевывают активную роль донора в российских политико-правовых преобразованиях и получение ими закономерных политических и экономических выгод.

Объективное рассмотрение внутреннего содержания российской полномасштабной рецепции западного права, ее результатов для российского и западного обществ приводит к закономерному предположению о наличии четко выраженной экспансии донора в российских правовых реформах.

Как правило, политическая, правовая и экономическая экспансия реализуется под лозунгами добровольной всесторонней безвозмездной помощи в ликвидации правовой отсталости и модернизации отечественных правовых систем. Очевидной целью является упрощение ограбления донором реципиента, в частности систематического вывоза природных ресурсов, жесткой эксплуатации его рабочей силы, индустриальной, торговой, финансовой и иной эксплуатации, тотального контроля за реципиентом, дискредитация или уничтожение какого-либо действительного сопротивления.

С жестким характером экспансии донора хорошо знакома наша правовая система, которая радикально изменена в русле пожеланий политиков и разнообразных экспертов США. Поэтому и неудивительно предположение, что за рецепцией зачастую скрываются происки зарубежных спецслужб. А. Бойков крайне осторожно замечает, что на процесс учета зарубежного опыта (то есть рецепции права) влияют и «скрытые усилия некоторых зарубежных спецслужб, заинтересованных в развале державы и превращении ее в колониальный придаток западной цивилизации»[16].

На сегодняшний момент известно, что только в руководимом А. Чубайсом Госкомимуществе работало более двухсот иностранцев, большинство из которых были кадровыми разведчиками. Иностранные специалисты и журналисты официально входили в предвыборный штаб Б. Ельцина в 1996 г. Среди них Т. Бел, проводивший кампанию по выборам М. Тэтчер в 1979 г., П. Уилсон и другие[17]. Вообще же с момента начала реформ свои услуги России оказали 30 тысяч западных консультантов[18].

Таким образом, действительная модернизация государственной властью правовой системы в настоящих условиях просто невозможна. Мало того, сама политико-правовая ситуация начинает приобретать необратимый для российской демократии характер, так как созданные политико-правовые гибриды начинают отбрасывать свою псевдодемократическую шелуху. Так, российская форма правления становится монархией в худшем смысле этого

слова (то есть с правами, но не с обязанностями), парламент превратился в подконтрольный монарху государственный орган, российский федерализм оставил русских практически бесправными, по сравнению с другими народами (например, Татарстан, Башкирия) и т. д.

Особо необходимо отметить, что судебная система окончательно теряет демократический характер, обслуживая интересы только богатого населения и не выполняя основной своей цели — быть справедливым судом. Количество оправдательных приговоров для россиян практически равно нулю. Пенитенциарная система перезаполнена населением с низким уровнем доходов. Есть основания в связи с этим предполагать крайне высокий уровень судебной ошибки.

Изменить данную ситуацию России просто не дадут, так как практически полностью разрушена и продолжает разрушаться обороноспособность самого государства. К этому необходимо добавить тотальное вымирание русских, масштабную иммиграцию интеллигенции на Запад.

Таким образом, государственной властью России с 90-х годов с учетом настойчивых пожеланий США создана нежизнеспособная для российского населения модель государства, могущая функционировать только в качестве сырьевого придатка Запада.

Библиография

[1] *Тихомиров Ю. А.* Курс сравнительного права. — М., 1996. — С. 55.

[2] *Лихачев И. В.* Политические элиты современной России: сущность, особенности, перспективы: Автореф. дис. … к. полит. н. — М., 2004. — С. 23.

[3] *Хажмурадов В. Э.* Трансформация политических элит в процессе перехода от традиционного общества к современному: Дис. … к.полит. н. — Ростов-на-Дону, 2006. — С. 41.

[4] См. об этом: *Ткаченко С.В.* Рецепция западного права в России: проблемы взаимодействия субъектов: монография. — Самара, 2009.

[5] *Василенко И. А.* Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства. — М., 1999. — С. 162.

[6] *Пантин В. И., Лапкин В. В.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. — Дубна, 2006. — С. 425

[7] *Дмиов В. А.* Эволюция институтов и модернизация российской экономики: Автореф. дис. … д. э. н. — СПб., 2009. — С. 32.

[8] См. подробнее: *Ткаченко С. В.* Мифология рецепции права // Право и политика. — № 8 (116). — 2009. — С. 1624—1629.

[9] *Шарлет Р.* Правовые трансплантации и политические мутации: рецепция конституционного права в России и новых независимых государствах // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. — 1999. — № 2. — С. 18

[10] *Пастухов В.* Второе дыхание русского конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. — 2008. — № 2. — С. 6.

[11] Там же. — С. 33.

[12] *Глебова И. И.* Как Россия справилась с демократией: заметки о русской политической культуре, власти, обществе. — М., 2006. — С. 111.

[13] *Горшколепов А. А.* Идеократическая государственность: политико-правовой анализ: Дис. … к. ю. н. — Ростов-на-Дону, 2001. — С. 144—145.

[14] *Федорова-Кузнецова И. В.* Монархия как институт политической власти: Дис. … к. полит. н. — Саратов, 1997. — С. 5.

[15] *Панарин И. Н.* Информационная война за будущее России. — М. 2008. — С. 228.

[16] *Бойков А.* Проблемы развития российской прокуратуры // Законность. — 1998. — № 7. — С. 5.

[17] *Лисичкин В., Шелепин Л.* Россия под властью плутократии. — М., 2003. — С. 37.

[18] См.: Труд. — 1998. — 29 сентября.

М. Ю. Черниченко

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ЮГА РОССИИ 1918—1920 гг.

Изучение дискурсивных практик открывает новые научно-исследовательские горизонты. Специалисты в области различных отраслей гуманитарного знания, таких как лингвистика, социология, филология, политология, философия, культурология, активно разрабатывают данную проблематику. Это отражает тенденцию современной науки к междисциплинарному исследованию и изучению «пограничного объекта». Тем не менее, историческая наука долгое время находилась на периферии изучения этого вопроса, что совершенно неоправданно, поскольку дискурс, как любой коммуникативный акт, порождается, прежде всего, особыми историко-социальными условиями конкретного исторического периода и не исчерпывается языковой практикой современников. В связи с этим становится очевидным необходимость изучения дискурсивных практик в контексте эпохи, взаимосвязи исторических событий и «языковой картины мира».

Зарубежные исследователи давно обосновали значимость анализа дискурса в исторических исследованиях. Так, еще в 1980-х гг. во Франции была создана научно-исследовательская группа ADELA (“Analyse du Discours et lecture d’Archives”), благодаря работе которой использование анализа дискурса историками стало «легитимным» и востребованным во всей Западной Европе.

Период Гражданской войны в России — один из самых ярких примеров «русской смуты», повлекшей за собой целый ряд кризисных явлений в политике, экономике, культуре, идеологии, религии, которые воздействовали на сознание населения, модифицировали языковую реальность. Этот процесс прежде всего отражался в периодической печати, газетной и журнальной публицистике, где

традиционно воспроизводились злободневные, общественно-значимые события, давалась их интерпретация и оценка журналистами, публицистами.

Яркий тому пример — комплекс публицистических и информационных материалов, опубликованных в периодической печати, выходившей на территории белых правительств юга России в 1918—1920 гг. Одна из самых острых, злободневных, волнующих всех и каждого тем был экономический кризис, поразивший Россию. Обостренный интерес издателей, редакторов, всех редакционных работников и, наконец, журналистов к экономической тематике диктовался многими факторами: стремлением политических и экономических групп повлиять на экономическую политику правительства в целом или добиться принятия того или иного решения правительства в хозяйственной сфере, намерением проинформировать торгово-промышленные круги о конъюнктуре рынка, о военных и политических событиях, решающим образом влияющих на хозяйственную жизнь, отразить отношение населения к экономической политике правительства, обобщить настроения и взгляды населения на экономическую ситуацию, даже подсказать населению, как выжить в условиях острейшего экономического кризиса. Материалы экономической тематики вызывали самое острое внимание и интерес грамотной части населения по вполне понятной причине: речь зачастую шла совсем не о том, как обеспечить себе привычные материальные условия жизни, а о том, как выжить в условиях гиперинфляции и острейшего товарного дефицита, в условиях, когда реальные доходы не дотягивали даже до «голодного прожиточного минимума». Поэтому большой блок самых разнообразных материалов практически в каждом издании, в каждом номере, в каждом выпуске был посвящен экономической жизни, экономическому кризису: курсу русского рубля по отношению к мировым валютам, росту цен на сырье, продовольствие и промышленные товары первой необходимости, спекуляции, транспортным и прочим

условиям внутренней торговле, импорту товаров, правительственным мерам по регулированию хозяйственной жизни, причем как уже проведенным в жизнь, так и еще находящимся в стадии разработки и предположений.

Изучение экономического дискурса в антибольшевистской периодической печати периода Гражданской войны на юге России позволяет по-новому, более точно, чем это позволяют классические методы исторического исследования, оценить реакцию населения на экономическую политику правительств генералов А. И. Деникина и П. Н. Врангеля, выявить экономическую картину мира современника в условиях кризиса, динамику изменения соотношения капиталистической и антикапиталистической ментальности. Помимо прочего, выясняется, что, оставаясь сторонниками частной собственности как краеугольного камня традиционной, рыночной, экономики, многие журналисты, публицисты и политики, включая широко известных, главную причину кризиса видели в «спекуляции». Осуждая «торгашей» и «спекулянтов», они в значительной мере использовали слова и выражения, характерные для большевистской пропаганды, отрицающей всякую частную собственность как зло, как корень всех бед России и ее народа. В этой ситуации, в частности, возник удивительный феномен: оставаясь сторонниками частной собственности как основы традиционной рыночной экономики, многие публицисты и политики, включая широко известных, главную причину кризиса видели в «спекуляции». Осуждая «торгашей» и «спекулянтов», они в значительной мере использовали слова и выражения, характерные для большевистской пропаганды, отрицающей всякую частную собственность как зло, как корень всех бед России и ее народа.

А. В. Чертищев

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ И УРОКАХ АНАЛИЗА МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИИ В 1917 ГОДУ

Позднее вступление России на путь модернизации при ограниченности предпосылок нового цивилизационного развития и запаздывании в проведении необходимых социально-политических преобразований привело к глубокому социокультурному расколу в обществе и, как следствие, обострению общественных противоречий. Социальная стабильность, которая была первейшим условием проведения любого реформирования в стране, была нарушена уже в ходе предвоенного подъема революционной волны, но поистине трагическим поворотом для России, настоящим проклятием Атридов, стала для нее Первая мировая война. Можно утверждать, что межсистемное неустойчивое равновесие нашей страны начала XX века разбилось о войну, а для такой сверхсложноорганизованной системы, как Россия, опаснее всего была потеря равновесия, всегда чреватая «стабилизирующим» откатом назад.

Признавая, что основными источниками исторических изменений могут быть индивиды, гражданское общество, государство и другие институты, мы считаем необходимым подчеркнуть, что в общественном процессе люди не действуют изолированно друг от друга, а тем более — в условиях войны и революции. Можно утверждать, что человеческие массы и власти — главные агенты исторического развития, два действующих одновременно и объекта, и субъекта исторической сцены. Историческим феноменом XX века, и особенно 1917 года, является выход на политическую арену масс, понимаемых нами в самом широком смысле этого слова, в силу чего в основе политической борьбы в этот период мы обнаруживаем борьбу за массовое сознание, так как именно

поддержка масс гарантировала в тех условиях «право на власть». Впервые такая оценка событий того периода была высказана в сборнике «Смена вех», один из авторов которого, С. Лукьянов, писал в статье «Революция и власть»: «Скажу прямо: в условиях русской жизни 1917 года, при отсутствии вполне четко сложившейся и организованно построенной социальной базы государственной власти, заменить такую базу могли только «массы», сознательно сплоченные демагогическими лозунгами: не определенный класс, а именно «массы»[1]. В последнее время эта точка зрения получила признание и среди современных историков[2], хотя мысль о том, что массовое сознание регулирует не только личное и общественное поведение людей, но и не в меньшей мере деятельность социальных институтов, учреждений и организаций, впервые высказал роялист Ж. Де Местр более 200 лет назад[3]. Из революционного хаоса в непосредственной борьбе множества альтернатив, победу одерживает наиболее сильная, волевая, динамичная, организованная, прагматичная и эффективная сила, чьи лидеры сумели подчинить себе массовую стихию, поведение которой на основе ее представлений, образов, надежд, чаяний, иллюзий и разочарований определило в конечном счете характер социальных сдвигов в России 1917 года поистине тектонического масштаба.

На наш взгляд, следует согласиться с Б. А. Грушиным, который выделил следующие характерные черты массы: соединение в рамках общности «большого» числа индивидов, ведущее к умножению социально-общественных и межличностных связей между ними; уравнение условий и иных характеристик деятельности индивидов; взаимозаменяемость индивидов в таких общностях[4].

Самые большие тайны в истории — это тайны человеческого сознания, ибо все концепции, программы, проекты, установки и т.п., сформулированные лидерами и институтами власти и управления, прежде чем воплотиться в реальную жизнь, материализоваться, так или иначе

воспринимаются (или не воспринимаются) широкими слоями населения, иначе говоря, как-то проходят «через человеческие головы».

В еще большей степени это утверждение относится к сознанию массовому: вопросы о формировании, продуцировании и эволюция сознания, а также побудительных мотивах масс являются одними из самых трудноразрешимых. Вместе с тем, без изучения процесса овладения политическими идеями массовым сознанием невозможно создать теоретические модели, адекватно отражающие исторический процесс, в том числе и события 1917 года.

Под массовым сознанием мы понимаем сферу общественного сознания больших социальных групп людей, образуемую совокупностью знаний, представлений, норм, ценностей, социальных чувств, отражающую разнообразные отношения в обществе в соответствии с условиями их повседневной жизни, потребностями и интересами и выражающуюся в общественном мнении, настроении и поведении масс. Необходимо подчеркнуть, что структурно в массовом сознании присутствует широкий спектр разнородных представлений и взглядов: от элементов объективного знания до ложного и даже извращенного отражения действительности, от чувственных образов до абстракций, от эмпирических сведений до фрагментов теоретических концепций, от рационального до иррационального отражения, от радикалистского видения политической реальности до консервативного.

Содержательные характеристики массового сознания, как показала объективация событий 1917 года, совпадают с самими предметами его внимания, свойствами, приписываемыми этим предметам, знаком отношения к ним, силой такого отношения. Существуют «моментальные» его характеристики, проявляющиеся в отношении к «точечным» объектам действительности, которые сами по себе достаточно весомы и значимы в социальной жизни общества (июньское наступление, выступление генерала Л. Г. Корнилова), и «глубинные» устойчивые свойства,

проявляющиеся одновременно ко многим объектам. Объективную почву массового сознания составляли, переплетаясь и взаимодействуя, бесчисленное множество самых разнообразных аспектов действительности: географическая среда, историческое прошлое страны, уровень материальной жизни и характер потребления, условия социальной деятельности, место в существующих социальных отношениях, культура и идеология общества, политические институты и формы общественно-политической жизни, социально-политическая обстановка в стране и мире и многое другое.

Сущностные характеристики массового сознания позволяют выделить некоторые его особенности. К ним, на наш взгляд, следует отнести: конкретно-исторический характер массового сознания, несмотря на совмещение в нем всех трех модусов исторического времени — прошлого, настоящего и будущего; динамичность и изменчивость; определенный консерватизм; непосредственная связь с текущими процессами социальной и политической практики; наличие устойчивых стереотипов; преобладание эмоционального элемента над аналитическим; тяготение к упрощению причинно-следственных связей в трактовке событий и явлений, их персонификация, сложность, противоречивость, бессистемность, синкретность, размытость, фрагментарность, мозаичность, пористость, прерывистость, аморфность; специфичность для каждой социальной общности, страны и различных этапов их развития; средства массовой коммуникации и общественное мнение как механизмы регуляции массового сознания.

Исторические реалии 1917 года позволяют утверждать, что в отношении массового сознания целесообразно использовать термин «продуцирование», который более точно описывает этот процесс, нежели термин «формирование», отражающий не все стороны этого процесса, а преимущественно момент «внешнего», «воспитательного» воздействия на уже существующее сознание. Абсолютизация такого воздействия приводит

к ошибочной оценке сознания и поведения масс как результата исключительно чьих-либо направляющих действий, отрицание — к представлению их как сплошной и слепой стихии.

В действительности продуцирование массового сознания осуществляется в сложном процессе критического осмысления людьми социальной действительности, обобщения и постепенной рационализации чувственных представлений; присоединения к уже сформированным оценкам и нормам социально-политического процесса; эмоционального приобщения к вере в справедливость тех или иных идеалов; массовое сознание открыто для восприятия разного опыта, для постоянного уточнения оценок минувшего и настоящего, переинтерпретации разнообразных социальных явлений, в том числе и возможного будущего; его развитие зависит не столько от приращения специальных знаний, сколько от разнообразия участия граждан в реальных социально-политических процессах. Анализ способов индоктринации идей в массовое сознание, исходя из событий 1917 г., позволяет прийти к заключению, что наиболее эффективно этот процесс может решаться в рамках системного использования трех, так называемых, образов восприятия: образа-информации, образа-значения и образа ожидаемого будущего.

К числу наиболее глубинных феноменов всех носителей российского массового сознания, по оценке различных исследователей, необходимо отнести связь с историей Рима и Византии, тоталитарность мышления и сознания, мессианизм, правовой нигилизм, соборность, догматизм, социалистическую идею, общинность, бунтарство, жестокость, «заторможенность», здравый консерватизм и др. В массовом сознании, находящемся в предреволюционном состоянии, как свидетельствуют разнообразные источники, относительно широкое распространение получают элементы, активно отрицающие большинство из всего, относящегося к данному обществу, хотя говорить о значительном количественном преобладании все равно не приходится.

Кардинальные изменения происходят в массовом сознании, когда жизнь людей получает особое напряжение, как например, во время революций. Оно становится более динамичным и открытым, освобождается от веры в авторитеты, обретает рационализм, отличается большим критицизмом, углубляется недоверие к официальным политическим институтам, нарастает отчуждение людей от власти, что находит свое проявление в нелицеприятном характере высказываний в ее адрес.

Привнесла в массовое сознание много специфических элементов и революция 1917 г., и, в частности: массы почувствовали себя вершителями своей новой исторической судьбы, предельный прагматизм установок, превращение социалистических идей в едва ли не главный компонент сознания масс, «упрощение» многомерных социальных конфликтов до противостояния «верхов» и «низов», «чужого» и «своего», «старого» и «нового», этнонациональный фактор, «самозарождение» слухов, подмену образа «внешнего» врага образом врага «внутреннего», «классового», повышенное агрессивное начало, носители которого выступают историческим воплощением того возмездия, которое заслужила старая система, смена значимости «высших ценностей» и повседневности и др.

Такая переориентация массового сознания шла болезненно, усиливала общественную нестабильность. Процесс ломки стереотипов сознания масс, вытеснения прежних и восприятия новых установок был долгим, многотрудным, полным драматизма, но вектор его направленности в противовес установке на сохранение существующего порядка и стабильности неизменно был направлен на разрушение, что не могло не привести к национальной катастрофе.

Создавшаяся ситуация стала возможной в силу социально-психологического кризиса доверия к власти в массовом сознании преобладающей части российского общества, набравшего силу в годы Первой мировой войны. Политический расчет, целесообразность, осознаваемая

в меру понимания, в конкретной ситуации заставили отказаться от института монархии как такового, хотя ее отрицание, по сути, не было столь безусловным и единодушным. Произошла не только коррозия монархического элемента в массовом сознании, крах традиционной монархии сорвал с носителей высшей власти последние покровы сакральности. Разочарование, потеря столь значимого для россиян символа, одного из стержневых в культурной традиции России, породили духовное опустошение, озлобление, ненависть. Демократия при этом представлялась как «самоценность», но ее практический смысл оставался непонятным для масс.

При наличии данных обстоятельств, как отмечали некоторые исследователи еще в начале XX в., страна испытывает психологическую эпидемию, которая приводит к национальной катастрофе. Она происходит при совпадении не менее трех факторов. Первый из них — наличие фанатиков, то есть параноидальных личностей (их примерно 3% в любом обществе). Это психически неустойчивые люди, или люди не обладающие самостоятельным мышлением, твердым характером, чаще всего это легко внушаемые. На массовых митингах ловкий краснобай способен, играя на волнах эмоций, вести массы людей в желаемом для него направлении. Когда лидеры-фанатики и внушаемые люди толпы смыкаются с третьим фактором — властью, то от этого замыкания «вольтовой дуги» образуется сильнейшее замыкание. Так рождается катастрофа[5]. Трансформация мировоззрения побуждает массы осознанно или на подсознательном уровне к деятельности, мотивирует их социальную активность. Иными словами, кризис в обществе можно представить в виде «смерти-возрождения» империи, в ходе которого ее базовые элементы исторгают из нее и из массового сознания то, что мешает органическому течению их примитивного существования.

У нас нет оснований, как это нередко делалось ранее, серьезные неудачи в воздействии на массовое сознание

сводить к провалу воспитательной политики государства и промахам отдельных лиц, хотя и они имели быть место. Прямой и обратной связью они были соединены с уникальным состоянием российского общества. Его главной особенностью были много- и разноукладность (экономическая, социальная, политическая, национальная, культурная, религиозная и др.) с неизбежными при этом состоянии межукладными конфликтами и с весьма жесткими, еще плохо проницаемыми переборками между укладами. Взятый в разных исторически сложившихся противостояниях перегородчатый российский организм (город — деревня, «верхи — низы», государство — общество, интеллигенция — власть, русские — инородцы, армия — гражданское население, офицеры — нижние чины, фронт — тыл) сам по себе являлся вряд ли преодолимым препятствием для массовой индоктринации и мобилизации духовных ресурсов. Разноукладность, разнокультурность России с наложившейся на нее «сверху» модернизацией, стремительным со второй половины XIX в. прогрессом подсистем открытого типа, создали парадоксальную и удивительную с точки зрения историка ситуацию — даже огромная война, объективно вошедшая во все клетки и поры России, замкнувшая на себя, казалось бы, все жизненные функции страны, оказалась «посторонней», ненужной, отторгаемой как досадная помеха обычному течению повседневной жизни. Более того, подтвердился исторический курьез: худшие времена для дурного режима наступают как раз тогда, когда он начинает исправляться. Действия, требовавшие максимального напряжения материальных и человеческих сил, делали власть и всю российскую государственность хрупкой перед революцией.

В тесной связи с таким отношением к войне в массовом сознании российского общества одно из главенствующих мест занимали массовые представления о справедливом распределении тягот войны между различными слоями общества. В ходе революции 1917 г. происходила эволюция массового сознания «низов»,

изменение его содержания в направлении возрастающей радикализации, увеличения удельного веса общинно-уравнительных по своему происхождению установок, определяющих приоритет ценностей социальной справедливости. В массах господствовал идеал общественного устройства, основанный на нормах демократии, исторически укоренившихся в России, — нормах общинной демократии. Вместе с тем, Февраль 1917 г. означал тот реальный успех идеи «справедливости» в социальном движении масс, который следовало бы без промедления «сакрализовать» на высшем уровне хотя бы в форме Учредительного собрания. Это не было сделано и не могло быть сделано доктринерами, что объективно означало потворствование хаосу.

Рассматривая события Октября 1917 г., нельзя также не учитывать, что их главной силой были маргинализованные, люмпенизированные массы, основными чертами менталитета которых были ненависть к социальному неравенству и стремление к всеобщему уравнительству. По мере того, как развертывались эти народные пласты, лозунг социальной справедливости перерождался внизу, в массах сначала в требования, близкие к социальному поравнению, которое само по себе одухотворяло людей, а затем в прямой диктат своей социальной исключительности и даже ожидание гарантий на получение определенных общественных привилегий.

Революционный порыв февральских дней породил у народных масс представление, что можно якобы в одночасье решить накопившиеся сложные социально-экономические, политические и национальные проблемы. Вера в то, что революция сулит широким общественным слоям немедленное осуществление их желаний, была, конечно, утопична. Между тем в народных массах, не без помощи политических партий, особенно социалистической ориентации, шел поиск наиболее простого решения одним махом разрубить тугой узел сплетавшихся все сильнее острых проблем. Таким выходом в массовом сознании стал

образ «сильной власти», а методом управления либо «Долой!», «В отставку!», либо «Да здравствует!». Доминировавшие требования народовластия, демократии советского типа сочетались в сознании масс с этатистскими ожиданиями всесильного революционного государства, жаждой появления вождя, способного решить все наболевшие вопросы, что создавало социально-психологические предпосылки установления новой диктатуры.

Низкий культурно-образовательный уровень масс приводил к тому, что они с готовностью подчинялись тем силам, которые, как казалось им, могли обеспечить стабильность в обществе, создать в короткий срок нормальные условия жизни, ускорить наведение порядка, покончить с хаосом, охватывающим все государство. Поэтому равнодействующая политической жизни все более уклонялась влево, то есть в радикально-новаторском духе. Разнообразные источники о характере продуцирования массового сознания в 1917 г. обнаруживают, что далеко не всегда идеи, вносимые в него силами различной политической ориентации соответствовали их истинным намерениям по возможным перспективам развития складывающейся ситуации. Некоторые документы доказывают, что подобного рода механизм был известен еще со времен Великой Французской Революции, когда ее дирижеры сознательно формулировали идеалы для профанов, скрывая их эзотерический смысл. «Завещание избирателям Парижа» некоего Луи Абеля Бефруа-Рейньи, именуемого кузеном «Жаком», члена «клуба добрых людей» учит, что все действия и события по осуществлению революции должны быть проводимы на трех уровнях: «дела истинные, мало известные людям; дела фактические, которые служат, чтобы скрыть от людей истину; дела вспомогательные, которые способствуют, более или менее, но всегда косвенным образом большим катастрофам, из которых и вырастает успех»[6]. Дирижеры Великой Русской Революции хорошо усвоили этот урок и поступали аналогичным образом, когда рекомендовали «к чисто

объективному анализу классового положения прибавить оценку обещаний, которые, конечно, для марксиста сами по себе никакого значения не имеют. Но для широких масс это много значит, а для политики еще больше»[7].

Единственной политической силой, которая эффективно овладела стихией массового сознания были большевики. На протяжении всей своей деятельности в годы Первой мировой войны они настойчиво и целеустремленно воздействовали на него. И если их успехи в этой работе до свержения самодержавия были крайне незначительны, то после Февраля 1917 г., рисуя яркие картины будущей жизни, преувеличивая и повторяя на всевозможных митингах, краткие, понятные, доступные для понимания каждого лозунги, соединяя в них утопические, прагматические и демагогические элементы, созвучные особенностям массового сознания в условиях войны и крушения традиционного уклада жизни, массовым представлениям о демократии и справедливости, воздействуя на религиозную подоснову массового сознания, на наивную веру в возможность разом решить все проблемы, отказываясь от каких-либо этических ограничений, большевики сумели захватить политическую власть в стране.

Особо следует подчеркнуть, что большевики не смогли бы прорваться к вершинам власти, если бы не уловили в свои политические паруса порыва массового радикализма. Необходимо отметить также их необычайное умение адаптировать марксистскую теорию к уровню сознания масс, что помогло им проникнуть в идеологическую нишу, которую раньше занимало «начальство». Почему же выразителем традиционных устремлений российских масс стала именно марксистская идеология?

По нашему мнению, в момент возникновения марксизм представлял собой преимущественно рациональное учение, хотя и с элементами мифологии. Эти элементы, в первую очередь стремление к всеобъемлемости, претензия на абсолютную истину (в классическом марксизме эта претензия выступала в смягченном виде)

и некоторая склонность к эсхатологии, и делали его столь привлекательным. От традиционных утопий марксизм отличался в первую очередь тем, что основное внимание обращал не на устройство идеального общества, а на пути его достижения, неукоснительно следуя рекомендациям Н. Макиавелли «вести народ от надежды к надежде, никогда к ним не приводя». Постепенно, однако, с превращением марксизма из научной теории в массовую идеологию, он преобразовывался из «науки в утопию». Парадоксально, но, перефразируя мысль Н. А. Бердяева, большевизм оказался «наиболее реалистическим» именно в силу своей утопичности.

В ходе революции 1917 года марксизм слился с архаической мифологией масс и превратился в своеобразную форму российской эсхатологии — учения, возвещающего конец старого и возникновение нового мира, только не на небе, а в реальной жизни, на земле. Большевики выдвинули очень привлекательную, так называемую, «опережающую», социалистическо-советскую модель развития России как первой страны и опорной базы будущей мировой социалистической пролетарской революции, в победоносном ходе которой будет воплощена вековая мечта человечества о «золотом веке — коммунистическом рае на земле». Все это не могло не привлечь политически активную, радикально-экстремистски, социалистически ориентированную часть населения, главным образом, из «низших», угнетенных слоев общества, полностью разочарованных в монархо-конституционных, либерально-демократических и умеренно социалистических альтернативах.

Некоторый исторический парадокс заключается в том, что модернизация в России вызвала к жизни архаический тип сознания, влияние которого в значительной степени усиливалось в кризисные эпохи. Именно на архаическое сознание ориентировались все массовые движения, и в этом как раз заключалась гарантия их массовости. Большевизм сумел, вольно или невольно, опереться на эти особенности российского массового сознания.

Характерной особенностью 1917 года в России было то, что атмосфера «митинговой демократии» способствовала быстрой политизации масс. На основе анализа ситуации в стране можно констатировать, что любым политическим акциям в этот период предшествовала «борьба лозунгов», апеллирующая к массовому сознанию. Если лозунги большевиков носили конкретный и утилитарный характер, отражали непосредственные потребности масс — «Власть — Советам!», «Земля — крестьянам!», «Фабрики — рабочим!», «Долой войну!», — то лозунги социалистических и либерально-демократических партий, в той или иной степени, формулировались через призму доктринального, «идеального» видения мира.

События 1917 г. и их исследование позволяют установить, что массовое сознание обладает и определенными разновидностями состояний. Одной из важнейших из них является социальная напряженность, качественной мерой которой служит ее уровень: при отсутствии социальной напряженности имеет место неудовлетворенность отдельных индивидов и групп на обыденном уровне; низкий уровень характеризуется массовым недовольством людей на обыденном уровне, готовностью отдельных социальных групп предпринять демонстративные или незаконные действия для выражения своего протеста; при среднем уровне готовность к акциям протеста приобретает массовый характер, возникают группы, готовые к силовому решению проблем; особенность высокого уровня — невыполнение распоряжений властных структур, невооруженная демонстрация силы (митинги, шествия, пикетирования), поляризация общества; при очень высоком уровне наблюдается готовность решения проблем с помощью насилия, в том числе с применением оружия; при критическом уровне превалируют силовые методы решения проблем, в массовом сознании преобладает страх, готовность поддержать любые силы, способные навести порядок; «сверхкритический» уровень свойственен формам общественного поведения, носящими деструктивный характер (социальный взрыв, революция, гражданская война).[8]

На наш взгляд, проблематика массового сознания и на его основе поведения значительных масс людей не уникальна и не экзотична, напротив, она имеет самое непосредственное и практическое отношение к современности и будущему России. Мы снова оказались в ситуации (в сущности, она не претерпела качественных изменений с Февраля 1917 г.), когда будущее нашей страны слагается из многих неизвестных, когда все опять зависит от такой случайности, как воля отдельных лиц, имеющих влияние на массы.

Реалии же 1917 г. позволяют сформулировать некоторые уроки:

1. Наше пока неясное будущее целиком зависит от нашей способности преодолеть свое закоренелое отвращение к правде, в том числе и о нашем прошлом. Мы не сможем рассчитывать на лучшее будущее, пока не преодолеем укоренившуюся привычку лгать самим себе во всем. Следует признать циничную и откровенную правоту Августина Блаженного, что большей частью мы скрываем истину не при помощи лжи, а с помощью умолчания. Гораздо важнее знать правду, чем блюсти лицемерную чистоту истории.

2. Мы не вольны выбирать себе родителей, Родину, ее историю, а политическая элита — народ, с которым она хочет строить новую Россию. Бессмысленно жалеть, что они не были и не есть такие, как хотелось. На важнейшем этапе развития нашей страны исключительно важно, чтобы нашим политическим руководителям хватило русскости, сопричастности к русской жизни, русской истории, подсознательного органического самоощущения принадлежности к России, внутреннего понимания, чего хотят и ждут миллионы и миллионы их соотечественников.

3. По нашему глубокому убеждению, невозможно создать современное цивилизованное государство, сохраняя старое представление, будто есть социальные слои и люди, которые своим умом не могут постичь свои подлинные интересы, что их «за уши» надо тащить к счастью.

4. Общество, не считающееся с человеком — противоестественно и, в конечном счете, нежизнеспособно, саморазрушительно. Решающим критерием общественных преобразований должно являться их соответствие коренным жизненным интересам людей, народное благо, социальная справедливость, причем не в абстрактно-умозрительной вневременной запредельной проекции с упованием на светлое будущее, а в его настоящем, конкретном, актуальном выражении, что с точностью фиксируется массовым сознанием и его исторической памятью.

Едва ли не квинтэссенцию такого исторического взгляда предложил видный политик и по совместительству историк Франции эпохи Второй империи Э. Лабулэ во впечатляющем по словесной красоте образе: «Когда заглянешь в историю, тогда видишь перед собою вечную легенду о Сивилле. Три раза является она со своими книгами, в которых заключена будущность. В первый раз — это частная жалоба, это голос здравого смысла; имя Сивиллы — разум. Второй раз слышится уже голос народа, который страждет; Сивилла становится реформой. В третий раз она является во всеоружии и носит имя революции. Счастливы короли, счастливы народы, которые уважают свободное развитие мысли и с первого раза принимают это божество, благодетельное по своей первой улыбке, и не поддаются невежеству, корысти и страсти, из которых сама свобода выходит окровавленной и раздробленной на части»[9].

5. Руководители страны должны обладать инстинктом надвигающейся смуты, а для этого обществу крайне необходимы открытый диалог, свободное слово, не ограниченное ни государственной цензурой, ни указами президента, нужны состязательность идей и взглядов по вопросам прошлого, настоящего и будущего нашей страны, желание и готовность услышать то, что на самом деле жизненно необходимо народу, а не то, что руководство страны хочет об этом услышать. Хотелось бы, чтобы нынешние руководящие политические силы внимательно отнеслись и хорошо усвоили глубокое соображение

К. Маркса против бюрократизации политического сознания властей: «Правительство слышит только свой собственный голос — оно знает, что слышит свой собственный голос, и тем не менее оно поддерживает в себе самообман, будто слышит голос народа, и требует от народа, чтобы он поддерживал этот самообман. Народ же, со своей стороны, либо впадает отчасти в политическое суеверие, отчасти в политическое неверие, либо, совершенно отвернувшись от государственной жизни, превращается в толпу людей, живущих только частной жизнью»[10].

Библиография

[1] Смена вех. Сборник. — Прага, 1921. — С. 83.

[2] См.: Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. — СПб, 1994; *Булдаков В. П.* XX век в истории России: имперский алгоритм? // Межнациональные отношения в России и СНГ. — М., 1994; *Его же.* Красная смута. — М., 1997 и др.

[3] См.*: Булдаков В.П.* Красная смута. — С. 371.

[4] См.: *Грушин Б. А.* Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. — М., 1987. — С. 173.

[5] См.: *Le Bon.* Psychologie des fonles. — Paris, 1905; *Тард Г.* Законы подражания. — СПб., 1902.

[6] См.: *Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в мировой истории. — М., 2004. — С. 31.

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 390.

[8] См. подробнее: *Соловьев С. С.* Методика измерения социальной напряженности в Вооруженных Силах // Социс. — 1993. — № 12. — С. 69—70.

[9] *Лабулэ Э.* История Соединенных Штатов. В 2 т. — СПб., 1870. — Т. 2. — С. 37.

[10] *Маркс К.* Дебаты о свободе личности // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — Т. 1. — С. 69.

В. В. Шелохаев

«СМУТА» В РОССИЙСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Концепт «смута» аккумулировал в себе множество различных состояний в системе взаимоотношений между властью, обществом, индивидуумом. Недаром в «Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля» «смута» характеризуется и как обычная тревога и переполох, и как возмущение, восстание, мятеж и крамола, и как общее неповиновение, раздор между народом и властью, и как обычная неурядица и непорядок и даже как домашняя ссора, дрязги, перепалки и т. д. Все эти состояния наиболее емко отражают сущность и логику событий начала XVII в. и начала XX в. в России. Не случайно «смута» XVII в. прочно вошла в последующий историографический и общественно-политический дискурс.

Причем изначальный объем концепта «смута», вошедшего в разговорный русский язык, вобрал в себя и отразил как в массовом сознании, так и в различных литературных жанрах, в исторических исследованиях сложность, противоречивость и мозаичность данного исторического явления. Казалось бы обычный династический кризис, неоднократно переживавшийся и западноевропейскими странами в Средние века, высветил то общее и специфически особенное, что было характерно для российского исторического процесса начала XVII в. как целого. Спустя более чем 300 лет России пришлось переживать еще более масштабную «смута», приведшую страну, как и в Средние века, на грань национальной катастрофы. Несмотря на этот достаточно длительный хронологический разрыв, в российских «смутах» начала XVII в. и начала XX в. обнаруживается много типического, что не могло не привлечь внимание представителей различных областей гуманитарного знания.

Обе «смуты» (начала XVII и начала XX вв.) с особой остротой высветили проблему дееспособности российской

власти — адекватно реагировать на вызовы времени. Исторический опыт убедительно показал, что власть, которая игнорирует эти вызовы времени, рано или поздно, утрачивает ощущение необходимости самотрансформации, и в конечном счете сама становится деструктивной политической силой, провоцирующей своими действиями разноуровневые конфликтные ситуации. К сожалению, и романовская династия не учла уроков прежней рюриковской династии, довела до полного абсурда понимание ею ролевых функций самодержавной власти, по преимуществу сведя их к разного рода церемониально-ритуальный презентациям идеологического характера. Действительно, внешняя сторона этих ритуальных функций была отработана предельно четко и до определенного времени была эффективна. Однако функции самодержавной власти не сводятся к традиционным ритуальным действиям, а должны были обеспечивать эффективность функционирования политической системы как целого, совершенствования методов управления государством. Игнорируя интересы общества, не допуская его к властным управленческим функциям, неограниченное самодержавие объективно способствовало деформации всей системы общественно-политических отношений в России.

В свою очередь и российское общество, изолированное от рычагов управления собственной страной, в условиях общенациональных кризисных ситуаций так же, как и самодержавная власть, само становилось источником «смуты». Слабо структурированное, раздираемое глубинными социальными противоречиями, не находящими мирного разрешения в рамках координат данной политической системы, российское общество в «смутах» начала XVII в. и начала XX в. также продемонстрировало историческую недееспособность взять на себя ответственность за судьбы страны. Достаточно вспомнить о весьма неприглядной роли политической элиты в период «смуты» XVII в., когда в условиях крушения российской государственности ее родовитые представители проявили

готовность в угоду узко клановым эгоистическим интересам пожертвовать общенациональными интересами России. Отсутствие единства в рядах российской политической элиты в начала XX в. также привело к открытию «шлюзов» для прихода к власти в России политических маргиналов, поставивших на карту единство страны и ее историческое будущее.

Поражают воображение варварские методы разрешения кризисных ситуаций в «смутах» начала XVII и начала XX вв. Причем речь идет не только об утрате территориальной целостности страны, но, прежде всего, о масштабных людских потерях, невозвратных утратах в области духовной и культурной жизни Причинами подобного рода явлений были: многовековое рабское состояние, игнорирование личностного начала, традиционное пренебрежение со стороны власти к Человеку, крайне низкие уровень образования, воспитания, культуры. Провокативная роль власти в истории России способствовала перманентному вовлечению в процесс «смуты» все большего числа социально разнородных элементов, преследующих собственные корыстные интересы и имеющих различные морально-этические установки. В массовом сознании и средневекового, и нововременного большинства традиционно причудливо переплетались: конкретные сиюминутные интересы и абстрактные идеалы будущего, вековая ненависть к господам и крайне пренебрежительное отношение к чужой собственности, рабское смирение и бурные вспышки насилия в самых крайних над личностью, неистовая религиозная вера и разного рода языческие суеверия. В условиях «смут» черты и свойства большинства достигали предельно жестких и жестоких форм, ставивших под сомнение и морально-нравственные, и этические ценности.

Наряду с постановкой общеполитических проблем, «смуты» аккумулировали в себе и глубинное социальное содержание, обусловленное нерешенностью целого комплекса вопросов: о крепостном праве, государственно-

административном гнете, о земле, непомерном налоговом бремени, рекрутчине, казнокрадстве и взяточничестве и т. д., которые действующие в тот период социальные акторы пытались решить каждый за счет другого.

Наряду с обозначенными сугубо негативными явлениями, «смуты» продемонстрировали наличие в России и конструктивно ориентированных социальных и интеллектуальных сил, которые в условиях национальной катастрофы проявляли свои лучшие человеческие качества: самопожертвование, подлинный патриотизм, верность многовековым православным традициям, взаимопомощь и солидарность. Благодаря этим качествам удалось в начале XVII в., хотя и с большими издержками и потерями, преодолеть «смуту», вывести страну из системного общенационального кризиса, возродить российскую государственность и постепенно восстановить единство страны. Неизмеримо сложнее оказалась ситуация в начале XX в., когда «смута» привела к разрыву многовековых традиций, в том числе государственных, религиозных, духовных и культурных, к ликвидации российской империи, старых классов и сословий, всей системы правовых и частнособственнических отношений. Выход из «смуты» начала XX в. проходил уже на основе принципиально иных оснований идеологического, политического, экономического, социального и культурного характера. В начале XX в. картина мира претерпела качественные изменения. «Смута» «вытолкнула» Россию в иное историческое измерение.

Как видим, «смуты», имея разномасштабный характер, с разной степенью интенсивности прокладывали дорогу к качественно новому состоянию России. Причем эта дорога могла быть как продолжением традиционного магистрального пути, так и «нащупыванием» принципиально нового пути в непредсказуемое историческое общество. «Смута» начала XVII в., образно говоря, продолжала старый путь, несколько модифицируя прошлое, но сохраняя при этом неограниченное самодержавие, православную церковь и традиции народа.

Речь шла о смене династии и некотором «разбавлении» правящей элиты представителями нового дворянства. Потребовалось два поколения из династии Романовых, чтобы подготовить почву для прихода «модернизатора» Петра I, который стал закладывать фундамент для новой, уже имперской России. Итоги же «смуты» начала XX в. оказались принципиально иными. Начавшись в 1905 г., модернизация самодержавия, создание представительных учреждений, системные столыпинские реформы оказались уже недостаточными, чтобы вывести страну из кризиса. Потребовалось еще две революции — Февральская и Октябрьская 1917 г. — чтобы разорвать всякую преемственность с прошлым и приступить к строительству новой России. В ходе октябрьского переворота и гражданской войны в стране были уничтожены все старые политические, экономические и социальные институты и структуры, произошли глобальные стратификационные изменения в духовной и культурной жизни, в психологии большинства. Диктаторская большевистская власть «огнем и мечом» прошлась по человеческим судьбам: у одних они были безжалостно сломлены, другие должны были перестраиваться, третьи, поддержавшие новую власть, получали шанс улучшить свое положение.

Исторический опыт «смут» начала XVII и начала XX вв. позволяет сделать вывод о том, что они являются производными, во-первых, от недееспособности исторической власти, а во-вторых, от недееспособности самого общества найти адекватные ответы на вызовы времени.

С. С. Юрьев

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА

С точки зрения правоведа необходимо констатировать, что проблема системного кризиса («смуты») имеет ярко выраженный правовой контекст. Речь идет не столько о праве, сколько о «*не-праве*» — «правовом нигилизме».

В научной литературе правовой нигилизм определяется как направление общественно-политической мысли, отрицающей социальную и личностную ценность права и считающей его наименее совершенным способом регулирования общественных отношений. Как социальное явление правовой нигилизм имеет различные формы проявления: от равнодушного, безразличного отношения к роли и значению права до полного неверия в право и явно негативного отношения к нему[1]. На теоретико-психологическом уровне правовой нигилизм объясняется несовпадением разделяемой субъектом ценности и юридически должного, оформленного законом[2].

Если же при исследовании данного феномена учесть закономерности возникновения и развития революций, доказанные П. А. Сорокиным (имевшем, помимо прочего, и юридическое образование) в известном труде «Социология революции» (1923), то мы увидим картину нереализованных возможностей права и можем утверждать, что правовой нигилизм опосредует все стадии развития системного кризиса и является одним из главных его факторов.

Как отмечал Сорокин, революционная деформация поведения индивидов наступает при «ущемлении» самых важных инстинктов (жизни, собственности, достоинства и т. д.), охватывающем если не большинство, то значительную часть членов общества. Необходимыми и достаточными условиями наступления революций являются: рост

ущемления главных инстинктов; массовый характер этого ущемления; бессилие групп порядка уравновесить пропорционально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов[3].

Очевидно, что само возникновение таких «ущемлений» есть следствие правового нигилизма, проявляющегося на стадии созревания системного кризиса в различных формах.

Во-первых, возрастает негативное отношение населения (в том числе значительной части сотрудников государственных органов) к высшим органам государственной власти и правовым установлениям, неверие в возможности правомерного разрешения повторяющихся конфликтных ситуаций, растет преступность. Так, российская смута конца XX в. характеризуется, кроме прочего, ростом межнациональных столкновений, в которых погибло: в 1988 г. — 95 человек, в 1989 г. — 222 человека, за два месяца 1990 г. — 293 человека[4].

Во-вторых, фиксируется явное нежелание правящей элиты или пренебрежение возможностями установления баланса интересов различных социальных групп методами правового регулирования с целью перевода конфликтной ситуации в цивилизованное, правовое русло.

В-третьих, со стороны правящей элиты усиливается намеренное нарушением юридических норм (как правило, установленных самой правящей элитой) путем действия (в том числе незаконного вмешательства в правоохранительную деятельность) или бездействия (неисполнения возложенных на высшие органы власти функций по обеспечению безопасности и правопорядка).

Например, по воспоминаниям бывшего первого заместителя председателя КГБ СССР Ф. Д. Бобкова, высшие партийные функционеры и республиканские элиты не стремились брать на себя ответственность за решение имеющихся проблем, а зачастую потакали националистическим настроениям, игнорируя объективную информацию органов госбезопасности о развитии ситуации

в сфере межнациональных отношений[5]. Что означала «отстраненность» партийно-государственного руководства от принятия на себя ответственности за те или иные решения для государственно-правовой действительности? Ответ на этот вопрос мы находим в статистических материалах тех лет. По учетным данным МВД СССР, за 1988—1989 гг. и 2 первых месяца 1990 г. в межнациональных конфликтах на территории СССР погибло 610 человек, ранено 6819 человек, совершено 4012 погромов, появилось 573 300 беженцев, материальный ущерб (в действовавших ценах) составил около 6 млрд рублей[6]. Волна преступлений на национальной почве стремительно нарастала год от года, охватывая новые регионы, а союзная власть бездействовала. Политическим руководством страны не были использованы должным образом даже итоги референдума 1991 г., когда большинство населения высказалось за сохранение единого государства.

Следует подчеркнуть, что бездействие высшего политического руководства, выражающееся в отказе от неуклонного применения к нарушителям правопорядка (независимо от их статуса) санкций за неисполнение законодательства играет на данной стадии решающее значение для перехода от стадии созревания кризиса к непосредственно «смуте» (революции). «Предреволюционные эпохи просто поражают исследователя бездарностью власти и вырождением привилегированно-командующих слоев, не способных успешно выполнять ни функции власти, ни противопоставить силе силу, ни разделить и ослабить оппозицию, ни уменьшить ущемление, ни канализировать его в формах, отличных от революции»[7]. Далеко не случайно признание первого и последнего президента СССР М. С. Горбачева, сделанное им в интервью лондонской газете «Таймс»: «Что касается меня лично, то как политик я проиграл»[8].

Пиковая фаза смуты (первый период революции) является наиболее опасной для общества и характеризуется деморализацией правового сознания масс[9]. В этой фазе полностью меняется правящий слой, ликвидируется прежняя

государственность и при неблагоприятном развитии событий не исключено исчезновение (самоистребление) существующего общества.

Однако новая правящая элита вынуждена организовывать свое эффективное господство, создавая новое «право», главное свойство которого — тормозящая роль и функции пресечения дальнейшего развития революции. «Начинается жесточайший период ускоренного воспитания угасших рефлексов права …», и укрепление этих рефлексов «делает менее необходимыми зверские стимулы и репрессии»[10].

В дальнейшем системный кризис разрешается, жизнь вновь возвращается в «нормальное» русло, государство пытается поддержать определенный правопорядок. Но исчезает ли при этом такое явление, как правовой нигилизм?

Данные исследований (статистика преступности, социологические опросы) показывают, что правовой нигилизм существует в обществе как инфекция в организме. «Ущемление инстинктов» ведет к обострению правового нигилизма («болезни»), то есть вхождению в системный кризис.

Для современной России данная проблема имеет существенное значение.

С одной стороны, мы видим, что предыдущий и действующий президенты России имеют юридическое образование. В большинстве вузов страны обучают и выдают дипломы по специальности «правоведение». Растет число дел, рассмотренных в арбитражных судах и судах общей юрисдикции. Никого не удивляют обращения граждан в Конституционный Суд РФ и Европейский Суд по правам человека. Конституция РФ провозглашает приоритет прав человека и определяет нашу страну как социальное правовое демократическое государство. Итак, на первый взгляд, подтверждается тезис о значительной роли права в нашем государстве.

Какова же оценка ситуации населением страны?

По опросам Института социологии РАН, проведенным в 2005—2006 гг., 86% россиян считают

несправедливой нынешнюю дифференциацию доходов, а 74% — и систему распределения собственности[11]. При этом реальная власть в стране находится, по мнению 18,9% населения, в руках Президента РФ, а, по мнению 32,3% — у олигархов. Уверенность в том, что реальная политическая власть в государстве находится в руках Президента РФ, разделяют 32,7% чиновников и 30,6% сторонников «Единой России», а 26% сторонников этой партии считают, что реальная власть находится у олигархов[12]. Другие властные институты получили гораздо меньшие оценки.

Таким образом, первый вывод: сложившаяся система распределения материальных благ не рассматривается большинством населения как социально-правовая ценность, а государственные институты не расцениваются как обладающие реальной властью.

Предпринятое в 2005 г. изучение представлений россиян о деловых и нравственных качествах современного российского чиновника выявило, что опрошенные граждане наделили чиновников следующими качествами: равнодушие к людям, формализм — 63,7%; продажность — 58,5%; безразличие к интересам своей страны — 41,1%; низкие деловые качества, некомпетентность отметили 31% опрошенных[13]. На вопрос, с какими явлениями вы чаще сталкивались при личных контактах с чиновниками, 60,7% опрошенных отметили некомпетентность, а 54,9% — грубость и хамство[14].

Отсюда второй вывод: большинство реальных чиновников предстает перед населением в образе некомпетентного хама. Имея в виду, что по данным опросов за последние 7 лет 80—85% россиян выступают за восстановление сильной роли государства во всех основных отраслях народного хозяйства[15], задумаешься — сможет ли такой кадровый состав чиновников справиться с задачей восстановления роли государства в экономике без извечных «перегибов»?

От «общего» образа чиновников перейдем к представителям юридических профессий. По данным

Социологического центра РАГС при Президенте РФ за 2005 г., характеризующим уровень общественного доверия институтам власти, милиции доверяют 30,8%, не доверяют 44,3%; судам доверяют 45,2%, не доверяют 26,7%; прокуратуре доверяют 44,1%, не доверяют 24%; ФСБ доверяют 39,9%, не доверяют 19,5% населения[16].

Небезынтересно, что, по последним социологическим данным, граждане уверены, что демократии не может быть без равенства всех перед законом: в 1998 г. так считали 54%, в 2004 г. — 75%, в 2007 г. — 74% россиян[17].

Однако в повседневной жизни лишь 8,7% граждан обычно одобряют и поддерживают действия властей. Иные ответы: обычно вынуждены приспосабливаться к действиям властей 46,9% граждан, стараются держаться в стороне от властей 27,2% населения, а 7,2% относятся к властям неприязненно и когда возможно, противодействуют им[18].

При этом 79,4% населения не знают (или очень слабо представляют) смысл и цели проводимой в стране судебно-правовой реформы, а по иным (налоговой, военной, пенсионной, административной и др.) реформам показатель «незнания» колеблется от 68,8 до 78,8 процентов опрошенных. Учитывая, что все эти реформы опосредуются законодательными и иными нормативными актами, можно констатировать, что абсолютное большинство населения не интересуется правовой политикой государства[19].

Французский аксиолог Л. Лавель заметил, что «право можно рассматривать как объективацию ценностей в данном обществе»[20]. В этой связи существенное значение имеет отношение населения к закону, о равенстве всех перед которым так заботится большинство россиян. Так вот, тезис о том, что необходимо всегда соблюдать закон, даже если он несовершенен, поддерживают 58% государственных служащих и лишь 25,8% «обычных» граждан. Готовы соблюдать законы при условии, если только законы соблюдают сами представители власти, 47,8% населения. Еще 26% жителей считают неважным, соответствуют ли поступки людей закону, главное, чтобы эти поступки были

«справедливыми»[21]. Отсюда следует, что законы не рассматриваются гражданами как справедливые и отражающие те ценности, которые важны для населения. В любом случае можно констатировать, что в сфере правовой действительности мы имеем дело с широким распространением правового нигилизма.

В этой связи возникает вопрос: какие ценности должны быть отражены в законе и в правоприменении? Не углубляясь в категориальный аппарат аксиологии, отметим, что в качестве ценности могут рассматриваться лишь объективно необходимые для общественного прогресса предметы и явления духовного и материального мира. Значит, право должно объективировать общественные отношения, связанные с такими предметами и явлениями.

Главной целью правового регулирования необходимо поставить обеспечение жизни на Земле, как глобальной и всеобъемлющей ценности. Исходя из этого, необходимо выстраивать всю цепочку политико-правовых подходов, решений и действий. В этой же связи необходимо обратить особое внимание на достижения других сфер науки, приводя политико-правовые конструкции на почву реальности, а не фетишизируя идеи, рожденные столетия назад в иной общественной обстановке.

Поясню эту мысль подробнее. В предисловии к первому тому «Истории русского искусства» Г. Ю. Стернин, полемизируя с противниками единых научно-методологических основ этой работы, отмечает, что «нынешний идеологический вакуум, противоречивое многообразие ценностных ориентаций», казалось бы, «решительно противопоказаны поискам единой научно-методологической платформы, без которой, разумеется, немыслимо действительное объединение творческих усилий специалистов». И далее Стернин справедливо указывает: «Правда, в логике подобных рассуждений, помимо всего прочего, сказывается застарелая и довольно распространенная привычка нашей искусствоведческой мысли пользоваться готовыми идеологемами как некими

опорными теоретическими конструкциями… Но на ту же проблему стоит взглянуть и с другой стороны. Нам, очевидно, совсем небезразлично, чем будет заполняться идеологический вакуум, какие идеи придут отжившим представлениям о смысле жизни, о предназначении личности, о духовном и эстетическом опыте многовековой истории России. Нет ли опасности, отказываясь от постановки фундаментальных научных задач, дождаться поры, когда возникнет новая социальная и национальная мифология, отвергающая прежнюю, но предлагающая взамен свою «систему кривых зеркал»?»[22]. Данный подход применим и к правовой науке, которая должна не превращаться в комментатора законодательства, а на основе социологических, философских, естественнонаучных и иных данных выдвигать новые концепции правового развития общества.

В этой связи существенное значение имеют оценки природы человека, содержащиеся в ряде философских трудов. В частности, А. К. Казьмин пишет, что последние исследования позволяют «выразить серьезные сомнения по поводу разумности поведения людей вообще, хотя бы в период известной нам истории человека и общества. Подтверждением тому может служить факт отсутствия у человека доступной пониманию каждого стратегии выживания. Принято считать, что такая стратегия должна существовать у общества, и политика каждого государства имеет четкую программу, реализация которой и предполагает обеспечение стратегии выживания. Однако осуществляемую очень многими государствами политику натравливания стран друг на друга, создание в других государствах деструктивной оппозиции власти для ослабления тем самым их боеспособности, а также массу проявлений враждебности, вплоть до откровенной поддержки терроризма, нельзя считать биологически оправданной формой разумной стратегической программы существования человека на Земле». При этом ученый предлагает на вызов «варваров» (по А. Тойнби) ответить

внедрением принципов интеллектуального управления, осуществляемого нравственной элитой общества; такой путь, каким бы фантастическим он ни был, «более интересен, чем вариант самоорганизации безнравственного общества, уничтожившего себя, так и не создав ничего путного живого существа с научным названием (почему-то) Homo sapiens»[23]».

Казалось бы, эти философские суждения далеки от нашего законодательства и практики. Так ли это? Обратимся к анализу некоторых российских законов.

Возьмем Гражданский кодекс РФ — проработанный нормативный акт, весьма высоко оцениваемый видными российскими юристами. Принятый в 1994 году (ровно через 190 лет после «Кодекса Наполеона») ГК РФ в п. 1 ст. 1 гласит о том, что наше гражданское законодательство основывается на признании неприкосновенности собственности. В ст. 2 дано определение предпринимательской деятельности как самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Конечно, и в эпоху французской революции, и в настоящее время используется оговорка, суть которой сводится к тому, что свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого. Тем не менее, законодательное закрепление «систематического извлечения прибыли» как основной цели деятельности коммерческих организаций весьма символично. Заметим, что в Законе СССР от 4.06.1990 «О предприятиях в СССР» (действие этого закона на территории России было отменено постановлением Верховного Совета РСФСР от 25.12.1990 № 446—1) устанавливалось, что «главными задачами предприятия являются удовлетворение общественных потребностей в его продукции, работах и услугах и реализации на основе полученной прибыли социальных и экономических интересов членов трудового коллектива и интересов собственника имущества предприятия» (Ст. 1, п. 2). Обратите внимание на устанавливаемые законами приоритеты! В этой связи

небезынтересно мнение М. Вебера, который еще в 1905 г. писал: «Summum bonum *(«высшее благо» — лат. [Прим. авт.])* этой этики прежде всего в наживе, во все большей наживе… эта нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным к «счастью» или «пользе» отдельного человека. Теперь уже не приобретательство служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на приобретательство, которое становится целью его жизни. Этот с точки зрения непосредственного восприятия бессмысленный переворот в том, что мы назвали бы «естественным» порядком вещей, …является необходимым лейтмотивом капитализма…»[24]. Итак, с гражданским законодательством понятно — государство ориентировало предпринимателей только на извлечение прибыли, а удовлетворение общественных потребностей не является, согласно закону, целью предпринимателя. В этой связи вызывают недоумения возгласы о социальной ответственности бизнеса — ее не может быть (или «может не быть») в строгом соответствии с законом.

Другой пример — законодательство о приватизации. И Счетная палата РФ, и многие политические партии, и Президент России высказали немало критических слов по поводу проведенного в 90-е годы прошлого века разгосударствления. Даже А. Б. Чубайс пояснил, что у проведенной приватизации «было много «минусов», но попытка осуществить «кристально чистую и честную приватизацию нарушила бы соотношение сил в обществе и привела бы к опаснейшим политическим потрясениям»[25]. Тем не менее, несмотря на эти «минусы», в 2005 году был принят закон, сокращающий с десяти до трех лет срок применения последствий ничтожных сделок. С одной стороны, достигалась стабильность гражданско-правовых отношений, становился понятным титул многих объектов собственности. С другой стороны, государство еще раз показало честным людям — их поведение в эпоху приватизации было для них экономически невыгодным и поддержки государства не получило.

Социальное законодательство — особая тема. Зададим только один вопрос: с какой целью законом установлен минимальный размер оплаты труда в сумме, на которую нельзя прожить? Ни в публицистике, ни в документах политических партий, ни в научных трудах мне лично по этому вопросу ничего не встречалось.

Еще одна тема для анализа — отражение в политико-правовой доктрине и законодательстве роли народа, демократии и иных основополагающих идей современного государства. Согласно Конституции РФ и многих других государств, народ является источником власти.

В современном русском языке слово «народ» используется в четырех значениях:

1) население той или иной страны (*американский народ*);

2) нация; национальность, народность (*русский народ*);

3) основная трудовая масса населения страны (*трудовой народ*);

4) люди (*толпа народу*)[26].

Отечественные конституционалисты понимают под «народом» все население страны, образующее единую социально-экономическую и политическую общность независимо от деления на национальные общности[27]. Однако еще Цицерон при анализе борьбы социальных слоев обнаружил, что **«в одном государстве существуют два сената и, можно сказать, два народа»**[28]**.** Такого рода разделение народа происходит и в настоящее время.

Важен и еще один аспект. По верному замечанию отечественного криминолога В. В. Лунеева, «длительное замалчивание фактических данных, которые академик И. П. Павлов называл воздухом ученого, видимо, не прошло бесследно для общественных и юридических наук. Оно приучило исследователей опираться не на "фактическую", а "писанную" (законы, иные нормативные акты, постановления, книги и т. д.) реальность и работать на уровне не эмпирического, статистического и социологического

анализа, а логико-правового, догматического»[29]. Этот вывод применим для любых правовых исследований. Реалии же таковы, что в избирательном процессе и в других процедурах, относящихся к непосредственной демократии, все население страны никогда не участвует. Например, в референдуме 17 марта 1991 г. о сохранении СССР на территории РСФСР участвовало 75,4% от общего количества граждан, имеющих право участвовать в референдуме. В референдуме 25 апреля 1993 г. (по четырем вопросам социально-политической жизни России) участвовало 64,1% от общего числа граждан, имевших право участвовать в голосовании.[30]

Наиболее ярким примером практического воплощения принципов непосредственной демократии стало принятие на референдуме 12 декабря 1993 г. Конституции РФ. Из немногим более 106 млн зарегистрированных избирателей в голосовании приняли участие 54,8%. Из этого числа за принятие Конституции РФ проголосовали 58,4%, против — 41,6% граждан[31]. Следовательно, действующая Конституция РФ принята примерно 32% граждан, имевших право участвовать в референдуме, то есть меньшинством населения.

Утверждать, глядя на эти цифры, что «народ» (как население или даже как избиратели) является источником власти, весьма затруднительно. Означает ли это, что под народом, как источником власти, может пониматься только политически активная часть населения государства, фактически реализующая свои суверенные права по институциализации государства и (или) государственной власти. К данной проблеме вполне применимы слова Г. В. Плеханова о том, что история «делается *общественным человеком*, который есть *ее единственный «фактор»*[32]. Существенно при этом, что количественные параметры народа — субъекта непосредственной демократии имеют важнейшее значение для легитимации власти и, в конечном итоге, определения судьбы государства и общества, «перехода количества в качество» в политико-правовом смысле.

Анализируя проблемы легитимации власти и политического участия, уже в конце XIX в. некоторые ученые обратились к данному феномену через категорию «элиты». Как пишет Г. К. Ашин, согласно теориям элиты необходимыми составными частями любой социальной структуры является высший, привилегированный слой (или слои), осуществляющие функции управления, развития культуры, то есть элита, и остальная масса людей. Корни этих теорий уходят к Платону. Анализируя определения элиты, Ашин указывал на их неоднозначность у разных авторов. Так, по Г. Моска, это наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть, организованное меньшинство общества; по В. Парето — люди, получившие наивысший индекс в области их деятельности; по Х. Ортега-и-Гассету — люди, пользующиеся в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством над массой, наивысшим чувством ответственности; люди, обладающие позициями власти (А. Этциони), формальной властью в организациях и институтах, определяющих социальную жизнь (Т. Дай); боговдохновленные личности, обладающие харизмой (Л. Фройнд); творческое меньшинство в противоположность нетворческому большинству (А. Тойнби) и так далее.

Критикуя теории элиты, Ашин отмечал, что определенный этап исторического развития, связанный с недостаточным развитием производительных сил и представляющий предысторию человечества, теории элиты рассматривают как всеобщий закон, следствие «человеческой природы» и технологических требований сложного производства[33]. Однако современные российские ученые относятся к теориям элиты иначе. Так, А. В. Понеделков пишет о том, что отечественные исследователи проявляют все больший интерес к той группе людей, которые обладают специфическим управленческим мышлением, опытом обращения с властью, способных руководить. Развивая эту мысль, он отмечает: «Уже не режут слух слова известного отечественного философа

Н. А. Бердяева: «С сотворения мира всегда правило, правит и будет править меньшинство, а не большинство. Это верно для всех форм и типов управления»[34].

Заметим, что Бердяев не выступал против народовластия (пусть даже реализуемого в виде «демократии большинства»), как такового. Однако для мыслителя были аксиомами тезисы о власти самых достойных представителей народа и необходимости ограничения влияния большинства. В работе «Судьба России», написанной им сразу же после Октябрьской революции 1917 года, Бердяев обосновал свою точку зрения на феномен народовластия применительно к российским условиям: «В широких кругах русской интеллигенции и русского передового общества демократические идеи и идеологии принимались, как само собой разумеющаяся правда. Идея демократии никогда не представлялась во всей своей сложности, никогда не бралась критически. Зло и неправда нашей общественной и государственной жизни делали нашу жизнь элементарной и упрощенной. И все противоположное нашей гнетущей действительности представлялось уже благом и светом… У нас любят только простые и прямолинейные решения… Для многих русских людей, привыкших к гнету и несправедливости, демократия представлялась чем-то определенным и простым, она должна принести великие блага, должна освободить личность. Во имя некоторой бесспорной правды демократии, идущей на смену нашей исконной неправде, мы готовы были забыть, что религия демократии, как она была провозглашена Руссо и как была осуществляема Робеспьером, не только не освобождает личности и не утверждает ее неотъемлемых прав, но совершенно подавляет личность и не хочет знать ее автономного бытия. Государственный абсолютизм в демократиях так же возможен, как в самых крайних монархиях. Народовластие так же может лишить личность ее неотъемлемых прав, как и единовластие. Такова буржуазная демократия с ее формальным абсолютизмом принципа народовластия. Но и социальная демократия Маркса также мало освобождает

личность и также не считается с ее автономным бытием… На Западе давно уже беспокоит вопрос о гарантии прав меньшинства и прав личности по отношению к абсолютным притязаниям демократии, не ограничивающей себя абсолютными ценностями личного духа. Формальный абсолютизм демократии не может быть нами принят, он должен быть ограничен другими идеями. Количественная масса не может безраздельно господствовать над судьбой качественных индивидуальностей, судьбой личности и судьбой нации… Воля народа не может быть принята формально бессодержательно, как утверждение абсолютного права народной воли, воли большинства, воли массового количества господствовать в каком угодно направлении, чего угодно хотеть, чего угодно давать и отнимать»[35]. И далее, касаясь вопроса о власти, Бердяев отмечает: «Власть не может принадлежать всем, не может быть механически равной. Власть должна принадлежать лучшим, избранным личностям, на которые возлагается великая ответственность и которые возлагают на себя великие обязанности. Но эта власть лучших должна быть порождена из самых недр народной жизни, должна быть имманентной народу, его собственной потенцией, а не чем-то навязанным ему извне, поставленной над ним. Сила демократии не может быть абсолютной, неограниченной властью, она ограничивается ею самой выдвинутыми качествами»[36].

Конечно, можно соглашаться или оспаривать аргументы сторонников классической модели демократии, ведущим идеологом которой был Ж.-Ж. Руссо, и «элитистской» теории демократии («модель конкуренции»), наиболее ярко выраженной И. Шумпетером. В этой связи весьма интересно их сравнение, проведенное Ю. С. Пивоваровым и А. И. Фурсовым: они пришли к выводу, что за двумя моделями демократии кроятся основные проблемы современной социальной философии, связанные с вопросами о природе общества и о реализации социальной судьбы человека. Ученые отметили, что «в классической науке утвердился дихотомический подход к вопросу о природе

социума. С одной стороны, «закрытое общество», «община», «традиционное общество», с другой — «открытое общество», «общество», «современное общество». При всех существенных различиях в воззрениях М. Вебера, Ф. Тенниса и К. Поппера <...> эти мыслители принципиально едины в том, что в истории человечества себя проявили лишь два типа общественного устройства»[37].

Однако, независимо от пристрастий к той или иной модели демократии, многие ученые, во-первых, сходятся во мнении, что демократия имеет три ипостаси, проявляясь как:

а) политический принцип (реализуемый через суверенитет народа, выборы и принцип большинства, правовое государство, разделение властей, федерализм);

б) форма государства (президентская республика, парламентская республика, смешанная форма);

в) форма жизни (состояние и процесс)[38].

Во-вторых, нередко можно услышать о кризисе демократии, обуславливаемыми разными причинами. Как отмечает отечественный ученый А. И. Ковлер, «в конечном счете вопрос стоит ребром: способна ли современная демократия содействовать наиболее рациональному, экономичному и гуманному решению проблем сегодняшнего дня и ближайшего будущего, или она будет словесным прикрытием власти криминализирующейся олигархии, реализации корыстных интересов узких корпоративных групп и честолюбивых политиков? Иными словами, нам предстоит ответить на поистине гамлетовский вопрос: быть или не быть демократии в XXI веке»[39]. Вывод, который сделал Ковлер, проанализировав состояние и традиционные принципы демократии на пороге третьего тысячелетия, следующий: «Глобализация процесса демократизации мира сопровождается и глобализацией проблемы кризиса современной демократии…». В понимание кризиса автор вкладывает «*исчерпанность возможностей саморазвития демократии, ее прогресса* перед лицом вызовов нового столетия. Если теорема демократии еще верна, то условия ее применения неузнаваемо изменились. Поиск новых путей адаптации форм демократии

к этим условиям позволит, будем надеяться, разрешить этот кризис. Главное помнить: исторический спор между тоталитаризмом и демократией еще не завершен»[40].

Итак, демократия — даже и в теориях элиты — по мнению большинства ученых (очевидно, и преобладающего числа прочих граждан) остается политической и правовой ценностью. Вместе с тем, с развитием общества возникают новые проблемы и новые основания для суждений о кризисе демократии. Не значит ли это, что идея демократии и ее реальное воплощение не являются главной ценностью, а представляют собой одну из основных политико-юридических идей, маскируемых и обеспечивающих реальное господство немногих?

Более того, в рассуждениях о демократии — как, впрочем, и в иных случаях использования в политике и праве привлекательных, но абстрактных формул — всегда (или почти всегда) наблюдается своего рода «фетишизация» неких правовых формул, представляющихся (коль скоро они закреплены в «позитивном» законе) не только как «должное», но и как «сущее». При этом апологетам этих «политико-правовых фетишей» приходится выстраивать аргументацию того положения, что в наличествующей действительности «сущее» практически никогда не приближается к «должному». Наиболее известным фактом из этой серии является мысль о наличии «программных» норм права (к чему общество-де стремится).

Если обратиться к реальным фактам современной России, связанным с реализацией принципов «демократии большинства», то мы увидим фактическую неспособность подавляющего большинства населения управлять государством; формальное равенство участников политического процесса (голоса «бомжа» и академика на выборах равны); фактическую невозможность и нежелание большинства населения влиять на принимаемые политические решения. В этой связи следует согласиться с мнением В. П. Булдакова: «Пора признать, что эксперименты над народом на протяжении XX в. осуществлялись если не при

участии, то с непонятливого согласия его самого. И сколь бы не преследовала нас мысль о феномене социального мазохизма, вопрос о том, почему в России (и не только) "восстание масс" непременно оборачивается "бегством от свободы", остается открытым»[41].

Вместе с тем, в государственно-организованном обществе только посредством права и правовых институтов можно обеспечить социально-политическое и экономическое развитие. Однако для торжества права и преодолению правового нигилизма (вопреки естественно-правовой доктрине) следует встать на позиции Р. Иеринга (поддержанные отечественным ученым С. С. Алексеевым) о необходимости повседневной и неустанной борьбы за право. Заметим, что и подходы к определению права весьма различны. Не углубляясь в дискуссии по данной проблеме, подчеркнем, что нами разделяется формулировка древнеримского юриста Цельса: «Право есть искусство доброго и справедливого»[42].

Изложенное означает также необходимость активизации научных исследований в данной области и усиления внимания правящей элиты к проблемам права и социального управления, ибо, как писал Платон, некоторые государства «подобно судам, погружающимся в пучину, гибнут либо уже погибли или погибнут в будущем из-за никчемности своих кормчих и корабельщиков — величайших невежд в великих делах, которые, ровным счетом ничего не смысля в государственном управлении, считают, что они во всех отношениях наиболее ясно усвоили именно это знание»[43].

Библиография

[1] *Гранат Н. Л.* Правосознание и правовая культура // Общая теория права и государства. — М., 1994. — С. 169.

[2] *Неновски Н.* Право и ценности. — М., 1987. — С. 216—217.

[3] *Сорокин П.* Социология революции. — М., 2008. — С. 311—312

[4] *Лунев В. В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. — М., 1997. — С. 361.

[5] *Бобков Ф. Д.* КГБ и власть. — М., 1995. — С. 284—348.

[6] *Лунеев В. В.* Указ. соч. — С. 361.

[7] *Сорокин П.* Указ. соч. — С. 380.

[8] РГ. — 2009. — 16 сентября. — С. 11.

[9] *Сорокин П.* Указ. соч. — С. 152.

[10] Там же. — С. 155, 156.

[11] Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России. — М., 2007. С. 21

[12] Там же. — С. 252, 253

[13] Там же. — С. 38

[14] Там же. — С. 47

[15] Там же. — С. 18

[16] *Бойков В. Э.* Народ и власть. Результаты социологического мониторинга: 1999—2006 гг. — М., 2007. — С. 170

[17] *Добрынина Е.* Россия как она есть: Социологи в очередной раз замерили «градус» общественных настроений // РГ. — 2007. — 22 декабря. — С. 9.

[18] См.: *Бойков В. Э.* Указ. соч. — С. 190.

[19] Там же. — С. 191.

[20] *Неновски Н.* Указ. соч. — С. 196.

[21] См.: Свобода. Неравенство. Братство. — С. 48

[22] *Стернин Г. Ю.* К новому изданию «Истории русского искусства» // История русского искусства: В 22 т. — М., 2007. — Т. 1. — С. 7.

[23] *Казьмин А. К.* Теория интеллекта: Как выбрать президента. — М., 2001. — С. 225, 231—232.

[24] *Вебер М.* Избранные произведения. — М., 1990. — С. 75.

[25] Приватизация по-российски. — М., 1999. — С. 28, 34.

[26] Большой толковый словарь русского языка. — СПб., 2006. — С. 597.

[27] Российская юридическая энциклопедия. — М., 1999. — С. 570.

[28] *Цицерон.* Диалоги. О законах. — М., 1994. — С. 18.

[29] *Лунеев В. В.* Указ. соч. — С. XIX.

[30] Россия-2000. Современная политическая история (1985—1999). — Т. 1. Хроника и аналитика. — М., 2000. — С. 114, 236

[31] Комментарий к Конституции РФ. — М., 1996. — С. 545.

[32] *Плеханов Г. В.* К вопросу о роли личности в истории // *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. — Т. II. — М., 1956. — С. 333

[33] Современная западная социология: Словарь. — М., 1990. С. 200—202, 249—250, 254—256, 348—349, 416—417, 423. См. также: *Миллс Р.* Властвующая элита. — М., 1959; *Нарта М.* Теория элит и политика. — М., 1978; *Ашин Г. К.* Современные теории элиты. — М., 1985.

[34] *Понеделков А. В.* Элита (Политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры). — Ростов-на-Дону, 1995. — С. 5

[35] *Бердяев Н. А.* Судьба России // *Бердяев Н. А.* Избранные произведения. — Ростов-на-Дону, 1997. — С. 191—192.

[36] Там же. — С. 196.

[37] *Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И.* Размышления о демократии // Проблема демократии в политической мысли XX столетия. — М., 1999. — С. 19—24.

[38] Там же. — С. 15—17.

[39] *Ковлер А. И.* Кризис демократии? Демократия на рубеже XXI века. — М., 1997. — С. 14.

[40] Там же. — С. 101

[41] *Булдаков В. П.* Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. — М., 2007. — С. 196.

[42] Дигесты Юстиниана. — М., 2002. — С. 83 (D. 1.1.1).

[43] *Платон.* Политика // Платон. Государство. Законы. Политика. — М., 1998. — С. 768.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / CONTRIBUTORS

АНТОНЯН Юрий Миранович *(статья «Октябрьский переворот и большевистская диктатура как возвращение Тени» / Article: "The October Coup-d'état and the Bolshevik dictatorship as a return of the Shadow")* — Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Института гуманитарного образования и информационных технологий (Москва) / **ANTONYAN Yuriy M.** — Honoured Scholar of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Research of the Institute for the Humanities and IT (Moscow).

E-mail: rektorat@igumo.ru.

АНФЕРТЬЕВ Иван Анатольевич *(статья «Особенности революции и смутного времени в СССР в конце 1920-х — начале 1930-х гг.» / Article: "Peculiarities of the revolution and the time of strife in the USSR at the late 1920 s and the early 1930 s")* — кандидат исторических наук, профессор Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; главный редактор журнала «Вестник архивиста» (Москва); член Оргкомитета Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте» / **ANFERTYEV Ivan A.** — Candidate of History, Professor of the Research and Training Center «New Russia. History of post-soviet Russia» of Institute for History and Archives of Russian State University for the Humanities; editor-in-chief of the "Herald of an Archivist" Journal (Moscow); member of the Organizing Committee of the International Roundtable Discussions "People and Power in Russian Strife".

E-mail: info@vestarchive.ru.

АСОНОВ Николай Васильевич *(статья «Первая российская смута в контексте противостояния ведущих политических идеологий» / Article: "The First Russian Times of Troubles on the background of the confrontation of the leading political ideologies")* — доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России (Москва) / **ASONOV Nikolay V.** — Doctor of Political Science, Professor of Department of Sociology and Political Science of Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow).

E-mail: nbassonov@yandex.ru.

БАГДАСАРЯН Вардан Эрнестович *(статья «Ценностные инверсии российских «смут» в контексте теории «цивилизационного маятника» / Article: "Inversion of values of Russian «strifes» according to the theory of "pendulum of civilization"")* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политологии Российского государственного университета туризма и сервиса (Москва) / **BAGDASARYAN Vardan E.** — Doctor of History, Professor, Head of the Department of History and Political Science of Russian State University of Tourism and Service (Moscow).

E-mail: vardanb@mail.ru.

БЕЛОБОРОДОВА Анна Александровна *(статья «Кризис цензурной политики правительства как отражение общественной смуты в Российской империи в начале XX в.» / Article: "The governmental censorship policy crisis reflecting the social strife in the Russian Empire in the early XX c.")* — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Курского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета (Курск) / **BELOBORODOVA Anna A.** — Candidate of History, Senior Lecturer of the Department of Psychology and Pedagogy of the Institute for Social Education of Kursk (branch) of Russian State Social University (Kursk).

E-mail: anna-2909@yandex.ru.

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович *(статья «Российские смуты и игры "просвещенного" разума» / Article: "Russian strifes and the games of "enlightened" mind")* — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); член Оргкомитета и Ведущий Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте» / **BULDAKOV Vladimir P.** — Doctor of History, Senior Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); member of the Organizing Committee and Moderator of the International Roundtable Discussions "People and Power in Russian Strife".

E-mail: kuroneko@list.ru.

БУХОВЕЦ Олег Григорьевич *(статья «"Красная смута", крестьянство и советское нациестроительство: пример БССР, РСФСР и Польши» / Article: "“Red Strife”, peasantry and the Soviet nation-building as exemplified by BSSR, RSFSR and Poland")* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного экономического университета (Минск); ведущий научный сотрудник Института Европы РАН (Москва); член Оргкомитета Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте» / **BUHOVETS Oleg G.** — Doctor of History, Professor, Head of the Department of Political Science of Belarus State Economic University (Minsk); Leading Researcher of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Moscow); member of the Organizing Committee of the International Roundtable Discussions "People and Power in Russian Strife".

E-mail: o_g_bukhovets@km.ru.

ДЕМИДОВА Елена Игоревна *(статья «Высшая школа в российской революции» / Article: "Higher school in the Russian revolution")* — доктор исторических наук, профессор кафедры экономической и политической истории России Саратовского государственного социально-

экономического университета (Саратов) / **DEMIDOVA Elena I.** — Doctor of History, Professor of the Department of Economic and Political History of Saratov State Socio-Economic University (Saratov).
E-mail: demidova-elena@yandex.ru.

ЖЕРДЕВА Юлия Александровна *(статья «Революция 1917 года как "городская революция": "карнавальная культура" и урбанистический мир» / Article: "The revolution of 1917 as "an urban revolution": "carnival culture" and urban world")* — кандидат исторических наук, доцент Самарского государственного экономического университета (Самара) / **ZHERDEVA Yulia A.** — Candidate of History, Associate Professor of Samara State University of Economics (Samara).
E-mail: jujuly@yandex.ru.

ИВАШКО Михаил Иванович *(статья «Церковь и религиозное сознание народных масс в 1917 году: причины кризиса» / Article: "The Church and religious consciousness of the peoples masses in 1917: the causes of the crisis")* — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин Российской академии правосудия (Москва) / **IVASHKO Mihail I.** — Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of General Education of Russian Academy of Justice (Moscow).
E-mail: ivashko@yandex.ru.

ИЛЬЮХОВ Александр Антонович *(статья «Еще раз о причинах российских революций: К вопросу о фальсификациях истории» / Article: "Another view on the causes of Russian revolutions: On the matter of falsification of history")* — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Государственного университета управления (Москва) / **ILYUHOV Aleksandr A.** — Doctor of History, Professor of the Department of History and Political Science of the State University of Management (Moscow).
E-mail: alklio@mail.ru.

КАРПЕНКО Сергей Владимирович *(статья «"Военно-экономический союз" бюрократии и буржуазии на Белом Юге (1919—1920 гг.)» / Article: "“The Military-economic alliance” of bureaucracy and bourgeoisie in the White South (1919—1920))"* — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; главный редактор журнала «Новый исторический вестник» (Москва); член Оргкомитета Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте» / **KARPENKO Sergey V.** — Candidate of History, Associate Professor of the Department of Contemporary History of Russia of Institute for History and Archives of Russian State University for the Humanities; editor-in-chief of the "New historical herald" Journal (Moscow); member of the Organizing Committee of the International Roundtable Discussions "People and Power in Russian Strife".

E-mail: skarpenk@mail.ru.

КОЛГАНОВ Андрей Иванович *(статья «Смута и революция: уроки для XXI века» / Article: "Strife and Revolution: lessons for the XXI century")* — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией по изучению рыночной экономики экономического факультета Московского государственного университета им М.В. Ломоносова (Москва) / **KOLGANOV Andrey I. —** Doctor of Economics, Leading Researcher, Head of the Market Economy Research Laboratory of the Faculty of Economics of M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow).

E-mail: alternativy@tochka.ru.

КРАВЦОВА Елена Сергеевна *(статья «Политические партии России о преобразовании налоговой системы (1905—1917 гг.): утопии и реалии» / Article: "Russian political parties on the transformation of taxation (1905—1917): utopias and reality»)* — кандидат исторических

наук, доцент Курского государственного медицинского университета (Курск) / **KRAVTSOVA Elena S. —** Candidate of History, Associate Professor of Kursk State Medical University (Kursk).

E-mail: elenakravcova@yandex.ru.

ЛАПШИН Аркадий Олегович *(Введение / Introduction)* — кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Власть» (Москва); инициатор (и руководитель Оргкомитета) Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте» / **LAPSHIN Arkadiy O. —** Candidate of History, editor-in-chief of the "Authority" Journal (Moscow), Initiator (and Head of the Organizing Committee) of the International Roundtable Discussions "People and Power in Russian Strife".

ЛИПАТОВА Надежда Валерьевна *(статья «Фрагмент как целостность: мозаика лидерства в смутное время» / Article: "Fragment as Integrity: Mosaics of Leadership in the Time of Troubles")* — кандидат исторических наук, доцент Ульяновского государственного университета (Ульяновск) / **LIPATOVA Nadezhda V. —** Candidate of History, Associate Professor of Ulyanovsk State University (Ulyanovsk).

E-mail: nlipatova@mail.ru.

ЛИСЕЙЦЕВ Дмитрий Владимирович *(статья «Российские "чиновники" начала XVII века в событиях Смуты» / Article: "Russian "officials" of the early XVII century in the events of the Times of Troubles")* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва) / **LISEYTSEV Dmitriy V. —** Candidate of History, Senior Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

E-mail: liseitsev@mail.ru.

МАРЧЕНЯ Павел Петрович *(Введение и статья «Власть и народ: Утопия и История, или Еще раз о смысле "русского бунта"» / Introduction and article: "Power and People: Utopia and History, or Another view on the sense of the "Russian Riot"")* — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Московского университета МВД России; доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва); инициатор (и член Оргкомитета) Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте», автор/соавтор и редактор научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» / **MARCHENYA Pavel P.** — Candidate of History, Associate Professor of the Department of Philosophy of Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; Associate Professor of the Research and Training Center «New Russia. History of post-soviet Russia» of Institute for History and Archives of Russian State University for the Humanities (Moscow); Initiator (and member of the Organizing Committee) of the International Roundtable Discussions "People and Power in Russian Strife"; author/coauthor and editor of the Scientific Project "People and Power: History of Russia and her falsifications".

E-mail: marchenyap@mail.ru.

МИХАЙЛОВ Игорь Васильевич *(статья «Российские смуты в современной историографии» / Article: "Russian strifes in contemporary historiography")* — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России (Москва) / **MIHAILOV Igor V. —** Candidate of History, Associate Professor of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow).

E-mail: narodivlast@gmail.com.

ПАВЛОВА Елена Валентиновна *(статья «Десакрализация Самодержавия: к вопросу о генезисе Смуты» / Article: "Desacralization of the Autocracy: on the matter of the genesis of Strife")* — кандидат исторических наук (Самара) / **PAVLOVA Elena V. —** Candidate of History (Samara).

E-mail: sunrain@list.ru.

РАЗИН Сергей Юрьевич *(Введение и статья «Политические партии как фактор российских смут и революций XX в.» / Introduction and article: "Political parties as a factor of Russian strifes and revolutions of the XX c.)* — старший преподаватель кафедры общественных наук Института гуманитарного образования и информационных технологий (Москва); инициатор (и член Оргкомитета (координатор)) Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте», автор/соавтор и координатор научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» / **RAZIN Sergey Y. —** Senior Lecturer of the Department of Social Studies of the Institute for the Humanities and IT (Moscow); Initiator (and member of the Organizing Committee (coordinator)) of the International Roundtable Discussions "People and Power in Russian Strife"; author/coauthor and coordinator (moderator) of the Scientific Project "People and Power: History of Russia and her falsifications".

E-mail: razin_sergei@mail.ru.

САВЧЕНКО Нина Александровна *(статья «Материалы сенаторских ревизий как отражение российской смуты начала XX в.» / Article: "Materials of senatorial audit reflecting the Russian strife of the early XX c.")* — кандидат исторических наук, доцент Курского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета (Курск) / **SAVCHENKO Nina A.** — Candidate of History, Associate Professor of the Institute for Social Education of Kursk (branch) of Russian State Social University (Kursk).

E-mail: savchenko-rgsu@yandex.ru.

СЕЛИВАНОВ Александр Иванович *(статья «Народ и власть в российской смуте: заметки по итогам круглого стола» / Article: "People and Power in Russian Strife: Notes on the results of the Roundtable Discussions")* — доктор философских наук, профессор, начальник научно-исследовательского отдела Академии экономической безопасности МВД России (Москва); член редколлегии журнала «Власть» / **SELIVANOV Aleksandr I.** — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Scientific Research Department of Academy of Economic Safety of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow); editorial board member of the Journal "Authority".

E-mail: narodivlast@gmail.com.

СЛАВИН Борис Федорович *(статья «Революция еще не завершилась» / Article: "The Revolution was not yet terminated")* — доктор философских наук, профессор Московского педагогического государственного университета; помощник Президента Международного Фонда социально-экономических и политологических исследований («Горбачев-Фонд») (Москва) / **SLAVIN Boris F. —** Doctor of Philosophy, Professor of Moscow State Pedagogical University; Assistant to the President of the International Non-governmental Foundation for Socio-economic and Political Studies (Gorbachev-Fond) (Moscow).

E-mail: slavin@gorby.ru.

СОЛОВЕЙ Валерий Дмитриевич *(статья «Есть ли будущее у русской революции?» / Article: "Is there any future for the Russian revolution?")* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России (Москва); член Оргкомитета Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте» / **SOLOVEY Valeriy D. —** Doctor of History, Professor, Head of the Department of Public Relations of Moscow State Institute of International Relations (University) of the of the Ministry of

Foreign Affairs of Russia (Moscow); member of the Organizing Committee of the International Roundtable Discussions "People and Power in Russian Strife".

E-mail: vsolovei@mtu-net.ru.

ТКАЧЕНКО Сергей Витальевич *(статья «Российская власть и правовые реформы: ожидаемое и действительное» / Article: "Russian authorities and reforms of law: expectances and reality")* — кандидат юридических наук, доцент кафедры «Социальные технологии и право» Самарского государственного университета путей сообщения (Самара) / **TKACHENKO Sergey V. —** Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Law of Samara State University of Railways (Samara).

E-mail: rektor2@rambler.ru.

ЧЕРНИЧЕНКО Марина Юрьевна *(статья «Экономический дискурс в антибольшевистской периодической печати Юга России 1918—1920 гг.» / Article: "Economic discourse in anti-Bolshevist periodicals of the South of Russia in 1918–1920)* — аспирантка кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва) / **CHERNICHENKO Marina Y. —** Postgraduate student of the Department of Contemporary History of Russia of Institute for History and Archives of Russian State University for the Humanities (Moscow).

E-mail: cher_@inbox.ru.

ЧЕРТИЩЕВ Андрей Владимирович (*статья «О некоторых итогах и уроках анализа массового политического сознания России в 1917 году» / Article: "On some results and lessons of the analysis of mass political consciousness of Russia in 1917")* — доктор исторических наук, профессор кафедры философии Московского университета МВД России; профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-воздушной академии имени профессора

Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (Москва); член Оргкомитета Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте» / **CHERTISHCHEV Andrey V. —** Doctor of History, Professor of Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; Professor of the Department of humanitarian and social-economic discipline of the Air Force Academy named after N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin (Moscow); member of the Organizing Committee of the International Roundtable Discussions "People and Power in Russian Strife".

E-mail: narodivlast@gmail.com.

ШЕЛОХАЕВ Валентин Валентинович *(статья «"Смута" в российском измерении» / Article: "“Strife” under the Russian conditions")* — лауреат Государственной премии РФ, доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории; директор Института общественной мысли (Москва); член Оргкомитета Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте» / **SHELOHAEV Valentin V. —** the Laureate of State bonus of the Russian Federation, Doctor of History, Professor, the head specialist of the of Russian State Archive for Social and Political History; Head of Institute of Social Thought (Moscow); member of the Organizing Committee of the International Roundtable Discussions "People and Power in Russian Strife".

E-mail: iom07@mail.ru.

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич *(статья «Влияние правового нигилизма на возникновение и развитие системного кризиса» / Article: "The effect of legal nihilism on the emergence and progress of system crisis")* — доктор юридических наук, профессор Российской академии адвокатуры и нотариата (Москва), вице-президент Гильдии российских адвокатов / **YURYEV Sergey S. —** Doctor of Law, Professor of Russian Academy of Legal Practice and Notaries (Moscow), Vice-President of the Russian Barristers Guild.

E-mail: sergey.juriev@collegium.ru.

ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНОГО ПРОЕКТА «НАРОД И ВЛАСТЬ: ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ»

1. Публикации в журнале «ВЛАСТЬ»

1. *Булдаков В. П. (в соавт.)*. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 1-я часть / В. Булдаков, П. Марченя, С. Разин // Власть. — 2010. — № 4. — С. 14—17. — (0,5 п. л.). http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/04/Mezhdunarodnyj_kruglyj.pdf.
2. *Булдаков В. П. (в соавт.)*. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 2-я часть / В. Булдаков, П. Марченя, С. Разин // Власть. — 2010. — № 5. — С. 10—14. — (0,6 п. л.). http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/05/Megdunarodnyj_kruglyj_stop.pdf.
3. *Булдаков В. П. (в соавт.)*. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 3-я часть / В. Булдаков, П. Марченя, С. Разин // Власть. — 2010. — № 6. — С. 13—17. — (0,6 п. л.).
http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/06/Krugl_stol.pdf.
4. *Булдаков В. П. (в соавт.)*. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 4-я часть / В. Булдаков, П. Марченя, С. Разин // Власть. — 2010. — № 7. — С. 9—14. — (0,7 п. л.). http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/07/Buldakov.pdf.
5. *Булдаков В. П. (в соавт.)*. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 5-я часть / В. Булдаков, П. Марченя, С. Разин // Власть. — 2010. — № 8. — С. 9—13. — (0,6 п. л.). http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/08/Krugl_stol.pdf
6. *Булдаков В. П. (в соавт.)*. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 6-я часть / В. Булдаков, П. Марченя, С. Разин // Власть. — 2010. — № 9. — С. 16–21. — (0,7 п.л.). http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/09/Krugl_stol.pdf.

2. Публикации в других ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Перечнем ВАК РФ

7. *Разин С. Ю.* «Перестройка» и «Смута» на Международном круглом столе «Народ и власть в российской смуте» // Федерализм. — 2010. — № 2 (58). — С. 223—234. — (0,8 п. л.). http://www.federalizm.ru/data/nomer.shtml?nomer=58.

8. *Булдаков В. П. (в соавт.).* «Народ и власть в российской смуте»: прошлое и настоящее системных кризисов в России / В. П. Булдаков, П. П. Марченя, С. Ю. Разин // Вестник архивиста. — 2010. — № 3. — С. 288—302. — (0,9 п. л.). http://www.vestarchive.ru/issledovaniia/1083-l-n---n.html (Краткий англоязычный вариант: http://www.arhivemagazine.com/conferences/35-qpeople-and-power-in-russian-strifeqthe-past-and-the).

9. *Марченя П. (в соавт.).* Народ и власть в русской смуте: «Вилы» и «грабли» отечественной истории / П. Марченя, С. Разин // Обозреватель — Observer. — 2010. — № 7 (246). — С. 96—103. — (0,7 п. л.). http://www.rau.su/observer/N7_2010/096_103.pdf.

10. *Марченя П. П. (в соавт.).* Крестьянство и власть в России / П. П. Марченя, С. Ю. Разин // Социологические исследования (Социс). — 2010. — № 9. — С. 140. — (0,1 п. л.). http://www.isras.ru/socis_2010_09.html

11. *Марченя П. (в соавт.).* Империя и Смута — инварианты российской истории / П. Марченя, С. Разин // Федерализм. — 2010. — № 3 (59). — С. 121—134. http://www.federalizm.ru/data/nomer.shtml?nomer=59.

3. Готовятся к выходу из печати:

- *Марченя П. П. (в соавт.).* Смутоведение» как «гордиев узел» россиеведения: от Империи к Смуте, от Смуты к ..? / П. П. Марченя, С. Ю. Разин // Россия и современный мир. — 2010. — № 4. http://www.imepi-eurasia.ru/russian.php#soder410.

- *Марченя П. П. (в соавт.).* Империя и Смута в современном россиеведении: По мотивам круглого стола «Народ и власть в российской смуте» / П. П. Марченя, С. Ю. Разин // Вестник РГГУ. Сер.: «Исторические науки. История России». — 2010. http://rggu-bulletin.rggu.ru/section.html?id=6665.

4. Краткие информационные сообщения о состоявшемся Международном круглом столе «Народ и власть в российской смуте» на специализированных научных сайтах сети Интернет:

- на сайте ИС РАН: http://www.isras.ru/vlast_ks_2009.html;
- на сайте ИНИОН РАН: http://www.inion.ru/news/podrob.php?87.txt;
- на сайте журнала «Новый исторический вестник: http://www.nivestnik.ru/anons/22.shtml;
- на сайте журнала «Вестник архивиста»: http://www.vestarchive.ru/1/1003-l-n-.html.

Научный проект
«НАРОД И ВЛАСТЬ:
ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ»

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 1

23 октября 2009 г. в Институте социологии РАН состоялся организованный журналом «Власть» Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». Он был посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа как двух главных агентов исторического развития России в ситуациях глобальных социальных катаклизмов, революций и смут (как периодически повторяющихся системных кризисов российского государства и общества). В дискуссиях этого круглого стола приняли участие более трех десятков ученых, представляющих научные журналы, научно-исследовательские организации и высшие учебные заведения России и Беларуси.

Основные проблемные направления дискуссий круглого стола:

1. Смута/революция, кризисный ритм российской истории: прошлое и настоящее.
2. Динамика развертывания системных кризисов.
3. Элиты и массы в российских смутах.
4. Смуты и российская власть: ожидаемое и действительное.

Материалы круглого стола были опубликованы в журнале «Власть» и на сайте ИС РАН. Информация о состоявшихся дискуссиях и серия аналитических статей по их мотивам опубликованы также в целом ряде других ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных Перечнем ВАК РФ.

По итогам работы круглого стола подготовлен сборник научных статей в серии научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (Выпуск 1).

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 2

Постоянно действующий научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации» и общенациональный научно-политический журнал «Власть» приглашают всех заинтересованных специалистов принять участие в Международном круглом столе «Крестьянство и власть в истории России XX века», который состоится 12 ноября 2010 г. в Институте социологии РАН.

Основные проблемные направления дискуссий круглого стола:

1. «Крестьянский вопрос»: смысл и значение в истории России и человечества.

2. XX век в истории России: «раскрестьянивание» или «окрестьянивание» страны.

3. «Великий незнакомец» и публичная политика в России»: мифы и реальность.

4. Русское крестьянство: «могильщик» Империи или её цивилизационный фундамент?

5. «Аграрные реформы» и «русские крестьяне»: отечественная история и ее фальсификации…

Адрес проведения мероприятия: г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Материалы круглого стола будут опубликованы в журнале «Власть» и на сайте ИС РАН. Информацию об итогах работы круглого стола предполагается опубликовать также в ряде других ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных Перечнем ВАК РФ.

По итогам работы круглого стола также предполагается издание сборника научных статей в серии научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (Выпуск 2).

Приглашаем к участию историков, исторических антропологов, социологов, политологов, юристов, экономистов, философов, культурологов и других специалистов, которые не равнодушны к названным проблемам.

НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ
«НАРОД И ВЛАСТЬ:
ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ»

THE SCIENTIFIC PROJECT
"PEOPLE AND POWER:
HISTORY OF RUSSIA AND HER FALSIFICATION"

http://www.google.com/profiles/narodivlast

http://narodivlast.bestpersons.ru/
http://proekt-n-i-v.livejournal.com/
http://my.mail.ru/mail/narodivlast
http://ru-ru.facebook.com/people/Naucnyj-Proekt/100001736893761
http://scipeople.ru/group/919/topic/2883/

НАРОД И ВЛАСТЬ
В РОССИЙСКОЙ СМУТЕ

Сборник научных статей
участников Международного круглого стола
журнала «Власть»
и Института социологии РАН

Научный проект
«НАРОД И ВЛАСТЬ:
ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ»

Выпуск 1

Круглый стол был посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа как двух главных агентов исторического развития России в ситуациях глобальных социальных катаклизмов, революций и смут как периодически повторяющихся системных кризисов российского государства и общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ПУБЛИКАЦИИ:

Народ. Власть. Российская смута. Революция. Системные кризисы. Массы. История России.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

ЛАПШИН Аркадий Олегович: vlastark@rambler.ru
МАРЧЕНЯ Павел Петрович: marchenyap@mail.ru
РАЗИН Сергей Юрьевич **(Координатор)**: razin_sergei@mail.ru

НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ: narodivlast@gmail.com

PEOPLE AND POWER
IN RUSSIAN STRIFE

Collection of scientific articles
of the contributors of the International Roundtable
Discussions of the Journal "Authority"
and of the Institute of Sociology of the RAS

The Scientific Project
"PEOPLE AND POWER:
HISTORY OF RUSSIA AND HER FALSIFICATION"

Issue 1

The Roundtable is dedicated to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of problem of the interaction of Power and People as two main agents to the historical development of Russia in the situations of global social cataclysms, revolutions and strifes as periodically repetitive systemic crises of the Russian state and society.

KEYWORDS TO PUBLICATIONS:

People. Power. Russian Strife. Revolution. Systemic Crises. Masses. History of Russia.

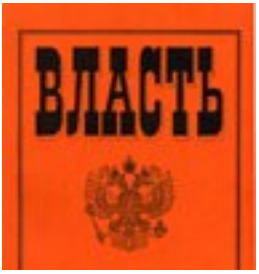
CONTACT INFORMATION:

LAPSHIN Arkadiy: vlastark@rambler.ru
MARCHENYA Pavel: marchenyap@mail.ru
RAZIN Sergei **(Coordinator):** razin_sergei@mail.ru

THE SCIENTIFIC PROJECT: narodivlast@gmail.com

Институт социологии РАН

Общенациональный научно-политический журнал
«ВЛАСТЬ»



НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

НАРОД И ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ СМУТЕ

Сборник научных статей
участников Международного круглого стола
журнала «Власть» и Института социологии РАН

(23 октября 2009 г.)

Научный проект

«НАРОД И ВЛАСТЬ:
ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ»

Выпуск 1